

**АЛЫКУЛ
ОСМОНОВ**

**АЛЫКУЛ
ОСМОНОВ**

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

★

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

★

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

**АЛЫКУЛ
ОСМОНОВ**

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ**

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1990

ББК 84. Ки 7
0 75

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),

И. В. Абашидзе, А. Н. Болдырев, Р. Г. Гамзатов,
Н. С. Гилевич, М. А. Дудин, А. В. Западов, М. К. Каноат,
Д. С. Лихачев, А. М. Малдонис, А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян,
Б. И. Олейник, А. И. Павловский.

*Вступительная статья,
составление и примечания*
КАМБАРАЛЫ БОБУЛОВА

Редактор Д. М. Климова

О $\frac{4702300200-041}{083(02)-90}$ КБ-1-37-89

ISBN 5-265-00989-2

© Издательство «Советский писатель», 1990 г.

СУДЬБА И ПОДВИГ ПОЭТА

От молодости отказаться смогу,
Но песню не троньте, ее сберегу.
И если солгу перед богом стократно,
То песне моей никогда не солгу.

Это знаменитое четверостишие — поэтическое кредо выдающегося киргизского советского поэта Алыкула Осмонова, эпитафия ко всему его творчеству. Он написал это уже смертельно больным. После этих строк он совершил писательский и жизненный подвиг, создав свои лучшие произведения.

Алыкул Осмонов был вдохновенным певцом новой социалистической жизни родного Киргизстана, нерушимой дружбы и братства советского народа, мира на Земле, героического подвига советских солдат и тружеников тыла в суровые, трудные военные и послевоенные годы. Поэт-новатор обогатил родную поэзию новыми художественными формами, расширил выразительные возможности киргизского стиха.

1

Алыкул Осмонов родился в семье бедняка в марте 1915 года в аиле Каптал-Арык (ныне Калининского района Киргизской ССР). Он рано лишился родителей, воспитывался в детдоме в Токмаке, в 1929 году поступил во Фрунзенский педтехникум, по окончании его работал в редакциях киргизских периодических изданий, занимался литературным трудом¹. В литературу как поэт он вошел в начале 30-х годов.

¹ Краткие биографические сведения об Осмонове см. также в его автобиографической заметке «Мой творческий путь» (с. 32 наст. изд.) Опубликовано в кн.: Осмонов А. Собр. соч.: В 3-х т. Фрунзе, 1965. Т. 3. С. 8 (на кирг. яз.). В дальнейшем ссылки на эту работу не делаются.

Это был бурный, сложный период социалистического строительства, пора больших трудностей, тяжелой жизненной ломки. Но это было и время гражданского подвига народных масс, когда на авансцену истории смело вышли новые хозяева страны — рабочий класс и трудовое крестьянство под руководством Коммунистической партии. Киргизские поэты старшего поколения боролись за новую жизнь не только пером, но и практическим делом, общественной активностью. В то время уже создалась новая реалистическая поэтика, окрепли поэтические голоса Аалы Токомбаева (1904—1988), Мукая Элебаева (1905—1944), Джоомарта Боконбаева (1910—1944), Джусупа Турусбекова (1910—1943) и других поэтов первого призыва.

По возрасту и литературному опыту Осмонов был моложе своих товарищей — основоположников киргизской советской литературы, в 30-х годах его поэтический голос еще не окреп, хотя он издал три книги — «Песни рассвета» (1935), «Звездная молодость» (1937), «Чолпонстан» (1937). В этих сборниках молодого поэта сразу бросается в глаза риторичность, декларативность, вторичность. Самое огорчительное — он не обрел своего поэтического голоса, хотя при внимательном чтении стихотворений можно отметить такие удачи, как «Ночной голос», «Красные летчики», «Вперед, товарищи!», «Защитим свой класс», «Чапаев» и другие. В приподнятых декларативно-призывных строках слышится энтузиазм комсомольских поэтов начала 30-х годов:

Над нашей страной, золоты, горячи,
Великой Победы сияют лучи.
Земле мы свободу и мир подарили —
Вперед, комсомольцы, бойцы, трубачи!

(«Лучи Победы», 1932)

Стихотворение «Чапаев» (1934), вскоре ставшее популярным, говорит о горячем стремлении каждого — от школьника до боевого командира — вступить в бой за новую жизнь так же бесстрашно, как легендарный начдив. К сожалению, таких стихотворений в первых книгах Осмонова немного, он сам это хорошо понимал, остро переживал и настойчиво искал пути к творческому совершенству. В стихотворении «Я сам» поэт горько сетовал на то, что его стихи «не дошли до народа», «книги не обрели известности», свое слово в поэзии еще не сказано.

В 1938 году в личной жизни Осмонова произошло драматическое событие: он навсегда расстался со своей первой любовью, девушкой Айдай Джигиталиевой, которую любил страстно и безнадежно. Эта драма осталась в его сердце незаживающей раной, но не только не сломила его, а наоборот, подтолкнула к творческому труду. В 1938 го-

ду Алыкул начал переводить на киргизский язык поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Опираясь на исследовательские работы, сличая различные переводы великого произведения, молодой поэт прошел серьезную поэтическую школу и в 1939 году завершил свой труд. Это был первый крупный поэтический перевод в истории киргизской советской литературы. Книга вышла в 1940 году, и великая поэма Руставели за короткий срок буквально завоевала умы и сердца всех слоев киргизского народа, а имя Алыкула сразу приобрело широкую известность.

Но были и стихи, в которых отразилась сердечная боль поэта. Об этом Алыкул говорит в той же автобиографии: «В 1939—1940 годах я мало писал, но много читал. В то время подготовил книгу стихов „Лирика“, преобладали стихи пессимистические. В 1941 году все сжег». Сожженная рукопись — драма для поэта и большая потеря для нас, сегодняшних читателей Осмонова. По свидетельству Тугельбая Сыдыкбекова, написавшего воспоминания о поэте, Алыкул сжег рукопись в отчаянии, когда издательский редактор публично бросил ему в лицо необоснованное политическое обвинение, отыскав в одном из четверостиший какую-то «крамолу».

Начало Великой Отечественной войны Алыкул Осмонов, будучи истинным сыном своего народа и поэтом-гражданином, воспринял как грозную опасность для всего социалистического отечества.

В сентябре — октябре 1941 года он написал публицистическое стихотворение «Да здравствует сердце, да здравствует разум!».

В отличие от многих собратьев-поэтов, он не предсказывал скорую победу, а предупреждал о грозной опасности, прямо говорил, что фашисты располагают сильным оружием в смертельной битве, которая должна решить судьбу советской родины.

Тяжелая болезнь не позволила поэту взять в руки оружие. В годы войны он жил напряженной творческой жизнью, писал стихи о войне, перевел поэму Низами «Хосров и Ширин» (1941), пьесу Шекспира «Двенадцатая ночь» (1942), написал пьесы «Чолпонбай», «Любовь», «Кто это?» — все о героях войны (1943).

В конце 1944 года Алыкул переживает, казалось бы, полный крах личной жизни: умерла его новорожденная дочь, ушла жена, обострился туберкулезный процесс в легких. Но поэт не дал сломить себя тяжким жизненным обстоятельствам и все свои силы отдал творчеству.

В это время он часто бывал на берегах Иссык-Куля. Горячо любимое озеро питало его вдохновение. Здесь он написал свои лучшие произведения. Так, в конце ноября 1944 года он создает большой цикл стихотворений, ставших впоследствии основой знаменитой книги стихов «Любовь», с которой началось вхождение Осмонова в большую поэзию. В ту зиму созданы известные произведения «Моя звезда»,

«Чего я стыжусь», «Шота Руставели», «Журавли», «Тридцатилетие», «Не смейся надо мной», «Черная бабочка», «Природа и музыка», «Букентай», «Я видел полет лебедей». Тогда же (до начала марта 1945 года) поэт создал свои лучшие лирико-романтические поэмы: «Толубай», «Борьба характеров», «Моя мать», «Кулуйпа», «Майская ночь», «Кто это?», «Карагул», «Любовь».

В автобиографии Алыкул писал, что считает 1945 год годом наступления творческой зрелости. В этой самооценке нет преувеличения, любой крупный поэт гордился бы такими результатами.

Необычайно плодотворными были и следующие годы, когда Алыкул приезжал на Иссык-Куль для лечения. В ноябре 1945 года он создает самую крупную из своих поэм — «Воскресшие из мертвых», а также поэмы «Три ноги», «Дженишбек», «Удалец Мирза», «Стодвадцатилетняя яблоня и столетилетний Шавкет Гирей», «Тополь Эшимкана». Кроме того, написано много стихотворений, среди них «Поливщик», «Доярка», «Башкарма», «Той, которая копает свеклу», «Память обо мне», «Вы не умерли», «Русский народ — мой родной брат», «Не прожил жизни я, а жизнь моя прошла...», «Город Фрунзе».

Еще через год, 30 октября 1946 года, поэт приезжает в поселок Чолпон-Ата, и снова любимое озеро вдохновляет поэта. Каждый день он пишет по несколько стихотворений, в том числе такие, как «Молдокул», «Желание», «Не волны, а лебеди...», «Груне Савельевне», «Женщине», «Четыре времени года на Иссык-Куле», «Поэт» («Народ поэта истинного чтит...»), «Что значит — земля?», «Бешбармак», «Комуз», «От молодости отказаться смогу...».

На берегу Иссык-Куля созданы стихотворения, составившие знаменитые послевоенные книги Осмонова: «Любовь» (1945), «Новые стихи» (1946), «Моя земля — земля песен» (1947), «Для детей» (1947), «Новые стихи» (1949). Кроме того, Алыкул перевел в эти годы «Евгения Онегина» Пушкина, «Отелло» Шекспира, «Лейли и Меджнун» Алишера Навои, написал пьесы «Смерть героя» (1945), «Вторая бригада» (в стихах, 1947), «Ракия» (1947), «Сторож Коман» (1947), «Абылкасым Джанболотов» (1949), «Серебряный родник» (1949) и другие.

В послевоенное время Алыкул предстает перед нами глубоким и тонким лириком, большим мастером стиха. Он уверен в своих силах, мечтает о народном признании. В 1945 году было написано стихотворение «Память обо мне»:

Постелят мне камень, накроют песком,
Но, если строка моя вспыхнет хоть в ком,
Могильные плиты я сброшу с себя
И в росной степи проскачу рысаком!

В конце сороковых годов талант Алыкула достиг своего зенита. Он мечтал быть услышанным не только своим народом, но и всеми народами нашей страны. Он сам подготовил подстрочные переводы для своей первой книги на русском языке и, отправляя рукопись в издательство «Советский писатель», проявил художественный вкус, творческую смелость и самостоятельность суждений, выразив пожелание, чтобы его произведения были переведены С. Маршаком, И. Сельвинским, В. Звягинцевой, С. Липкиным — крупнейшими мастерами поэтического перевода.¹ Составителем книги «Мой дом» стал известный поэт и переводчик С. А. Обрадович (1892—1956), с которым у поэта установились хорошие дружеские и деловые отношения после того как в конце 1949 — начале 1950 года Алыкул побывал в Москве. Во втором письме поэт писал Обрадовичу:

«Дорогой и милый человек Сергей Александрович!

Как поживаете?

Я еще лечусь. Здоровье улучшается. В ближайшие дни собираюсь поехать на кумысолечение.

В этом году я хочу написать колхозную поэму. Как закончу, напишу Вам о замысле и сюжете поэмы. Если удастся, вышлю подстрочный перевод.

Ознакомлю Вас также с циклами новых стихов. Прошу передать привет Сергею Леонидовичу Кирьянову, Липкину, Звягинцевой и другим дорогим друзьям по творчеству, которых я знаю».²

По тону письма не подумаешь, что это написано человеком обреченным, знающим о близком конце, — кажется, что у него впереди большая жизнь и большие планы... 12 декабря 1950 года Алыкула не стало.

Поэт успел получить авторские экземпляры книги «Мой дом», он с радостью дарил их друзьям, послал экземпляр А. Фадееву, возглавлявшему тогда Союз писателей СССР. Фадеев сразу заметил подлинный талант киргизского поэта и от имени Союза писателей выдвинул книгу на соискание Государственной премии СССР.

В конце 1950 года С. Обрадович опубликовал рецензию, где отметил, что скончавшийся в расцвете творческих сил поэт Алыкул Осмонов был крупным, ярким представителем киргизской советской поэзии, и книга «Мой дом» в переводе на русский язык подтверждает это.

«А. Осмонова можно назвать новатором в киргизской поэзии. Не потому только, что он ломал традиционный киргизский стих и приближал его звучание к русскому стиху, не потому, что стих его был свое-

¹ См. письмо к С. А. Обрадовичу// «Лит. Киргизстан». 1975, № 5. С. 110.

² Там же. С. 111.

образно лаконичен и вместе с тем содержателен и что художественный образ в его стихах был порой смелым, неожиданным, дерзновенным. <...> Далекий от украшательства, А. Осмонов показывал действительность так, как она есть, находя в ней черты нового, того, что преобразило людей, изменило мир...»¹

«Показывал действительность так, как она есть». Не часто можно было сказать подобные слова о книге того периода, когда процветала пресловутая теория бесконфликтности. Да, позиция поэта была бескомпромиссна, и Сергей Обрадович подтверждает это: «Я был редактором-составителем книги Осмонова <...> и в процессе работы почти все переводчики-поэты говорили, как радостно и с каким настоящим поэтическим волнением они работают над переводом стихов А. Осмонова. И теперь, когда она вышла из печати, книгу стихов Осмонова читаешь не однажды и всякий раз в ней находишь новые неиссякаемые богатства поэзии».²

В речи на XIV пленуме правления Союза писателей СССР в конце 1953 года А. Фадеев отметил, что «за тридцать шесть лет развития советской художественной литературы она создала и свои выдающиеся или просто хорошие образцы и авторитеты... Надо чтить память тех, кого уже нет с нами»³. Наряду с именами Горького, Маяковского, А. Толстого, Серафимовича, Янки Купалы, Джамбула, Токтогула, Мусы Джалиля и других он назвал имя Осмонова.

2

Настоящий поэт — в первую очередь сын своего времени. Становление поэтической зрелости Алыкула Осмонова совпало, как уже говорилось, с тяжелым испытанием для всей нашей страны, и киргизский поэт встал в ряды достойнейших певцов нашей многонациональной поэзии, прославивших подвиг народа-победителя, подвиг Советской Армии, спасшей мир от фашистского ига. В одном из лучших стихотворений этого периода он нашел скорбные и высокие слова о страшной сущности войны, безжалостно уносящей молодость, жизнь, будущее людей, сложивших головы на чужой земле. Эти слова достойны быть высеченными на памятниках:

Незагоревшимся огонь казался миг назад,
И молодость была вчера свежа, как виноград,
Объединенные судьбой и лишь мечтой горя,
Вы были шумною толпой ровесников-ребят.

¹ Там же. С. 112.

² Там же. С. 113.

³ Фадеев А. А. «За тридцать лет». М., 1957. С. 582.

Где вы, ровесники мои, где вы теперь, где я?..
Не скроешь, видно,— поредел живой и дружный ряд.

Ряд поредел. Когда ушли, чтобы сломить врага,
Вы, для кого в бою и жизнь была не дорога.
Крутыми крыльями шумя, когда растаял снег,
Вы не вернулись в отчий край, в зеленые луга.
И, землю мерзлую обняв, остались вы навек,
В чужой земле остались вы, легли в ее снега!

(«Вы не умерли». 1945)

Алыкул считал слово боевым оружием поэта и тяжелее всего переживал творческие неудачи. В конце 1944 года было написано стихотворение «Чего я стыжусь», которое носит программный, исповедальный характер.

Стыжусь, мои друзья, лишь одного:
Не создал я пока что ничего
Такого, чтобы в душу к вам запало,
А ведь живу я только для того...

(«Чего я стыжусь». 1944)

В этом же стихотворении затронута и лирическая тема, ранее запретная в киргизской литературе. Впервые после великого Токтогула молодой поэт открыто и смело пишет о страданиях любви («Я не стыжусь, что сверстница моя В былые дни любила не меня...»).

В то время Алыкул много ездил по республике, подолгу жил среди дехкан, летом — на пастбищах у чабанов, в неторопливой своей манере он беседовал со стариками, с женщинами, сыновья которых были на фронте, своими глазами видел слезы, страдание, терпение, трудовой героизм. Слушал рассказы фронтовиков, записывал легенды, пословицы, поговорки, были, народные рассказы, умело используя эти богатства в своем творчестве.

Стихотворения этого времени подкупают читателя правдивостью, безыскусственностью, часто в них слышится голос трагедии. В основе стихотворения «Букентай» (1944) лежит история девочки, выросшей во время войны без отца, который пал смертью храбрых три года назад. Она не знает, что отец никогда не вернется домой:

Затянет песню: «Дорогой отец мой, приезжай!
И днем и ночью о тебе скучает Букентай...»

Бесхитростная песня трехлетней девочки воплощает в себе боль и слезы целой большой семьи. Это — страшная повесть войны, у этой повести нет конца.

Поэт обращается к молодой красивой женщине, которая стыдится, что ее муж, вернувшийся с фронта, после ранения хромает:

Даже тулпар быть израненным может —
Может о камни споткнуться порой.
Шрамы всегда украшали мужчину.
Муж твой — пойми — настоящий герой.

(«Застенчивой молодой женщине». 1945)

Позднее поэт, размышляя о судьбе и подвиге неизвестного советского солдата, погибшего на чужой земле, так завершит стихотворение:

Пошел бы я пешком к его могиле,
Пришел, смешал бы горсть ее земли
Я с кровью льва, чтобы ее вкусили
Мои сыны, чтоб храбрыми росли.

(«В Праге». 1948)

Глубокое знание народной жизни военных лет дало поэту возможность создать образы сильных духом женщин, умевших в лихолетье работать за пятерых, выдержавших невзгоды, несчастья, горе, потери близких людей, но не потерявших женского достоинства. В стихотворении «Материнская сила» (1946) в приподнято-эпической манере создан поистине героический образ киргизской женщины-матери:

Мать говорит: «Нет вестей... Ветер ненастья крут...
Четыре года прошли — письма всё не идут.
Не зная, где мой сынок, где жеребенок мой,
Как-то летом я сидела, сушила курут.
Выгнулась вдруг земля, тронулась гор круговерть,
И покачнула двор, дрогнув, земная твердь.
Что же это кругом? Что предвещает гром?
вижу: идет мой сын — сын, одолевший смерть...
Это ведь сила его горы согнула в дугу,
Плачу от радости я, слез я унять не могу...»
— «Нет! Это сила твоя! Мама, сила твоя
Землю встряхнула, хребет переломила врагу!»

За строками стихотворения стоят образы женщин из великого киргизского эпоса, многоопытная мать Манаса Чийырда, легендарная жена Манаса Каныкей, ее сноха Айчурек. Это женщины, обладавшие недюжинным умом, богатым житейским опытом, умевшие ждать своих мужей и не терять надежды. Обрисованная Осмоновым мать, подобно им, словно «слита из золота и серебра».

Поэма «Дженишбек», одна из вершин творчества Алыкула,— произведение реалистическое, но с романтическими крыльями. В ней рассказано о тяжком горе старика Минбая, у которого погиб на фронте сын:

Дженишбек, сын единственный, храбрый джигит,
Мать с отцом почитавший, в могилу зарыт.
Где-то там, под Варшавой, он сном беспробудным
Спит в могиле безвестной, давно уже спит.

Старик Минбай каждый день приходит к Иссык-Кулю, идет на пристань, надеется, что любимый сын сойдет с корабля, но напрасно: другие сходят на пристань, радуются, плачут, целуются, расходятся по домам, а его сына нет, а он все ждет... Поэт изображает горе старика возвышенными словами, почерпнутыми из сокровищницы киргизского народного творчества. Старик у него — «тулпар, что на скачках споткнулся о камень, по дороге побрел, одинок и устал». Особенно трагичны и величественны те строки, где думы старика сливаются с размышлениями поэта.

О судьба, ты наследника-сына дала,
Ты пылала огнем, но сгорела дотла.
Отчего ты с дороги вернулась в селенье,
Без наездника к дому пришла, без седла?

О судьба, ты семью, дом и счастье дала,
Всё дала, чтоб он жил, милосердна была.
Почему возвратилась домой из полета,
Оттого что в дороге сломала крыла?

Для человека, воспитанного в живой стихии эпоса, эти строки точно выражают мироощущение героя, потерявшего последнюю надежду. Ведь во времена рукопашных битв, бывало, домой возвращался лишь конь батыра...

В конце поэмы звучит утверждение бесконечной и неистребимой жизни:

Брось, отец, не гляди в чашу вспененных вод
И не мучайся так, знай, что сын твой придет!
Вечно будет твой сын Дженишбек, улыбаясь,
В День Победы сюда приходите что ни год.

Тот же мажорный мотив звучит и в других небольших лирико-романтических поэмах философского характера — «Моя мать», «Кулуйпа», «Майская ночь», «Кто это?», «Тополь Эшимкана», «Воскресшие из мертвых», «Три ноги». В основе каждой из них лежат, по всей видимости, подлинные истории, записанные поэтом в аилах. В них

рассказывается о ратных подвигах солдат, о любви, верности и благородстве ожидающих их женщин («Кто это?», «Кулуйпа», «Любовь»). Поэт осуждает отжившие дедовские обычаи, в плену которых остаются некоторые молодые люди, смеется над персонажами забавных историй («Майская ночь»), размышляет над темой добра и зла («Тополь Эшимкана»).

В легенде «Любовь» ослепшая девушка полюбила безногого солдата, и вот великая любовь совершает чудо: Кульшай прозрела и встал на ноги джигит Касым. Физические и моральные страдания солдата, вернувшегося с фронта после тяжелого ранения, символически изображены в поэме «Три ноги».

В поэме «Тополь Эшимкана» Осмонов переложил в стихи народную легенду, философский смысл которой — в извечной борьбе добра и зла. Образ тополя с тысячами корней выступает как символ народа, имеющего тысячелетнюю историю. Тополь расцветал в мирные дни, когда народ строил новую счастливую жизнь, но однажды в начале лета, когда все вокруг было зелено, он пожелтел — знак беды! В дни войны его «сухие сучья издавали стоны». Но вот народгерой погнал врага с родной земли:

Не покоренный вражьей силой черной,
Покрылся тополь наш листвою зеленой.
Не кровь, не град — на землю падали цветы,
Как знак побед, с его ожившей кроны.

Поэма заканчивается лирическим отступлением, в котором тополь Эшимкана, ставший вечнозеленым, символизирует вечность и непобедимость жизни на земле.

3

В стихотворении «Я родился», одном из завершающих творческий путь (июнь 1949), Осмонов говорит: «Я родился, чтоб землю мою любить, чтобы много увидеть и совершить». Тема Родины — одна из центральных, сквозных тем его поэзии, она получила художественное воплощение во многих стихотворениях и каждый раз звучала по-новому. В стихотворениях «Джеты-Огуз» (1944), «Твоя поэма» (1945), «Киргизские горы» (1946), «Отчизна» (1946), «Нарын» (1946), «Ат-Баши» (1946), «Родина» (1948), «Ночи во Фрунзе» (1948), «Родной язык» (1948), «Если бы ушел я в дальние края...» (1949) поэт воспел родной край, его неповторимую природу, величественные горы Ала-Тоо, грозное, стремительное течение горных рек, журчание чистых родников, высокогорные луга — джайлоо, просторы

Чуйской долины, летом пахнущие медом, яблоками, дынями... Вдохновенные поэтические строки он посвятил любимому городу Фрунзе:

Город Фрунзе, милый город! Дедово гнездо!
Сто названий в этом сердце и напевов сто...
Нет, скорее б я расстался с милою своей,
Но с тобой, любимый город,— ни за что!

(«Город Фрунзе». 1945)

В июле 1937 года во время поездки в Джеты-Огуз на кумысолечение, судя по датам стихотворений, Алыкул впервые увидел великое озеро — Иссык-Куль и навеки отдал ему свое сердце и вдохновение. В эти дни, восхищаясь доселе невиданной красотой озера, он посвятил ему первые стихотворения: «Озеро перед рассветом», «Волшебная ночь», «Ночное путешествие», в которых выразил юношеский восторг перед первым знакомством. До конца своих дней поэт остался верен этой любви, суть которой выразил в словах: «Озеро — это наша мать». Поэт подолгу жил на Иссык-Куле, видел его в разное время, внимательно изучал, всматривался и в его волны, и в зеркальную гладь, говорил: «Иссык-Куль, пока ты жив, и я не умру!» Иссык-Куль, по признанию Алыкула, был самым задушевным другом в его жизни, ему в трудные годы онверял свои сокровенные мысли, сердечные тайны, ему посвятил свои самые звонкие строки, рожденные искренней любовью и сыновней благодарностью. Во вступлении к поэме «Дже-нишбек» каждая строка согрета теплым дыханием озера, сверкает бурной его волной, отражает чистоту и прозрачность бездонного голубого Иссык-Куля:

Иссык-Куль то притихнет, то грянет волной,
То взволнует меня, то обдаст тишиной,
Сколько в жизни своей ни имел я друзей,
Всё же друга прямей не нашел под луной.

Иссык-Куль то замрет, то ударит волной
И обрушит на берег огонь молодой.
Сколько в жизни своей ни имел я друзей,
Всё же друга верней не нашел под луной.

Лучшие строки, посвященные Иссык-Кулю, ставшие хрестоматийными, поэт создал после 1944 года, когда созрел его поэтический талант. Стихи об Иссык-Куле могли бы составить отдельную книгу. Они не повторяют друг друга, в каждой новой гранью раскрывается неповторимая красота озера. «Помню, смущалось оно, словно нежная девушка, В краски закатного солнца себя облекая...» («Озеро вече-

ром», 1946). Поэт сравнивает синеву озера с синевой смеющихся глаз ребенка, притихший Иссык-Куль — со спящим ребенком: «...убаюкала сына мать». («Сверкая, лежит Иссык-Куль родной...», 1946), волны озера — с прекрасными лебедями.

Здесь синь. Ну, а в небе осеннем — дожди...
Там мрак, а на глади озерной тепло.
Не бойся, спокойно берись за весло,
Не волны, а лебеди это вдали.

(«Не волны, а лебеди...». 1946)

Образ лебедя часто появляется в стихах Алыкула, для него они являются символом чистоты и красоты природы. Вот идет он по берегу вечером — «Где солнце село, — там краснеет небосвод. Рассыпал Иссык-Куль свет розоватых вод». Увидев стаю лебедей, он не стреляет в них — «...никто не сделался добычей моей». Поэт размышляет о молодости, которая уже проходит, и мечтает о стихах, которые еще впереди:

Иль вправду молодость — горячей пули взлет?
Иль вправду молодость и светится и жжет?
Но пулю надо ли стрелку пускать напрасно, —
Опустошенному, как двигаться вперед?

Дни юности моей, вы цель свою нашли,
Не затерялись вы, крылатые, вдали,
Но где же лебеди — мои стихотворенья,
Чтоб радовать народ отеческой земли?

(«Я видел полет лебедей». 1945)

Алыкул не сразу постиг народную мудрость, заключенную в народном творчестве — пословицах, поговорках, песнях, легендах, дастанах — малых эпических поэмах и, наконец, в великом эпосе «Манас». Круглый сирота, он вырос, получил воспитание в детдомах, интернатах, в детские и юношеские годы был далек от живой стихии народно-поэтического творчества, не слышал колыбельных песен матери, легенд и сказок от отца. Оторванность Алыкула от фольклорной почвы чувствовалась в его раннем творчестве.

Авторитетное слово А. М. Горького, сказанное с трибуны Первого съезда Союза писателей, о необходимости беречь и использовать богатства фольклора, безусловно, повлияло на Алыкула, способствовало его повороту к изучению народного творчества.

Отношение Алыкула Осмонова к фольклору — обширная тема, заслуживающая специального обстоятельного научного исследования. Взаимоотношения Осмонова с фольклором можно было бы

разделить на три типа. Осмонов первым среди киргизских поэтов в конце 30-х годов начал осознанно и систематически собирать фольклор. Он записывал легенды и творчески их перерабатывал, подчеркивая идейное содержание, оттачивая форму. Он подготовил для издания рукопись «Легенды, собранные в народе», не увидевшую свет по неизвестным причинам.

В кратком предисловии к книге поэт писал: «В устном творчестве — фольклоре — значительное место занимают легенды. Основы легенд составляют исторические события в прошлом и мечта народа о будущем. Возникновение легенды связано с одним конкретным событием, которое взволновало народ, запомнилось. Часто рождаются легенды, связанные с историческими и географическими местами, как Ат-Баши, Нарын... Некоторые легенды, несмотря на небольшой объем, обладают удивительной силой воздействия и восхищают, покоряют человека.

Легенды в своей основе очень здоровы, жизнерадостны, они далеки от пессимизма, разочарования, уныния, не зовут к рабской покорности силам природы, наоборот, они воодушевляют, окрыляют человека, призывают к могуществу, полету, мудрости, мастерству, храбрости, отваге. Поэтому этот вид фольклора является бесценной духовной пищей народа. В самые трудные годы наш народ стойко выдержал все испытания, выпавшие на его долю, и создал легенды, призывающие к мужеству...»¹

Сегодня, перечитывая «Легенды», поражаешься тщательной, кропотливой работе поэта, разнообразию его интересов. Он собирает легенды о городах Пишпек (ныне Фрунзе), Нарын, Каракол (ныне Пржевальск), об озере Иссык-Куль, об исторических памятниках — мавзолее Манаса, крепости Кагети и Кошой-Коргона, об ущелье Девушка-джигит, об истории Черной горы и многие другие. Встречается с народными лекарями, подробно записывает их рецепты, интересуется целебными качествами различных трав, медвежьего мяса, верблюжьего молока, кумыса. В своей книге Алыкул фиксирует множество киргизских народных названий. Это большие звезды; года и месяцы; животные и их детеныши; возраст животных и птиц; их классификация; духи — покровители домашних животных; понятия любви, счастья, профессии и т. д. Он подробно описывает приметы голодных лет, джута — многоснежной морозной зимы, когда от бескормицы гибнет много скота. Поучительны легенды об охотниках, верной собаке, дурном глазе, воровстве, щедрости, вечном источнике молодости. Алыкул интересовался и легендами, рожденными в наше время, — записал рассказы о Ленине, об Октябрьской революции,

¹ Осмонов А. Собр. соч.: В 3-х т. Фрунзе, 1965. Т. 2. С. 605 (на кирг. яз.).

о русском народе, о Кирове, Фрунзе, Буденном, Калинин, Горьком, Панфилове, Шевченко, Руставели, о реактивном миномете «катюша», о первом тракторе, автомобиле, радио, колхозе, четвертой пятилетке. Приведем для примера два рассказа из этой рукописи.

О ВОЙНЕ

Накануне Великой Отечественной войны нам часто снились пожар и река. Одному старику из нашего колхоза «Эпкиндуу» снилось, что одна река с запада, другая с востока текли навстречу, встретились, между ними шла кровавая схватка, а к вечеру западная река обмелела, высохла. Старик этот на другой день сказал, что будет война и Советский Союз одержит победу.

О КОЛХОЗЕ

Колхоз — это святое дело. Если ты работаешь на колхоз, значит, ты работаешь на свое государство. Если ты честен, трудолюбив, колхоз тебя уважает. Если ты вор, колхоз тебя проклянет, умрет твой ребенок. Вот мы все время работаем и все здоровы, совсем не бодем, это колхоз спасает нас от болезни, от несчастья.

Алыкул Осмонов высоко ценил поэзию «Манаса», считал эпос идейно и художественно совершенным, преклонялся перед памятью гениальных сказителей-манасчи, которые из глубины веков донесли до наших дней океаноподобный эпос. В 1940 году Алыкул познакомился с несколькими вариантами «Манаса», записи которых хранятся в фондах Института языка и литературы Киргизской Академии наук, и был потрясен поэтической мощью этой энциклопедии киргизской жизни. Поэт тщательно собирает легенды о сказителях «Манаса», которые пользовались в народе огромным авторитетом. В 1946 году, когда готовилось празднование тысячелетия «Манаса», Алыкул написал две статьи — «Сагынбай Орозбаков» и «Наследник „Манаса“». В первой статье, отметив непреходящую ценность эпоса, он особо говорит о неповторимом таланте великого сказителя-манасчи Сагынбая Орозбакова: «Из всех сказителей, живших в XX веке, самым знаменитым, самым сильным по таланту является Сагынбай Орозбаков. Но, к нашему стыду, об этом великом человеке до сих пор не сказано нами достойного слова, которого он заслуживает. В прежнее время киргизы говорили: «Каждое слово Сагынбая стоит скакуна». Мы, люди, знающие русскую классику, литературу Запада и Востока, можем сказать без преувеличения, что он стоит в одном ряду с Пушкиным, Толстым,

Данте, Шекспиром. Как преклоняемся мы перед великими мастерами русской литературы, так же преклонимся перед памятью Сагынбая». ¹

Размышляя о перспективах издания «Манаса», о будущей его мировой славе, поэт с болью упрекал художественную интеллигенцию Киргизии, ученых, и себя в том числе, за то, что не выполнен гражданский долг перед великим наследием киргизского народа, хотя наш гениальный эпос стоит рядом с самыми выдающимися эпическими поэмами мира. Он говорил, что об эпосе все еще не написано настоящих научных исследований. Эта мысль поэта и сегодня не потеряла своей актуальности.

Во второй статье Алыкул ведет разговор о мастерстве других выдающихся сказителей «Манаса»: Акылбеке, Тыныбеке, Дыйканбае, Кельдибеке, Жандаке, Байджане, Отунчу, Балыке, которые жили и творили в прошлом веке. Каждый из них внес свой вклад в поэтику эпоса и остался навсегда в памяти народа. Поэт отмечает, что если бы не Октябрьская революция, великий эпос исчез бы с этими последними сказителями. Но благодаря письменности, которую обрел народ после Октября, «Манас» был записан, стал общенародным достоянием. Алыкул Осмонов особо выделяет подвижнический труд первого манасоведа Ибраима Абдырахманова, который всю свою сознательную жизнь посвятил собиранию «Манаса», записи разных его версий, которые доньше хранятся в рукописном фонде сектора «Манаса» Института языка и литературы АН Киргизской ССР.

Кроме записи легенд и анализа фольклорных произведений, Алыкул сам создавал стихотворения и поэмы по фольклорным мотивам и сюжетам. Он написал пять лирико-эпических поэм, в основу которых положены широко известные в народе легенды: «Толубай» (1937, 1944), «Борьба характеров» (1944), «Қарагул» (1945), «Удалец Мирза» (1945), «Стодвадцатилетняя яблоня и столдесятилетний Шавкет Гирей» (1945). В прошлом эти легенды были широко популярны, имели много версий как прозаических, так и стихотворных, несли различные идейные акценты. Поэт не просто переложил их в стихи, а привнес в тему, сюжет и поэтику черты своей творческой индивидуальности, вместе с тем бережно сохранив народные черты.

В основе легенды «Қарагул» лежит подлинная история, в центре которой — трагедия охотника Тумаша. Народная версия легенды такова: у охотника было пятеро сыновей, четверо погибли, остался младший, Қарагул, надежда и опора семьи. Когда Тумаш, которому было уже за восемьдесят, ушел на охоту, Қарагул поссорился с матерью и, надев шубу из козленка, пошел встречать отца. В ожидании он уснул под кустом, а отец, идущий с неудачной охоты, принял сына за козленка и убил его. Народная легенда осуждает алчность, жесто-

¹ Осмонов А. Собр. соч. Т. 2. С. 586—587.

кость охотника, убивавшего диких животных беспощадно и сверх необходимости, но в центре ее все-таки горе, страдание охотника, по ошибке застрелившего единственного сына. Осмонов, сохраняя народную канву, переосмыслил легенду, обновил сюжет, ввел дополнительную героиню — старуху Кайберен — мифическую покровительницу кайберенов, диких горных коз. Охотник Тумаш,

...не жалея пуль,
Десятками уничтожал косуль,
Стрелял в упор, и гордый тур на склоне
Валился на бок, словно мягкий куль.

Потом Тумаш в упор застрелил козленка и попал в пещеру к старухе Кайберен. Угостив охотника айраном, на прощание старуха говорит:

«Стрелок, смотри
Побереги сыночка Карагула,
Ружья отныне в руки не бери!
Пусть в альчики твой не играет сын,
И шубы пусть не надевает сын
Из шкур кийиков...» Сгнула старуха,
Тумаш, очнувшись, видит: он один.

Но охотник забыл предостережение покровительницы горных коз, уступил капризам сына, снова пошел на охоту; на этот раз возвращался домой совсем без добычи, в гневе, и был жестоко наказан. Новаторство Осмонова в том, что популярный народный плач о Карагуле он переплавил в поэму, достигшую высот общечеловеческого звучания.

Поэме «Борьба характеров» предшествовало большое стихотворение «Горе. Из охотничьего рассказа» (1937). Смысл его сводится к тому, что бедняк, потерявший единственного сына, сталкивается с жизнью животных в природе и приходит к выводу: «В этом мире все жестоко, не стоит унывать и отчаиваться».

Поэта не удовлетворил идейно-художественный уровень стихотворения. В 1944 году он написал на тот же сюжет поэму «Борьба характеров», которая проникнута народной мудростью; в новом варианте воспета твердость духа, воля и неукротимость человека — хозяйна земли.

В поэтической обработке Алыкула получила новую жизнь и популярная легенда о трагической судьбе Мирзы и Саткын, двух влюбленных, которые нашли свою смерть в жестокое время, когда царили феодальные законы и порядки. Осмонов обогатил легенду новыми мотивами, сохранив при этом фольклорный стиль, умело используя приемы устно-поэтического творчества.

Обрабатывая произведения фольклора, Осмонов не ограничивает себя лишь творчеством своего народа, он интересуется фольклором соседних народов, с которыми киргизы с древних времен взаимодействовали и имели много общего в области духовной культуры. Так, сюжет поэмы «Стодвадцатилетняя яблоня и столдесятилетний Шавкет Гирей», по многим признакам, взят из фольклора оседлого народа.

Стихия народного творчества ярко проявилась и в таких произведениях, как поэмы «Мать», «Кулуйпа», «Майская ночь», «Дже-нишбек», «Кто это?», «Любовь», «Тополь Эшимкана», стихотворения «Тридцатилетие», «Черная бабочка», «Шота Руставели», «Застольная песня», «Я киргизский поэт», «Сенокос», «Не смейся надо мной...», «Покрышкину». Все они созданы в традициях реалистической литературы, но в них присутствует, алмазным светом блещет ответ народной поэзии. Осмонов искусно вводил в свои стихи элементы из арсенала народной поэтики. Иногда он намеренно писал в народном ключе. Наиболее удачные из этих опытов — «Величальная жениха и невесты», «Боз-бала», «Жена башкармы» и другие. В стихотворении «Застольная песня» использован широко распространенный жанр — кошок (оплакивание, причитание), для того, чтобы почтить память друзей-поэтов, погибших в дни войны.

Стихотворение написано 20 февраля 1945 года. Мечтая о близком дне Победы, поэт описывает радостный праздник и с горечью говорит о тяжелых потерях. Он не находит за праздничным столом Джоомарта Боконбаева, чьи стихи «летели вровень с временем», а сам он сравним с «конем Ширдакбека» — легендарным Бозжорго из эпоса «Ширдакбек». Не видит он и Джусупа Турусбекова, «шумевшего крылами подобно бурану», его сравнивает с «легендарным конем Кок-Ала» — конем Чубака, соратника Манаса. Нет за столом и Мукая Элебаева, «который душою был прям и порывист, как бешено мчавшийся Алпкаракуш» — мифическая огромная птица из киргизского фольклора, Мукая поэт сравнивает со скакуном Толубая.

Алыкул умело использовал изобразительные средства фольклора в стихах, воспевающих труд колхозников. Герой стихотворения «Джамиля» (1946) влюблен в ударницу, прославившуюся на всю страну. В народных песнях, если джигиту нравится девушка, он «забывает» в ее айле камчу или колпак, чтобы был повод вернуться. Алыкул использовал этот прием:

Хорош урожай у тебя, Джамиля,
О славе твоей зашумела земля.
И, радуясь славе, я сам не свой:
Я видеть тебя ежедневно хочу,—
В айле твоем позабыл я камчу,
Верни мне камчу, я поеду домой.

С народной песней перекликается и стихотворение «Мария» (1946), где гордая девушка, минуя родник, ходит по воду к реке. Почему? Может быть, ее жених — «лебедь в тростнике»?

Фруктовый у Марии сад.
Как бусы, яблоки висят.
Комбайнер у нее жених,—
И скоро свадьба, говорят.

Осмонов любил свой народ, как достойнейший сын, дорожил его духовным наследием, древней историей, гордился народным творчеством и богатствами родного языка, но ему чужды были национальная ограниченность, слепь, высокомерие по отношению к другим народам. Он мог критически говорить о некоторых чертах быта своего народа, призывая учиться у других народов, в частности у русских. Таковы стихотворения «Спать хочется», «Бешбармак». Поэт возмущается непутевым, бесхозяйственным киргизским дехканином («Казакбай». 1948), осенью продающим свой хлеб за бесценок, а весной покупающим его втридорога. Дом у Казакбая дырявый, сада нет. Поэт чисто-сердечно признается, что и сам он — родной брат Казакбая: его дом пуст, хотя, бывало, получал он большие деньги. В стихотворении «Ат-Баши» поэт воспеваает горный район, где он купался в источниках и вдоволь пил кумыс, «лишь тенистого сада нигде не встречал». Он обращается к киргизам:

Я хочу, чтоб услышали все мой призыв
И сады полюбили, плоды их вкусив.

4

Алыкул Осмонов обладал высоко развитым чувством интернационализма, заложенным в нем с детства, когда он жил в детских домах, в атмосфере коллективизма, вместе с детьми разных национальностей. Он рано понял ценность литератур других народов, без знания которых нельзя создать что-нибудь значительное в своей литературе. Во Фрунзенском педтехникуме, который был тогда своеобразным киргизским лицеем, где в 20-х годах учились многие писатели, заложившие основы киргизской советской литературы, Алыкул начал знакомиться с произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого. Особая любовь возникла к Пушкину — и к творчеству его, и к личности, эту любовь поэт пронес через всю свою жизнь. В четырнадцать лет Алыкул сделал первую попытку поэтического перевода — перевел на родной язык «Зимний вечер» Пушкина. В 1937 году, когда страна отмечала столетие со дня гибели Пушкина, Алыкул снова

вернулся к «Зимнему вечеру», сделал новый вариант, а также перевел стихотворение «Цветок», «Сказку о попе и о работнике его Балде», написал статью «Мой учитель», где есть такое признание: «Пушкин всем нам, в том числе и молодым поэтам Киргизстана, оставил бесценное наследие. Вдохновенная, светлая его поэзия открывает дорогу начинающим поэтам, окрыляет их, помогает совершенствоваться мастерство... Для меня лично Пушкин — вечный учитель, спутник».¹

В те же предвоенные годы Алыкул перевел книгу В. Вересаева «Жизнь Пушкина». После войны он перевел «Евгения Онегина», это стало событием в культурной жизни киргизского народа.

Пушкин для Осмонова был больше чем поэт, он служил ему мерилом чести и совести. В начале войны Алыкул написал стихотворение «Да здравствует сердце, да здравствует разум!», где рядом ставит имена Пушкина, Горького, Ленина. Пушкин для него — синоним России: если фашисты хотят уничтожить Россию, — значит, и Пушкина. Последнее стихотворение, посвященное Пушкину, написано летом 1949 года, в числе самых последних произведений Алыкула. Он сравнивает здесь свое отношение к творчеству великого русского поэта в ранней юности и в зрелые годы:

В те дни я верил только в свой успех,
В те дни себя я ставил выше всех.
Тебя залить своим пытался морем,
А море с полстакана — просто смех!

Ты не заметил дерзости моей,
И понял я, что ты меня сильнее.
Тогда перед тобой я преклонился:
Сам утонул в поэзии твоей!

Осмонов хорошо понимал историческое значение великого русского народа, его ведущую роль в социалистическом строительстве, в единении народов СССР. Поэтому русская тематика занимает у него важное место. Одна из его фольклорных записей — «Русский народ», где выражено искреннее уважение киргизского народа к своему родному брату, с которым он делил в трудные дни последний кусок хлеба: «Русский народ — народ широкой души, самый вежливый, щедрый, терпеливый, стойкий в беде. Ему не свойственны обман, изворотливость, хитрость, скаредность, ему свойственны открытость, искренность, справедливость. Русский камня за пазухой не держит; говорит в лицо правду, хоть держи топор над его головой; если хочешь занять настоящего друга, подружись с русским, он тебя никогда не подведет,

¹ Осмонов Алыкул. Собр. соч. Т. 2. С. 585.

в беде не бросит. Без дружбы с русским народом, без учебы у него мы далеко не шагнем». ¹

Осмонов свое отношение к русскому народу вложил в четыре строки:

Ты, Россия, мне матерью стала родной,
Словно беркута, гладила доброй рукой.
Всею душой благодарной тебе говорю:
Наш народ будет сильным, пока он с тобой.

(«Россия». 1945)

Это стихотворение можно взять эпиграфом ко всей русской теме Осмонова. Он разрабатывал ее в стихотворениях «Груне Савельевне», «Русский народ», «Пржевальскому», «Русскому гостю», «Покрышкину», «Академику Скрябину», «Иссык-Куль и Нева», «Москва», «Русскому народу», «Русская девушка». В стихотворении «Русский народ» поэт воспел величие, щедрость, бескорыстие братского народа, помогавшего в тяжелое время и указавшего верный путь:

Умчался сумрак тех дремучих дней,
Когда чуждались русских мы людей:
Россия стала задушевым другом,
И что ни день, то ближе и родней.

С особым уважением поэт относится к тем выдающимся русским людям, которые своей деятельностью внесли большой вклад в единение русского и киргизского народов. Поэт восхищается подвигом Н. М. Пржевальского, исследовавшего пустыни Центральной Азии, памятник которому высится на берегу Иссык-Куля («Пржевальскому». 1948). В стихах о Герое Советского Союза Покрышкине звучат слова, как бы взятые из героического эпоса: «Выше смерти отвага и воля твоя, Три звезды — несравненная доля твоя». Сыновняя любовь и нежность звучат в стихах, обращенных к простой русской женщине, воспитательнице детдома Груне Савельевне, которая выжила его, больного подростка:

Я далеко. Я жив, моя родная.
Не сетуй, что к тебе не приезжаю.
Слезой матери была твоя слеза,
Хоть ни отца ни матери не знаю.

(«Груне Савельевне». 1946)

¹ Осмонов Алыкул. Собр. соч. Т. 2. С. 646.

В стихотворении «Русскому гостю» поэт задушевно беседует с русским другом, побывавшим у него в доме и оставившим столько добрых воспоминаний:

В твоей отчизне святость дружбы знают,
Там люди искренни, земля добра.
Пусть завтрашние звезды вспоминают,
Что звездами светились мы вчера.

В своей поэзии Осмонов обращается к другим народам нашей страны. В поэме «Мать» он воспевает героизм украинцев, в стихотворении «Шота Руставели» восхищается гениальным грузинским поэтом. До конца своих дней он был певцом дружбы и братства народов СССР.

5

Осмонов был певцом труда простых людей — маляров, плотников, крановщиков, камнеломов, строителей, поливщиков, доярок, свекловодов, садоводов, табунщиков, чабанов. Когда читаешь его стихи, посвященные труженикам города и села, вспоминаются слова А. М. Горького, сказанные с трибуны Первого съезда Союза писателей СССР, обращенные к литераторам нового социалистического общества: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, то есть человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники,— человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на ступень искусства. Мы должны выучиться понимать труд как творчество».¹

Горький предостерегал молодых писателей от поверхностного изображения труда, тружеников, призывал вникнуть в их внутренний мир. В киргизской литературе 30-х годов наряду с удачами было немало риторики, голого описательства, ложного пафоса. Не избег этого и Осмонов. Более вдумчивым отношением к людям труда отмечены его произведения послевоенного периода.

В 40-е годы Алыкул жил среди людей труда, разделяя их заботы, осознал тяжесть повседневного труда в колхозах и на пастбищах. В таких стихотворениях, как «Бригадир Бегималы», «Очистка зерна», «Время полива», без прикрас изображен трудовой процесс, требующий напряжения всех душевных и физических сил, тревога дехканина за судьбу будущего урожая, зависимость от стихии:

Мы спешим, а ветра нету, ветра нету, как назло.
Незаметно, слишком быстро время осени пришло.

¹ Горький А. М. О литературе. М., 1958. С. 710.

В стихотворении «Восхищение» (1946) образно запечатлен новаторский труд знаменитой киргизской свекловичницы дважды Героя Социалистического Труда Зууракан Кайназаровой.

Самая уважаемая, самая почетная профессия — чабан, об этом говорится в стихотворении «Секрет Рахмана». У этого чабана, видно, был какой-то секрет: «Беды не знали дороги к нему». Нет, говорит поэт, никаких тут особенных секретов: честность, добросовестный труд — вот залог успеха. Чистосердечное, искреннее уважение к колхозникам Алыкул выразил и в одном из последних своих стихотворений:

Да будет прозрачной и чистой
Вода, что колхозники пьют.
Пушай в богатырском здорovie
Колхозники наши живут.

Белеет аил над арыком.
Там песни, там смех, там уют...
Пушай же в труде и довольстве
Колхозники наши живут!

(«Колхозникам». 1949)

Тема рабочего класса в киргизской предвоенной литературе была новой темой, не имевшей национальных традиций, — киргизы лишь в советское время приобщились к рабочим профессиям. Киргизским писателям, выходцам из сельской местности, нелегко было осваивать тему индустриального труда. Осмонов в послевоенных стихах сумел это сделать лучше других. Он искренне мечтал, чтобы дети чабанов, дехкан освоили новые современные городские профессии. «Человек в спецовке грязной» преображает жизнь, дарит людям радость, он покрасил дом — «и словно солнце поселилось в нем». Поэт печалится, что отец его, век кочуя, «такого в жизни мастерства не знал» («Маяль». 1948). Осмонов изобразил рабочих убедительно, психологически верно, а главное — как бы «изнутри», он проник в душу рабочего класса, и себя он стал считать человеком из рабочей среды.

Рабочему я издавна родня:
В нем — мощь творца, дар песен — у меня.
Без песни и труда ни одного
Не проходило в мире нашем дня.

(«Труд и песня». 1948)

Алыкул воспевает труд рабочего, который «дворцы возводит в краю родном», и песня поэта «к нему стремится светлой птицей в дом». Братский союз рабочего и поэта утверждается и поэтизируется

в стихотворениях «Маляр», «Плотники», «Дувалчи», «Камнеомы», «Карабек», «Характер рабочего», «Слово мастера», «Марджанкуль», «Завод», «Братишке, который учится в ФЗУ» и других. Вот строки о мастерах-плотниках, работой которых любитесь поэт:

Точно, стройно, мерно топоры стучат.
Мой напев сегодня не у них ли взят?
Плотничья работа хороша, как песня,
И пою я звонко с топорами в лад.

(«Плотники». 1948)

Он радуется, что младший брат выбрал рабочую профессию, уверен в его будущем: «Знаю, перегонишь ты меня, братишка,— смел твой ясный взгляд» («Братишке, который учится в ФЗУ». 1948). Побывав на заводе, он проникается поэзией заводских будней:

Друзья, не забуду завод никогда я,
Запомню, как сталь выливалась тугая,
Как сердце мое полюбило ее,
Закалкой соперничать с нею желая.

(«Завод». 1948)

Алыкул Осмонов воспевал героический труд и прав был, когда в одном из стихотворений назвал себя поэтом чабанов, кетменщиков, хлопкоробов, маляров, каменщиков.

6

Алыкул Осмонов одним из первых в киргизской литературе обратил взор в глубины человеческой души, отобразил в стихах тончайшие душевные переживания. Он раскрыл перед читателем свою душу, свой богатый, сложный, полный драматизма внутренний мир. Враг многословия, стихов-пустоцветов, он дал классические образцы лаконичного, емкого стиха, точных метафор, композиционной завершенности. Особенно пронзительны стихи последнего периода жизни поэта, в которых он предается философским размышлениям о жизни и смерти, неразрывно связанным с темой творчества.

Осмонов оставил нам немало стихотворений, где рассуждает о природе поэзии, светлых минутах вдохновения, муках рождения слова. В одном из них на вопрос, почему он ходит один, «безрадостный, как хмурый день осенний», поэт отвечает так:

Ты не ошиблась: хмурый, одинокий,
Я с тишиной шепчусь во тьме глубокой.

В полетах сокол корм находит свой,
Я нахожу стихов грядущих строки.

(«Не смейся надо мной». 1944)

Алыкул Осмонов сполна познал и муки творческого кризиса, и радость творческого взлета, счастье, которое дают минуты вдохновения. Алыкул считал, что слово поэта не может быть пустым, поэт за свои слова отвечает перед народом:

Народ поэта истинного читит.
Быть лжепоэтом — жесточайший стыд.
Четверостишие должно быть ново,
Свежо и прочно, словно жизнь сама,
Неоспоримо, как четыре слова:
Весна и лето,
Осень и зима.

(«Поэт». 1946)

Новаторство Осмонова-лирика проявилось прежде всего в смелости, с которой он раскрыл перед читателем свой внутренний мир, не боясь говорить о самом сокровенном, в том числе о личных драмах.

Как никто другой, он остро чувствовал ценность, неповторимость каждого дня, умел ценить пение птиц, журчание воды в арыках, свет луны над озером, щедрость солнца, тень деревьев, прохладу ветра, прекрасный лик весны. В стихотворениях «Тридцатилетие», «Жизнь», «Что значит — земля?», «Я путник», «О себе», «Я корабль», «У жизни голос есть», «Моей весне», «Пусть двинется сель...» поэт воспел красоту жизни, ее торжество, всемогущую силу, ее вечноживущий, неумиряющий корень, ее победу над смертью:

Жизнь, задержись, оглянись, подожди!
О, как стеснилось дыханье в груди!
Жизнь, ты бледнеешь... Ну что же, исчезни.
Хочешь предать — предавай, уходи.
Я всё равно буду снова рождаться
И расцветать где-то там, впереди!

(«Тридцатилетие». 1944)

Та же мысль — в стихотворении «Моей весне» (1948):

Прощай, моя весна! Уходишь — в добрый час!
Хочу, чтоб дети наши были лучше нас.
Доволен я, весна, моей земной судьбою
И славлю дни, пока светильник не угас.

(«Моей весне». 1948)

мир успокоится», оно полно тревоги за судьбы мира и не потеряло своей актуальности и сейчас, сорок лет спустя.

Смолкните, ветры войны!
Люди, взгляните назад:
Сколько погубило за мир! —
Пусть они мирно спят.

Размышляя о назначении земли, поэт высказывает жизнеутверждающую мысль: «Землю тогда лишь землею зовут, Когда колосятся на нивах хлеба И нежные яблони в зорях цветут».

Поэзия Алыкула Осмонова при всем своем своеобразии развивалась в тесной связи с общим литературным процессом его времени и отразила все его достоинства и недостатки. Мажорные, романтически приподнятые нотки, иногда прямо заимствованные из газетных лозунгов, некоторые стихотворения ориентированы на произведения, создававшиеся в это время в братских республиках, и в первую очередь на произведения русской советской литературы.

Стремление активно вторгаться в жизнь, служить пером делу революции, пропагандировать идеи революции оборачивалось, особенно в ранних произведениях, риторикой, дидактизмом и подражательностью.

Однако в лучших своих стихах Осмонов успешно преодолел эти недостатки. Возвращаясь к созданному им образу дома, можно сказать, что Алыкул построил лучезарный дом поэзии, свет которого в бурную ночь освещает путь. Уют и тепло этого дома и сейчас дают людям силы идти дальше. Этот дом — и наш с вами дом, в нем мы всегда найдем вдохновение, радость, надежду.

Камбаралы Бобулов

МОЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

С детских лет меня тянуло к писательству. Никогда не забуду того, как был я очарован рассказом «Джайлоо» (автора не помню), помещенным в каком-то учебнике. Было это в 1927 году, мне тогда исполнилось двенадцать лет. Учитель Артыкбай Джолдошев, преподававший родной язык, прочитал нам рассказ (это было весной) и сказал: «Скоро все вы будете на джайлоо. А осенью, к началу занятий, принесите ваши рассказы, подобные этому». С того дня меня интересовало только то, как я напишу рассказ.

Быстро пролетело лето, подошла осень. О рассказе я думаю каждый день, но начинаю понимать, что написать его не в силах. «Пусть все во мне перевернется, только бы написать...» — так я все время думал. Начались занятия. Я приходил в отчаяние от мысли, что скажет учитель, когда узнает, что я ничего не написал. Но учитель забыл о рассказе.

В интернате в Токмаке я учился с 1925 года. В 1929 году в стенгазете появилось мое первое стихотворение. С этой поры я стал интересоваться писательством.

В 1929 году я поступил во Фрунзенский педтехникум. У многих учившихся там были литературные способности. Это меня привлекало, но из-за этого же я и терялся.

В то время я впервые услышал имена Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Некрасова, Гоголя, начал читать стихи Абая Кунанбаева. Стал чаще видеть портреты писателей в книгах, на стенах. Про себя думал так: «Самый старший среди них — Лев Толстой, потом Тургенев, Некрасов, Гоголь, а после них Пушкин и Лермонтов». Судил я их по бороде. Только потом, когда начал изучать их творчество, я понял, что ошибся, что молодой писатель Пушкин — самый старший и основатель русской литературы. Эта история долго меня удручала.

Зимой 1929 года я сделал первую попытку поэтического перевода — перевел стихотворение Пушкина «Зимний вечер». Перевод, конечно, был не слишком хорош, но товарищи мои так принялись его хвалить, что мне стало не по себе, я смутился и убежал куда-то.

В сентябре 1930 года республиканская газета «Сабаттуу бол» («Будь грамотным») опубликовала мое стихотворение «Красный обоз». Впервые увидев свои стихи напечатанными, я так обрадовался, разволновался, что не мог в ту ночь заснуть. Тайком от товарищей перечитывал стихи. На другой день в ту же газету понес новые стихи... Так началось. Писал стихи и в свободное время, и на уроках.

Позже мои стихи стали появляться в других газетах, потом в некоторых альманахах, в журнале «Атака». Иногда писал пьесы, декламации.

Тогда же стал знакомиться с видными киргизскими поэтами. Первым был Джусуп Турусбеков. Однажды отнес я ему стихи, он прочитал и сказал: «Стихи хороши, я покажу их Аалы Токомбаеву. А ты в воскресенье собери учеников, я проведу с ними собрание». Вскоре я встретился с А. Токомбаевым, услышал от него похвалу, очень обрадовался. А в воскресенье состоялось собрание по поводу моих стихов — «похвальное собрание». Турусбеков по бытовавшему тогда правилу захвалил меня. В том же 1931 году газета «Ленинчил жаш» выделила моим произведениям целую полосу.

В 1932 году я заболел и уехал в аил. Когда вернулся, поступил на работу в журнал «Атака», в этом мне помог А. Токомбаев, руководивший тогда писателями Киргизии. Этот год решил мое будущее, ведь я собирался вернуться в аил, если не удастся поступить на работу в журнал.

В 1935 году вышел мой первый поэтический сборник «Песни рассвета». В нем была и моя первая поэма «Пуля ошиблась». В период с 1932 по 1935 год я много читал и много писал. Бывали дни когда писал стихи до рассвета.

1935—1936 годы были в моем творчестве годами кризиса. Главная причина: оставаясь в городской замкнутой жизни, писал под влиянием прочитанных книг. Второй сборник стихов «Звездная молодость» оказался книгой, которую нельзя взять в руки.

В эти годы я в основном занимался переводами лирики Пушкина, в 1937 году перевел «Сказку о попе и о работнике его Балде», перевел также лирику Лермонтова, позже — поэму «Беглец». В 1936 году перевел несколько басен Крылова.

В 1937 году по пути в Москву и обратно я прочитал подстрочный перевод поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», а также кое-что о поэме и задумал ее перевести. Эта мысль лишила меня покоя.

«Я уже повзрослел, набрался опыта,— думал я.— Если не смогу перевести поэму, то я совсем слабый поэт. Если сейчас не сделать большой работы, то когда же?»

В 1938 году, в мае, начал переводить поэму. В это самое время я поссорился и расстался с Айдай Джигиталиевой, моей первой любовью. Что послужило причиной разлада, не знаю до сих пор. Я решил, что печаль мою надо заглушить стихами и себя показать, испытать... И решительно взялся за перевод. Не мог оторваться от поэмы, иногда до утра переводил, читаю, перевожу, удивляюсь, радуюсь! Наверное, в то время я был самым счастливым человеком на свете.

Большей частью пользовался подстрочным переводом, но помогали мне также и переводы Бальмонта, Цагарели, Петренко и др. Пользовался еще сборником научно-исследовательских статей «Шота Руставели», изданным Академией наук Грузии. Работал без малейшего перерыва лето, осень, зиму — так сильно захватила меня поэма. Я работал над ней во Фрунзе, Токмаке, Оше, Москве и в апреле 1939 года закончил ее в подмосковной Малеевке, в дачном поселке писателей. Книга вышла в 1940 году в Казани. Через год стал слышать в аилах имена новорожденных: Автандил, Тариэл, Тинатин, Дареджан. Значит, киргизы читают книгу и она им, видно, понравилась. А до «Витязя в тигровой шкуре» вышел третий мой сборник «Чолпонстан».

В 1939—1940 годах я мало писал, но много читал. В то время подготовил книгу стихов «Лирика», преобладали стихи пессимистические. В 1941 году все сжег.

С начала войны писал военные стихи. Они не были изданы отдельным сборником, но печатались в газетах и журналах на киргизском и русском языках до 1945 года.

В 1942 году перевел «Двенадцатую ночь» Вильяма Шекспира.

А в 1941 году перевел «Хосров и Ширин» Низами Гянджеви.

А еще до этого перевел следующее:

1. «Сказки» Ш. Перро.
2. «Пожар» С. Маршака.
3. «Федорино горе» К. Чуковского.
4. «Четыре цвета» (С. Маршака.)
5. «Жизнь Пушкина» В. В. Вересаева.

Переводил также и другие произведения.

1945 год считаю годом наступления зрелости как в жизни, так и в творчестве. В этом году вышел сборник стихов и поэм «Любовь». В 1946 году — сборник стихов и поэм «Новые стихи», в 1947 — сборник стихов «Моя земля — земля песен».

На стыке 1945 и 1946 годов перевел «Отелло» В. Шекспира.

Кроме того, в 1947 году написал пьесу в стихах «Вторая бригада». Ранее, в 1942 году, была написана одноактная пьеса «Кто это?»

В 1947 году, находясь под Чолпон-Атой, закончил пьесу «Ракия» и комедию в стихах «Сторож Кооман».

Итак, с 1930 года по сей день напечатаны следующие мои произведения:

1. «Песни рассвета» — стихи и поэмы.
2. «Звездная молодость» — стихи.
3. «Чолпонстан» — стихи.
4. «Любовь» — стихи и поэмы.
5. «Новые стихи» — стихи и поэмы.
6. «Моя земля — земля песен» — стихи.
7. Военные стихи.
8. «Для детей» — стихи.

П ь е с ы

9. «Нет, не так» — одноактная пьеса.
10. «Вторая бригада» — четырехактная пьеса в стихах.
11. «Ракия» — четырехактная пьеса.
12. «Сторож Кооман» — трехактная комедия в стихах.

П е р е в о д ы

13. А. С. Пушкин. Лирика. «Сказка о попе и о работнике его Балде».
14. М. Ю. Лермонтов. Лирика. Поэма «Беглец».
15. В. В. Вересаев. «Жизнь Пушкина».
16. С. Маршак. «Пожар».
17. К. Чуковский. «Федорино горе».
18. «Четыре цвета».
19. И. А. Крылов. «Басни».

И з в о с т о ч н ы х к л а с с и к о в :

20. Шота Руставели. «Витязь в тигровой шкуре».
21. Низами Гянджеви. «Хосров и Ширин».

22. Ш. Перро. «Сказки».

23. В. Шекспир. «Двенадцатая ночь».

24. В. Шекспир. «Отелло».

Все это написанные мною и переведенные мною произведения по июль 1947 года.

Алыкул Осмонов

28 июля 1947

Чолпон-Ата

СТИХОТВОРЕНИЯ

Будет враг разгромлен,
и в победный день
Красный, яркий орден
ляжет на чекмень!»
Молодая гвардия,
встань, ровняя ряд,
Над тобой знамена
красные горят.
С каждым днем всё крепче
боевой редут.
Белые бандиты
дрогнут, не пройдут.
Встали на границе
мы живой стеной —
Красные герои,
щит земли родной!

1933

3. «ПРАВДА»

В огне революций рожденная «Правда»,
В суровой борьбе утвержденная «Правда»,
Путем большевистским ведешь ты народы,
Бесстрашная, непобежденная «Правда»!

Тебя ежедневно читаем мы, «Правда»,
Как друга, тебя ожидаем мы, «Правда»,
Обидно одно: с опозданием недельным
В аилах тебя получаем мы, «Правда»!

1934

4. ЧАПАЕВ

Воинам-киргизам

Я всё сдержанней с годами, как солдат,
Только в сердце скрыт пылающий заряд:
Стать бы пламенно-бесстрашным, как Чапаев,
Что, не кланяясь шрапнели, шел сквозь ад!..

Стану воином я в будущем году,
Я в чапаевскую гвардию пойду,
Жизни я не пожалею, как Чапаев,
Пусть я даже бездыханным упаду.

Лишь вперед! Другого слова нам не знать,
Лишь в атаку на передовой вставать,
Рваться в бой неустрашимо, как Чапаев,
Не щадить себя, но только — побеждать.

Чтобы в мужестве, откованном войной,
Ни один не мог сравниться бы со мной.
Только б в памяти остаться, как Чапаев,
Стать героем для земли моей родной!

1934

5. МОЕМУ КАРАНДАШУ

Эй, карандаш мой, тих твой шепоток,
Скребет бумагу черный коготок.
Трудись и не сворачивай с дороги,
Пусть крут подъем и путь еще далек!

Мой карандаш, себя не пожалей!
Истрать себя, но так, чтоб соловей,
И жаворонок, и другие птицы
Смогли дивиться песенке твоей!

1935

6. СПУСТЯ ЧЕТЫРЕ ГОДА

В молодые наши года,
Кто б ты ни был, счастливым будь.
Жизнь сама откроет тогда
Неизведанный, новый путь.
И цветы и ветер побед
За тобою шествуют вслед.
Приведет дорога к луне...
Ты с любимой наедине,
Ваши жизни слиты в одно.
Приходилось так думать мне,
И другим, наверно, дано!

Раньше времени встал восход,
А казалось мне: дождь идет,
Он, как друг, упорно шептал
И настойчиво звал вперед.

Это молодость в нас живет,
Молодое дело нас ждет.
И задуматься обо всём,
Размышлять пора настает.

Я приехал издалека,
Мой аил меня не узнал,
«Кто таков?» — спросил облака,
Принахмурившись, перевал.
То, что глухо ответил гром,
Разобрали горы с трудом...
Видно, я оклеветан был —
Стал красавице я не мил.

Вот она и вправду сама,
От которой я без ума.
Из колодца воду берет,
Неужели не узнает?
Подойди-ка, щечку подставь,
Я такой, как прежде, представь!
Улыбнись мне опять светло,
Ведь четыре года прошло...
Слез не надо — я жив-здоров,
Под родимый вернулся кров.
Сердце, сердце, свой пыл умерь,
Не волнуйся так, не спеши.
Дорогая моя, теперь
Как нам быть с тобою, реши.
В разлученье годы прошли,
Без меня цветы здесь цвели.
О тебе единой мечтал
Все четыре года вдали —
Вспоминал я юности дни,
Звезд мерцающие огни.
Может, я чувствительным стал?
Что поделаешь, извини...
О родных скучая местах,
Я во весь работал размах —
Не сидел я руки сложа,
Погляди, раздался в плечах.
И, любимая, так скажу:
Рад, что пользу всем приношу.
И горжусь, и счастлив всерьез
Трудовой, рабочей судьбой.

Ну-ка, капельки вытри слез,
Здесь я вновь, стою пред тобой.
Возвратился, жив, невредим,
Счастлив тем, что верно любим,
И с тобой, мой вешний цветок,
Я дыханием слит одним.

Ты не раз, должно быть, в ночи
Поджидала меня без сна.
Зажигая пламя свечи,
Чутко слушала у окна.
И, вернувшись в свой отчий дом,
Был я рад услышать о том,
Что работала лучше всех
Ты в колхозе нашем родном.

Комсомольцы встретить пришли.
«Как, ребята, вы подросли!
Все колхозники на гумне,
Поработать надо и мне».
— «Дорогой ты наш Алыке,
Долго жил от нас вдалеке,
Изменился и повзрослел!
На себя бы ты поглядел!»
Аксакалы тоже пришли
И по пальцам годы сочли:
«Да, четыре года иль пять?»
Сбившись, снова стали считать.
Сколько девушек молодых,—
Я с друзьями встретиться рад,
И моя невеста среди них
Не отводит любящий взгляд.
И по взору ее сужу:
Что одной ей принадлежу.

4 октября 1935

7. ПЕРЕД СНОМ

Всё было спокойно в природе,
Всё было недвижно, и вдруг
Под ветром внезапным деревья
Листвой зашумели вокруг.

То солнце вечернее скрылось
За горы, одетые в снег.
Метались вороны: куда бы
Пристроиться им на ночлег?

И всё потемнело. И звезды
Возникли одна за другой,
Мигая приветно и нежно
Над нашей землей дорогой.

Под сводом прохладного сада
Ты рядом со мною идешь.
Давно старики задремали,
Не спит лишь одна молодежь.

Я, может быть, скоро уеду,
Но в край незнакомый, иной
Возьму я с собой этот вечер
И девушку рядом со мной.

Нигде, никогда не забуду
О том, как я с ней говорил.
Она мне цветы подарила,
А я ей стихи подарил.

Потом я домой возвратился
И, голову низко склоня,
Присел у стола. И раздумья
Столпились, волнуя меня.

Окно предо мною раскрыто.
Там птица на ветке сидит.
А ветер играет рубашкой
И тело мое холодит.

Я снова о девушке милой
Подумал — и сладко вздохнул.
Прилег — и уже не заметил,
Как сном беспокойным заснул.

О юность! Ни днем и ни ночью
Покой не приходит ко мне.
Ведь всё, чем живу наяву я,
Волнует меня и во сне!

1935

Весна приходит к нам, друзья!
 Ее приветствую и я,
 Но красота не в красоту мне,
 Пока не слышу соловья!

О молодость! И ты — весна!
 Ты, как весна, чиста, ясна.
 И, как весне, живая песня
 Тебе, конечно же, нужна.

Всему на свете свой черед:
 Весна пройдет и отцветет,
 Минуют годы, к человеку
 Неслышно старость подойдет.

Не раз мы слышали, друзья,
 Как, горечь в сердце затая,
 Вздыхали люди пожилые:
 «Ах, где ты, молодость моя?»

И, значит, надо нам успеть
 Ту песню в молодости спеть,
 Что нам и в старости поможет
 Все испытания стерпеть.

Так воспевай же красоту,
 Весну и молодость в цвету,
 Будь соловьем в саду весеннем,
 Поэт, поверивший в мечту!

А мне чем песню завершить?
 Лишь об одном хочу просить:
 Любите, девушки, поэтов,
 Без песен в мире скучно жить!

1937

Пришедшая к нам из далеких времен,
 Народная кухня всегда хороша:
 Крошеное мясо, пахучий бульон
 И тонко нарезанная лапша.

Прекрасен, скажу вам, наш бешбармак —
О гость мой желанный, разве не так?
Но если б еще киргизский аил
Капусту и огурцы оценил,
И красный, огненный помидор,
Которого он не знал до сих пор,—
Кухня киргизская наших дней
Стала б, конечно, еще вкусней!

30 ноября 1939

10. РАЗГОВОР

К р и т и к

Скажу откровенно, товарищ поэт:
Стихи твои вовсе не так хороши,
Как ты полагаешь. В них свежести нет,
В них мыслей не слышно, не видно души.
Приносишь ты мне за тетрадь тетрадь
И просишь творенья твои оценить,
А я ничего не могу отобрать
Такого, что стоило б в сердце хранить.

П о э т

Наверное, критик, ты слеп или глух,
Тебе не постичь мой возвышенный дух.

К р и т и к

Что ж, спросим читателей. Праведный суд
Они, без сомнения, произнесут.
К примеру, колхозник. Вот, кстати, и он.

К о л х о з н и к

Признаюсь вам: грамоте я не учен,
Детей на досуге мне вслух прочитать
Прошу иногда. И смущаюсь в душе:
Бывает, поэту — всего двадцать пять,
А книжка, я слышу,— седьмая уже!
«Не слишком ли много? — я думал не раз,—
Не слишком ли прятки поэты у нас?»

А песни люблю я! Пасу ли овец,
Кошу ли траву,— так и хочется петь!
Мелодию сам я сложил, наконец,
А где же слова к ней? Кто может, ответь!
Стихов очень много прослушал я, но
Душе не созвучно, увы, ни одно,
А старые песни я петь не хочу
И... песню без слов про себя бормочу!

Поэт

Что взять с него? Старый, безграмотный дед!

Критик

Поищем другого, товарищ поэт!
Вот, скажем, рабочий спешит на завод.

Рабочий

В газете стихи увидал я. И вот —
Читаю: «Станки громыхают с утра!
Герои — рабочие! Слава!! Ура!!!»
Не всякий, наверное, и различит:
Стихи это впрямь — или молот стучит.
У нас на работе штрафуют за брак,—
У вас, сочинителей, разве не так?

Поэт

Неразвитый вкус! В настоящий момент
Оценит меня только интеллигент.

Интеллигент

Не знаю, поэты, в чем ваша беда,
Но мало, так мало в стихах новизны!
И в «Полном», и в «Избранном» тоже всегда
Знакомые строчки мне сразу видны.
Стандартный набор повторяемых фраз:
«О мой Ала-Тоо! Родной Иссык-Куль!»
Читаешь, зевая, в стотысячный раз —
Полно восклицаний. А нового — нуль!
Так редко хорошую строчку найдешь!
Так редко слова красотой поразят!

Поэт

Надежда моя — на тебя, молодежь:
Твой вкус не испорчен, твой суд непредвзят.

К р и т и к

Что ж, спросим у юных. Вот мальчик идет.

Ч и т а т е л ь - п о д р о с т о к

Поэты, что славой своею горды!
Хотя мне всего лишь пятнадцатый год,
Прошу вас принять меня в ваши ряды.
Я тоже стихи сочиняю подчас
Не хуже, чем некоторые из вас.
Вот школу окончу — и буду поэт,
Ведь легче работы, по-моему, нет!

П о э т

Да, грустно... Должно быть, я впрямь виноват,
Наверное, стих мой и впрямь слабоват.
Одно лишь скажу в оправданье себе:
Немало и трудностей в нашей судьбе.
Скудны тиражи поэтических книг,
Поскольку и весь наш народ невелик.
(О Пушкине, гении русской земли,
Я думать и думать готов без конца:
Его понимать миллионы могли)
И это мне горько, поверить прошу.
Винюсь: опускаются руки порой,
И стих получается вялый, сырой.

К р и т и к

К вам, друг мой, имеется просьба одна.

Б и б л и о т е к а р ь

Охотно исполню. Так в чем же она?

К р и т и к

Найдите поэта, пожалуйста, мне,
Который был в малом народе рожден,
А ныне известен всей нашей стране
И славой за песни свои награжден.

Б и б л и о т е к а р ь

Вот вам для примера хотя бы один.

П о э т

Коста Хетагуров! Поэт-осетин!

К р и т и к

Народ осетинский — поменьше, чем наш,
А видишь, какого певца породил!
Прочтешь — и ему благодарность воздашь,
Так что ж ты в свое оправданье твердил?
Не кто-то сторонний — ты сам виноват,
Что стих твой покуда еще слабоват.
В столице живя, ты дорогу забыл
К народным истокам, в отцовский аил.
Высоким призваньем своим не кичись,
Учись у народа, у жизни учись.
Лишь если наполнена жизнью строка,
Ее сохранят благодарно века!

(Уходит. Поэт в задумчивости остается один.)

30 ноября 1939

11. МЕЧТА О ВСЕОБЩЕМ МИРЕ

Дни вражды прекратятся пускай — на века,
Пусть скорей возвратятся в казармы войска,
Пусть наступит то время, когда без опаски
Человечество сможет смотреть в облака.
Пусть, покой обретя, отдохнет наконец-то
Отягченная грозным оружием рука,
Пусть мудрец отдохнет, озабоченный ныне
Отысканием выхода из тупика,
Пусть все люди, как дети отца одного,
Ходят в гости друг к другу, припомнив родство!

1 декабря 1939

12

Я одолел рубеж: мне стало двадцать пять.
Как взмыленный скакун, хочу я дальше мчать.
А юность мне рукой махнула и отстала,
И должен я теперь большим и сильным стать.

Как детский мир далек! Ушел, давно уплыл,
Его уж не вернуть. Каким, каким он был?
Лишь память об игре, что видел я однажды,—
Как память о мелодии, которую забыл.

Ушедшие года, прощайте, мне ль тужить!
Как соколу, годам еще дано кружить,
Остались позади крушенья, сожаленья.
Не много прожил я. Осталось мало жить.

1 января 1940

13

Твой конь — скакун лихой, и рысь его легка.
Ударь его камчой — он рвется в облака,
Оставив позади бесчисленных тулпаров!
Будь сильным, мой народ, будь бурным, как река.

4 января 1940

14. МЫ

На склонах Ала-Тоо горделивых
Мы провели немало дней счастливых:
Мы объезжали скакунов горячих,
Мечтали и любили девушек стыдливых.

4 февраля 1940

15

Радую наши сердца, высится новый дом,
Светлый город растет, вскормлен нашим трудом.
Это не дом — корабль, транспорт новых времен,—
В нем из эпохи в эпоху, счастливые, мы плывем.

Кто там в белых домах, в тех, что радуют взор?
Это мои друзья, это племя мое,
Это моя семья, это время мое!
Чтобы город возник — люди спустились с гор.

1 марта 1940

16. ДИТЯ

Рано я остался сиротой.
Шел дорогой трудной и крутой.
Смерть ко мне цеплялась не однажды —
Я людской спасен был добротой.

Смерть, видать, озлилась не шутя,
И, круги зловещие чертя
Надо мной, подобно черной птице,
Вырвала из рук моих дитя.

И расчет был точным у нее:
Знал я голод, горькое житье,
Но впервые так затосковало
Сердце потрясенное мое.

Спал ребенок на моей руке,
Чист и свеж, как сливки в молоке,—
А теперь ты, дочка дорогая,
Где, в каком далеком далеке?

Золото пленяет нас, блестя,
Тусклым светом сумрачно светя,
Но сокровищ нет у человека
Выше и дороже, чем дитя.

Сладок разговор влюбленных пар.
Сладок над землей весенний пар.
Но всего на свете был мне слаще
Аромат волос твоих, Джипар.

Молодость сладка, мечта сладка,
Ласкова отцовская рука,
Но всего нежнее и милее —
Та, что так в руках была легка.

Как никто на свете, ты могла
Вдохновить на добрые дела.
Даже не сказав еще ни слова,
Ты моей советчицей была.

Вспыхнул и погаснул огонек,
Рухнул мир, и я понять не мог,
Почему на улице проходим
Это было вовсе невдомек.

Час пришел, и в землю ты легла,
Много места в ней не заняла.
Почему ж так пустота огромна,
Если дочка так была мала?

Небосвод печален и свинцов.
Пусть никто на свете из отцов
Горя моего не испытает —
Вот что я скажу в конце концов.

30 ноября 1944
Койсары

17. МОЯ ЗВЕЗДА

Мне помнится смутно... Я был еще мал,
Отцовский приятель Қасым-аксакал,
Закутав, на улицу вынес меня
И в небе большую звезду показал.

«Запомни, сынок, — говорил он тогда, —
Вот это — твоя золотая звезда,
Умрешь ты, и в небе погаснет она,
Так мудрые люди считают всегда».

Шли годы, как в небе идут облака,
Джигитом я стал из того паренька,
И в жизни заманчивой, бьющей ключом,
Невольно забылись слова старика.

А ныне — смешно! — у всех звезд на виду
Когда я средь ночи в раздумье бреду,
Впиваясь глазами в небесную синь,
Ищу я свою золотую звезду.

О, если б хоть раз мне увидеться с ней!
Луну я б сообщницей сделал своей,
Под мышку я шар бы земной подхватил
И к ней бы поднялся на несколько дней.

Гостил бы, знакомил с моею страной,
С людьми, что росли и мужали со мной,
И снова вернулся, когда б научил
Звезду справедливости нашей земной.

*2 декабря 1944
Койсары*

18. ШОТА РУСТАВЕЛИ

Слушай, Шота-аба, дружбы истинной знак —
Этот киргизский конь, подаренный мной аргамак.
Смело садись на него и поезжай! В добрый путь!
Витязю без коня нельзя обойтись никак.

Не обижайся, взгляни — пусть мой подарок мал.
Во сколько дней и ночей — ты оцени — он встал.
Открою даров караван красавицею Нестан,
Я по-киргизски ее заново описал.

Твой Таризэл (храбрец ему не чета — ни один),
Мудрый лев Автандил, доблестный паладин,
Дали земных равнин, выси зеленых гор,
Горницы, где не умолк голос твоей Тинатин.

Лунных ночей серебро, гулкой пещеры тьма,
Плачущая Асмаг, смеющаяся Фатма...
Описан, каким он был, верный твой друг Фридон,
Девушки, красотой сводящие мир с ума.

Сладость первой любви, ее блаженные сны,
Нежная грусть, печаль, страдание без вины,
Арфы глухой напев и тающие сердца,
Мягкие голоса в книгу твою вплетены.

Нет, я не жду хвалы, не говори: «Рахмат!»
Труд мой взвесь на весах... Лучшая из наград:
Если бы в дни мои такая любовь родилась,
Какую ты описал,— был бы я счастьем богат.

Слушай, Шота-аба, дружбы истинный знак —
Этот киргизский конь, подаренный мной аргамак.
Смело садись на него и поезжай! В добрый путь!
Витязю без коня нельзя обойтись никак.

3 декабря 1944

Койсары

19. ЖУРАВЛИ

Мальчонкой видал журавлей я не раз.
Однажды весной, не спуская с них глаз,
Я крикнул: «Эй, мудрые птицы, а что
Написано сверху на крыльях у вас?»

И стая слетела в цветенье полей,
Чтоб смог я прочесть на крылах журавлей
Четыре написанных четко строки,
Которые в памяти вечно моей:

«Узнай, что, как перья на птичьем крыле,
Богатство и счастье живут на земле,
Извечно друг к другу стремятся они,
Ты скоро в своем их увидишь селе».

Ни мало ни много промчалось дней,
Не раз урожай собирали с полей,
И вновь я вернулся в родные места,
Где видел когда-то весной журавлей.

От ветра по травам гуляет волна,
Вот к юрте высокой прибилась она.
Спросил я колхозников: «Кто здесь живет?»
Ответили мне: «Это кров чабана».

Вошел я. «Салам!» — говорит мне киргиз.
Стоит угощение: баранина, рис.
Богатство и счастье сидят за столом,
Хохочут и пьют белоснежный кумыс.

Недаром здесь дружбу они завели —
Богатство и счастье колхозной земли.
«Ты понял, что значит сегодняшней день?» —
Курлычут, кружась надо мной, журавли.

5 декабря 1944
Койсары

20. ВЫСОКОГОРНЫЕ ПАСТБИЩА

Радужно встретит новый аил гостей,
Под каждым кровом — ласковая постель.
А утром взглянешь на красоту джайлоо,
Какая речка — впору пить из горстей!

Краса природы словно ласкает глаз,
Так мать, бывало, в детстве ласкала нас.
Цветы пестреют — красные, голубые,
Названья только я позабыл сейчас.

Высоких елей ровно стоят стволы.
А что таится там, средь зеленой мглы?
Там были прежде наши следы ребячьи,
Мы там играли, вкусной ища смолы.

Порой на речку бегали за водой,
Глотали воду жадно, наперебой.
Нам откликалось эхо вдали в ущельях.
О, где теперь ты, верный ровесник мой?

Прохладный ветер здесь обдувал меня.
Резвились дети, не замечая дня.
Козленком звали мохнатую шапку деда,
Теленок резвый нам заменял коня.

Родные доли, горный родной хребет...
В душе хранится неизгладимый след.
Кто помнит прелесть этих широких пастбищ,—
Несет сквозь время неомрачимый свет.

Блажен, кто воздух пастбищ успел вдохнуть:
От горькой пыли он очищает грудь.
Здесь, как орлы, крылаты и смелы люди,
Спокоен, ясен высокогорный путь.

6 декабря 1944
Койсары

21. РЕКА ТЮП

Устал мой конь, роняет пену с губ,
Покрылся потом шелковистый круп.
Я тороплюсь, уж вечер наступает.
Открой мне брод, широкий, вольный Тюп!

На том, далеком, берегу реки
Уже зажглись в колхозе огоньки.
Там Қанымкуль живет в отцовском доме —
Моя любовь, предмет моей тоски.

Берегся я, но не сберег души:
Глаза ее уж слишком хороши,
Уж слишком сладки медленные речи...
Теперь пожар попробуй потуши!

Широкий Тюп, мне опоздать — беда:
Уснет она — что делать мне тогда?
Будить — не смею. И старуха тетка
Ко мне так неприветлива всегда.

Любимую люблю я, а она
Всегда со мной спокойна и ровна.
«Люблю» — не скажет, гнать — не прогоняет,
И всё равно меня лишает сна.

Ей кажется, что не при деле я,
Ей несерьезной кажется моя
Домашняя, бумажная работа,
И в этом с ней согласна вся семья.

В колхозники пойду! А почему б
И не пойти? Быть может, стану люб
Хотя бы так и девушке, и тетке...
Открой мне брод, широкий, вольный Тюп!

7 декабря 1944
Койсары

22. ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

Да, коротка эта жизнь. Как во сне —
Вмиг промелькнет. Даже в завтрашнем дне
Нет уверенности... Так зачем же
С молнией, с пулей летит наравне?
Как же на взгорье возник этот всадник —
ТРИДЦАТИЛЕТЬЕ — на сером коне?

Люто коню он стегает бока,
Мчась, будто впрямь передышка близка,
Близок привал... Но ведь будь это
правдой, —
Что ж поколенья текут, как река?
Нет передышки. И жизнь моя мчится,
Будто дорога не столь коротка,

Будто свой путь осознать не пора...
Веселы дни, хороши вечера.
Юностью щедрою тешусь бездумно,
Будто и смерть будет столь же добра.
Чудится мне, будто детские годы
Были недавно, едва ль не вчера...

Видел я черта — упрям, сатана,
Ну, а душа человечья смирна.
Между рождением и смертью дорога
Слишком укатана, слишком ровна;
Толпы идут по дороге вплотную —
С виду она широка, но тесна.

Всё в нашей юности радует глаз.
Юность бесценна, как лучший алмаз,
Но не помедлит мгновенья, чтоб мог я
Поцеловать ей чело хоть бы раз.
Много за пазухой лет миновавших, —
Жизнь не вернет мне ни день и ни час.

И отказаться от них толку нет, —
К юности резвой найдется ли след!
Что ж, тридцать лет... Жив-здоров, ну и ладно,
Перед тобой еще весь белый свет;
Сил не жалея, служи лишь народу —
Вот для души неизменный завет.

Что ж, серый конь, ты немало пути
С честью прошел, нужно дальше идти,
Да не идти, а лететь безоглядно,
Если судьба приказала: лети!
Хлещет камчою, и дальше ты мчишься,
И за туманом не виден почти.

Жизнь, задержись, оглянись, подожди!
О, как стеснилось дыханье в груди!
Жизнь, ты бледнеешь... Ну что же, исчезни.
Хочешь предать — предавай, уходи.
Я всё равно буду снова рождаться
И расцветать где-то там, впереди!

Да, коротка эта жизнь. Как во сне —
Вмиг промелькнет. Даже в завтрашнем дне
Нет у уверенности... Так зачем же
С молнией, с пулей летит наравне?
Как же на взгорье возник этот всадник —
ТРИДЦАТИЛЕТЬЕ — на сером коне?

8 декабря 1944
Койсары

23. СЕНОКОС

Война. Парней в колхозе не осталось.
Солдатская дорога им досталась.
Но сенокос не может обождать!
И женщины забыли про усталость.

В руках у них с утра сверкают косы.
Из-под платков выглядывают косы.
По склонам, где косилке не пройти,
Они идут — ловки, темноволосы.

Движенья их легки и величавы.
Как воины, они достойны славы.
Мне не забыть, должно быть, никогда,
Как сладко пахнут скошенные травы.

Над степью день всё жарче полыхает.
Пройдя прокос, бригада отдыхает
И снова принимается за труд,
Покуда в копнах сено подсыхает.

Лишь только б дождь не хлынул с небосвода!
Лишь только б длилась добрая погода!
На женщин с восхищением глядит
Всеведущая, вечная природа.

Они в труде послужат всем примером —
И старикам, и юным пионерам,
И, сверх того, они умеют ждать,
Как женщина, воспетая Гомером!

10 декабря 1944
Койсары

24. ВОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Третья осень великой, жестокой борьбы.
И земля, пламенея, встает на дыбы.
А у нас — трудовые, земные заботы:
Наступает в колхозе пора молотьбы.

И течет и течет молодое зерно,
Нашей общей Победе послужит оно.
И воистину славы достоин колхозник:
Сколько доброго золота им возвращено!

Пусть же будут из шелка одежды его,
Пусть исполнятся в мире надежды его,
Пусть умножится род его, чай будет сладок...
Для себя у судьбы не прошу ничего!

12 декабря 1944
Койсары

25. ЧЕГО Я СТЫЖУСЬ

Я не стыжусь, что сверстница моя
В былые дни любила не меня,
А я не уговаривал, не клялся...
По правде, не имел подхода я.

И пасмурного вида не стыжусь,
И не стыжусь, что старым вам кажусь.
Не стану обещать: помолодею, —
Ведь я ночами за столом тружусь.

И не стыжусь, что тяжело мне идти,
И не стыжусь, что я без сил почти,
Придется — поползу на четвереньках,
Но не сверну со своего пути.

Я не стыжусь, что в доме нет жены,
Что нет детей — они не рождены...
Жену, детей заменит мне эпоха —
Я отдан весь труду моей страны.

И не стыжусь я бедности моей —
Мой дом я мог бы сделать и полней,
Мое богатство — пушки, минометы
Гремящие чем дальше, тем сильней.

Стыжусь, мои друзья, лишь одного:
Не создал я пока что ничего
Такого, чтобы в душу к вам запало.
А ведь живу я только для того...

*11 декабря 1944
Койсары*

26. ЛЮБОВЬ И Я

Что такое любовь? Цветок юных лет?
Жить совсем без любви — невозможно иль нет?
Первый раз молодая пришла любовь...
Платье ее жемчужный струило свет.

В крепком объятье наши слились сердца.
Мы поклялись верными быть до конца.
Но была обманчивой эта любовь:
Обожгла и ушла, не открыв лица.

Вот — еще прекраснее и юней
(Воспламенить могла бы сердца камней) —
Вышла навстречу мне вторая любовь.
Я, в опьяненье, душу доверил ей.

Нашему счастью не выпал долгий путь:
Мы поклялись на годы... но вот в чем суть:
Была холодна, как прах, эта любовь!
Улетела, бросив змею мне на грудь.

Не виновен я, нет, — я не делал зла.
И унижить меня судьба не могла.
Горькая появилась третья любовь —
Ядом брызнула мне в лицо и ушла.

Воля твоя — смеяться и хохотать,
Жечь огнем, виться змеей, яд извергать —
Пусть так, глупая, молодая любовь! —
Всё равно — не стану тебя проклинать.

Знаю, бездны хранят жилище твое.
В высь твою не залетит воронье.
Если верно: сильнее смерти любовь, —
Значит, стремиться к любви — право мое.

*14 декабря 1944
Койсары*

27. ЖИЗНЬ

Жизнь, говорят, упрямая.
Нет, не упряма она:
Мягче воска становится,
Если сильным побеждена.

Жизнь, говорят, жестокая.
Нет, не жестока она:
Шелка нежней становится,
Если сильным побеждена.

Жизнь называют скрягою.
Но и щедрость ей не чужда:
Если ты не скупишься,
И она не скупится тогда.

Жизнь, говорят, прожорлива.
Волчьи глаза — с огнем!
Будь тверд — и она по-собачьи
Учтиво виляет хвостом.

Говорят, она дикая сила —
Потоп, наводнение.
Нет, она — наша стихия,
Нашей души стремление.

Она как туча весенняя:
Нахмурится — и растает.
Она как эти волны:
Вдруг закипит — и стихает.

19 декабря 1944
Койсары

28. ЛУНЕ

Пятнадцать дней тебе, луна!
Как ты светла, кругла, ясна!
Весна в природе, ночь прекрасна,
Долина сном опьянена.

Май белоликий, дивный май!
Преображен мой горный край.
Его красу не описать мне —
Хоть карандаш в сердцах сломай!

Какая ночь! Она сейчас
В шелка одета и атлас.
О ней стихами не расскажешь:
Всего лишь тени — твой рассказ.

Долина сном опьянена,
А молодежи — не до сна.
К весенним играм, будоража,
Зовет красавица луна!

И смех, и шутки там слышны,
На дружном празднике весны,
И кажется, что видно даже
Улыбку на лице луны.

О, если б ясная луна
Всегда вот так была полна,
О, если б молодость навечно
Нам под луной была дана!

21 декабря 1944
Койсары

29. НЕ СМЕЙСЯ НАДО МНОЙ

— Подобен он бескровной, бледной тени,
Безрадостный, как серый день осенний,
Что ищет он один в полях пустых? —
Так спрашивает милая в смущенье.

Ты не ошиблась: хмурый, одинокий,
Я с тишиной шепчусь во тьме глубокой.
В полетах сокол корм находит свой.
Я нахожу стихов грядущих строки.

Я человек, я просто Алыкул,—
Как выражу событий смутный гул?
Ужели мой народ когда-то скажет,
Что я его надежды обманул?

Все подвиги великой нашей эры
Хочу вместить в стихов моих размеры,
И летопись создать и вознестись
Неизмеримо выше Алишера.

Но почему смешно тебе всё это?
Тобой, как солнцем, жизнь моя согрета,
Стихи светлеют мрачные мои
От твоего таинственного света.

Ты не ошиблась: хмурый, одинокий,
Я с тишиной шепчусь во тьме глубокой.
В полетах сокол корм находит свой,
Я нахожу стихов грядущих строки.

22 декабря 1944
Койсары

30. ОДИНОКИЙ УРЮК

По Иссык-Кулю медленно плывет
Пол-озера прошедший пароход.
Настало утро. И уже погашен
Маяк, всю ночь светивший напролет.

Я на Кунгей плыву, в Джалгыз-Орюк,
И вот на месте я — сады вокруг.
Чужой аил... Нет, не чужой он всё же,
К сельчанам я пришел как старый друг.

Что вижу я! Вся улица нова,
Все новые дома, все деревья —
В цветенье новом. Молодежь аила
В стремленье жить по-новому права.

Цветет бок о бок с яблоней урюк,
Цветы пахучи, крепкий ствол упруг.
Сад покачнулся, нежно-бел и розов,
И голос соловья раздался вдруг.

О время, быстрокрылый аргамак,
Кому тебя нагнать!.. Но как же так —
Я не был здесь, пожалуй, два-три года,
И городом стал крошечный кыштак!

Мир обновился и помолодел,
Сад, бледно-розов и румяно-бел,
Встал рядом с тем урюком одиноким,
Что над могилой некогда шумел.

*23 декабря 1944
Койсары*

31. ЧЕРНАЯ БАБОЧКА

В утреннем сладком сне странный я вижу сон:
Бабочек черным дождем, осыпью занесен
Шиллера город родной, немца поэта дом.
Черных бабочек дождь... Льется с грохотом он.

Силился я разгадать страшный сон и не смог.
Утром направил стопы, мрачных полон тревог,
К древнему старику, к тому, что умом богат,
Словом искусен, мудр, вольным духом высок.

Выслушав повесть мою, задумался аксакал,
С углей золу стряхнул, разжег очаг и сказал:
«Э, послушай, сынок, что знаю от стариков:
Если с неба упал бабочек черный обвал,

Значит, на той земле хлеб не родится нигде,
Значит, цветам не цвести, чистой не течь воде,
Яблони и урюк выжжет степной суховей,
Будут ночами выть виновные в этой беде.

Будут летать над страной, неуловимо легки,
Будут глаза колоть черные мотыльки,
Будут сердце крутить, будут душить палачей,
Что человечью кровь пили, как воду реки».

Словом, свершится месть!.. Пусть трепещут они,
Солнце погаснет, в ночной им не укрыться тени.
За то, что немка одна — Шиллер имя ее —
Над памятью Пушкина зло смеялась в черные дни.

*25 декабря 1944
Койсары*

32. ЧТО СТАЛО С ВЕСНОЮ?

Весне 1942 года

Я помню — в горах мы срывали цветы,
Смеялись, махали весне с высоты,
А ныне никак не отгадет земля,
Ссутулясь, под снегом застыли сады.

Что стало с весною? Веками она
В свой срок приходила, светла, зелена...
А может, сраженная нашей бедой,
В пути ослабев, задержалась она?

Что с нею? Как мрачен покров облаков,
Как много на реках недвижных льдов!
А может, весна, ты в обиде на то,
Что мы не сажаем у окон цветов?

Все в горе, все хмурыми сделались вдруг.
Поблекла, захлахла природа вокруг.
А может, весна заставляет нас ждать
Затем, что постиг ее тяжкий недуг?

Но нет, не затем завывает пурга,
Что медлит весна зеленить берега,
Она не в обиде, она не больна,
А ранена, милая, пулей врага.

Когда же весеннее солнце взойдет,
Подымутся травы и двинется лед,
То, значит, и горе и раны весны
Победой своей исцелил мой народ!

*28 декабря 1944
Койсары*

33. ПРИРОДА И МУЗЫКА

Цветенье и тлен, возрождение и смерть,
Извечный пульс жизни, ее круговерть...
Ты смертным рожден на земле, человек,
Так было всегда, так останется впредь.

На время скупа, смерть с расчетом спешит,
Меня он не минет, но мало страшит.
Другой мое место под солнцем займет,
Мудрей и сильнее, он больше свершит.

Я рад, что родился в великие дни,
Любой из которых столетью сродни.
В фундаменте их и мои кирпичи,
На совесть сработаны были они.

Спасибо вам, братья, спасибо, друзья!
Эпохи свершений и битв сыновья,
Мы братство скрепили в кровавых боях
За то, чтоб свободно стала земля.

Сейчас я закончу. Есть мера словам.
Одно обещанье, товарищи, вам:
Коль долгую жизнь мне подарит судьба,
Ее без остатка я людям отдам.

Мой день, ты сегодня на счастье богат,
Но тот, что грядет,— он богаче стократ.
Волшебная музыка льется в природе,
И жизнь расцветает, как утренний сад!

Мой день, ты сегодня весельем богат,
Но тот, что грядет,— веселее стократ,
И горько, друзья, сознавать на рассвете,
Что близок уже мой последний закат...

27 декабря 1944
Койсары

34. ПОКРЫШКИНУ

Мы — родня, ты мой старший, любимейший брат,
Нас эпоха связала с тобою стократ.
Всем известно: ты русский. И всё же, и всё же
Ты — киргизский герой, так у нас говорят.

Твои крылья окрепли в огне и в борьбе,
Смелость сокола — это твой вызов судьбе.
Сколько асов фашистских поверг ты на землю,
Небеса присягнули на верность тебе.

Выше смерти отвага и воля твоя,
Три звезды — несравненная доля твоя.
И не только у нас ты любим и прославлен,
Все народы узнали тебя, все края.

Ты совсем еще молод, застенчив и прост,
Но душа поднялась в богатырский свой рост.
По дорогам земным ты прошел с нами рядом,
Но воистину слава твоя среди звезд.

Наша правда не только в бою велика,
Дух и разум осилили злобу врага.
Я — поэт, но твою постигаю науку,
Безотказным оружием станет строка.

Выше смерти отвага и воля твоя,
Три звезды — несравненная доля твоя.
И не только у нас ты любим и прославлен,
Все народы узнали тебя, все края.

27 декабря 1944

Койсары

35. БУКЕНТАЙ

Кто на день падает сто раз и столько же встает?
Уже курносой Букентай пошел четвертый год.

Порой смеется, а порой не в духе Букентай.
Зато болтливее любой старухи Букентай.

С бараньей костью в кулачке задремлет невзначай;
Не морщась пьет кумыс — на то киргизка Букентай!

Частенько просят старики: «Ты спой нам что-нибудь!»
Зажмурит глазки Букентай и, не чинясь ничуть,

Затянет песню: «Дорогой отец мой, приезжай!
И днем и ночью о тебе скучает Букентай...»

И всякий раз от песни той взгрустнется старикам,
Горошинами побегут слезинки по щекам.

Уже три года, как пришло известие о нем:
Он смертью храбрых пал в бою и не вернется в дом.

Стоял за родину отец девчурки Букентай.
Он отдал жизнь за свой народ, за свой родимый край.

И девочку ласкают все в аиле то и знай.
Как много любящих отцов у нашей Букентай!

31 декабря 1944

Койсары

36. ОТВЕТ НА ПИСЬМО

Твое письмо пришло к исходу дня,
Ты мне писал, тоскуя и казня:
«Я безнадежен, я тебе подобен...»
Ах, как ты, милый, огорчил меня!

Где б ни был я, куда бы я ни шел,
В моем мозгу — всегда! — рабочий стол.
Зачем больным зовешь меня, дружище? —
Я над стихом работаю, как вол.

«Беспомощен, как ты, и я сгорю...»
В ответ на это снова повторю:
Не знаешь разве ты, что, хоть и болен,
С Шекспиром я сегодня говорю?!

3 января 1945

Койсары

37. ПЕСНЯ ТРУДА

Тело — как чугуна,
Сердце гулко бьет.
У семи джигитов
Пот ручьями льет.
Ну-ка, раз!
Подними — раз!

Семеро джигитов
Дышат тяжело:
Трудно подается —
Будто приросло.
Ну-ка, эй, раз!
Поднажми — раз!

Ну-ка, все вместе,
Подружной возьмем —
Мост через реку
Быстро наведем.
Ну-ка, эй, раз,
Поднажми — раз!

Ну-ка, все вместе
Крепче возьмем —
Каналы пророем,
Горы снесем.
Ну-ка, эй, раз,
Навались — раз!

Озеро охватим
Кольцом дорог.
Погляди, что сделано
В короткий срок.
Ну-ка, эй, раз!
Подымай — раз!

Смотрите, дивитесь:
Час настал —
Возьмем из земли
Эпохи металл!
Ну-ка, эй, раз!
Посильнее — раз!

12 января 1945
Койсары

38. МОЙ ЗАВЕТ

Комуза неуловимый нрав
В напеве звонком навек познав,
Откроешь тысячу сладких тайн —
Как вкусишь тысячу сладких трав.

В нем скрыто чудо — затвержен миг,
Он — как ребенок, он — как старик,
И вот он к сердцу певца приник,
Пусть безглаголен, но величав.

Степенен, ясен и скромнен он —
Вдруг, словно ветер, огромен он,
Пусть он рассержен — но он смешлив,
Пусть безглаголен — но величав.

Как он смеется, как плачет он,
Обеспокоен, заморожен!—
В нем чувств и судеб звенит прилив,
Пусть безглаголен, но величав.

Пойми, красавица, мой завет:
Кто полон песнью, тот юн — хоть сед,
И, тьму сиянием озарив,
Пусть безглаголен, но величав.

Душа акына звенит струной.
В ней явь и сон в тишине земной.
Акыну хочешь ты стать женой —
Прими в нем холод, прими в нем зной!

15 января 1945
Койсары

39. ГИТАРА

Навалом серебро насыпала зима,
Но даже нищему такой казны не надо.
Зима неистово свистит, стучит в дома,
Над будущей весной хохочет до упаду.

Куда уж там писать — я не могу читать:
Здесь время сумерек длинней, чем время света,
И одиночества невесела кровать.
Не сплю, и птица сна запропастилась где-то.

Гитары ласковой трепещет чистый звон,—
То песни свадебной язык хмельной и жаркий
Доносится ко мне из комнаты татарки,
Соседки молодой, а я в нее влюблен.

Под пальцами ее семь струн звенеть согласны.
Она роняет вдруг замлевших звуков горсть.
Я слышу поцелуй настойчивый и властный.
Ну что ж, в отъезде муж, а у соседки гость.

Ужели посмеюсь над этой ложью старой?
Велеть им перестать? Велеть им продолжать?
Лишь одного мне жаль: что начала молчать,
Что за моей стеной не говорит гитара...

Навалом серебра насыпала зима,
Но даже нищему такой казны не надо.
Зима неистово свистит, стучит в дома,
Над будущей весной хохочет до упаду.

16 января 1945
Койсары

40. Я ВИДЕЛ ПОЛЕТ ЛЕБЕДЕЙ

Где солнце село, — там краснеет небосвод.
Рассыпал Иссык-Куль свет розоватых вод.
Иду я берегом — вдоль гор полоской тонкой,
А тихий зимний день по озеру плывет.

Внезапно в вышине — станица лебедей.
Охотничье ружье я вскинул поскорей.
Но вижу: кончились патроны в патронташе,
Никто не сделался добычей моей...

Иль вправду молодость — горячей пули взлет?
Иль вправду молодость и светится и жжет?
Но пулю надо ли стрелку пускать напрасно, —
Опустошенному, как двигаться вперед?

Дни юности моей, вы цель свою нашли,
Не затерялись вы, крылатые, вдали,
Но где же лебеди — мои стихотворенья,
Чтоб радовать народ отеческой земли?

20 января 1945
Койсары

41. МУЗЫКА

Веселая, печальная,
Смешная, величальная,
Огромная, прекрасная,
То нежная, то страстная,
То ясная и чистая,
То, как ручей, искристая,
Простая и правдивая,
Как совесть, справедливая,
То с нами говорит она,
То как огонь горит она,
Что это?
Музыка.

21 января 1945
Койсары

42. АКАДЕМИКУ СКРЯБИНУ

Твой, старец, нрав прекрасный люди чтут —
Им даришь ты свой благородный труд.
Мы — капли, ты — река, чьи воды величавы,—
Как счастье оценить, что нам они несут?

Ученый, для меня ты как отец и дед.
Ты — знаний океан, ему предела нет.
Приветствует тебя киргизская наука,
Приветствует народ, встречающий рассвет.

29 января 1945

Койсары

43. РОССИЯ

Ты, Россия, мне матерью стала родной,
Словно беркута, гладила доброй рукой.
Всей душой благодарной тебе говорю:
Наш народ будет сильным, пока он с тобой.

31 января 1945

Койсары

44. РАЗЛЮБИЛ ТЕБЯ

Я к тебе охладел, разлюбил навсегда,
Сам не знаю, откуда такая беда,
И в окно я не буду стучаться к тебе,
И в твой дом не войду... От любви — ни следа!

И любимая есть у меня лишь одна,
Жен, родни и детей — всех дороже она.
И понятно одним, а другим не понять,
Как близка мне она, как мила, как верна.

Кто она? — Это звонкая песня моя,
Как целебной воды золотая струя...
Обессилел джигит, но в пути напоит
Эта песня,— он вспомнит родные края.

Смерти нет для нее... Это верно, мой друг,
Удивительных песен немало вокруг!
Как живая вода... Если выпьет джигит,
Дух взбодрится, излечится горький недуг.

*31 января 1945
Койсары*

45. ЮНОСТЬ

Вся светясь, как любовь, и чиста и горда,
Здесь расходится юность со мной навсегда.
Расстаюсь — и последние эти минуты
Мне дороже, чем дети мои и года.

Поздно — не развязать шёлка легких тенет,
Дважды не перейти речки, пройденной вброд.
Юность — сокол летящий, течение воды!
Никакой не догонит ее самолет.

*1 февраля 1945
Койсары*

46. ИССЫК-КУЛЬ

Мой Иссyk-Куль...

Озорное блистанье,
Кряканье уток, гусей гоготанье.
Гляну весной на вечерние воды —
И упоен, словно после свиданья.

Мой Иссyk-Куль...

Молодым и проворным
Гонится сам за собой он упорно.
Выйду к нему вечерком, одинокий,—
И упоен, словно воздухом горным.

Словно скакун,

одолевший просторы,
Словно орел, залетевший за горы,
Словно кумыс, через край проливаясь,
Пенится, юного полный задора.

Словно горяночка
на иноходце
Встречь мне с серебряным звоном несется,
Грудью ударит, ожжет поцелуем
И, застыдившись, назад отметнется.

Озеро стихло...
Сияющей шири
Так же, как нам, возмечталось о мире.
Смотрят в грядущее озера взоры,
Жизнь торжествует в их светлом сапфире.

Медленно гаснет
заката приветство,
Дивную тишь оставляя в наследство.
Лебедь неслышно плывет, отдаляясь,
Словно мое улетевшее детство.

Словно скакун,
одолевший просторы,
Словно орел, залетевший за горы,
Словно кумыс, через край проливаясь,
Пенится, юного полный задора.

*4 февраля 1945
Койсары*

47. ПОЭТ

Иной поэт пленяет нас, тревожа,—
Поэты друг на друга не похожи,
Но лишь стихи народного певца
Луны светлей и золота дороже.

Он может всех околдовать стихами,
Он в зной и в стужу неразлучен с нами.
В словах, возникших вольно и легко,
Души его неугасимо пламя.

*6 февраля 1945
Койсары*

48. БОЛЬНОЙ ПОЭТ

Занедужил поэт...
Тусклый зимний рассвет
Темной ночи приподнял кошму.
Занедужил поэт —
То ли явь, то ли бред?..
Злая смерть уже скачет к нему.

Бледный-бледный, худой,—
Просветленный душой,
Лист бумаги со вздохом он взял;
Одинок, без друзей,
Пред кончиной своей
Золотые слова написал!
Для кого? и зачем? —
В землю ляжет он, нем,
Превратится в бесчувственный прах...
Но проходят века,
А живая строка
Всё звучит у потомков в сердцах!..

Ну, а ты как, поэт,
Ты подумал ли, нет,
Чем порадуешь внуков своих?!
Не лукавь, не спеши,
Кровью сердца пиши
Слово каждое, каждый свой стих.

Всё отдай, чем богат,
Будь суров, как солдат,
Неподкупен, отважен в бою,
И потом, и сейчас,
И в последний свой час
Славя песнями землю свою!

*6 февраля 1945
Койсары*

49. ЧЕЛОВЕК

В песках сыпучих или в горах
затерян бессмертья ключ.
Найдешь случайно — узнаешь его,—
настолько чист и певуч.

И если я, на удачу мою,
найду его — тебя напою,
ты будешь силен и живуч.

Бессмертную влагу нашедший не пьет,
чтоб силу имела она.

Не спрашивает, кому подает.

Пей — молодежь, старина!

Ты будешь крепче вон той арчи,
свежей росы — лицо омочи,
умойся скорей со сна!

О, если бы знал я, как Улукман,
врачующую от скорбей,
всеисцеляющую траву,
в апреле из всех степей
принес бы траву и принес цветы;
так ждал, оказывается, ты.
Не мучься и не болей!

А если на свете где-нибудь
существует базар,
где можно детскую жизнь купить, —
молод я или стар, —
отдам я, продам свою, — а жизни те
отдам я матери, сироте —
иль отведу удар...

Час придет, ненавистник мой,
вспомнишь меня добром.
Ангел смерти к тебе летит,
горе приходит в дом, —
переступаю вражды порог:
на тебе душу, чтобы не дрог
ты на одре своем!

На тебе сердце — и черт с тобой —
только живи свой век,
как тебе заповедал я —
я живой человек.
Он — веселье поймет мое,
воскресенье придет мое,
кончится мой ночлег!

7 февраля 1945

Койсары

50. ПОЭЗИЯ

Ты счастье мое, мера всех моих сил,
Тебе, как влюбленный, дарю весь свой пыл.
Из плоти души своей создал тебя
И прежде, чем ту, что люблю, полюбил.

Ты светишь в ночи путеводной звездой,
До смертного часа я буду с тобой.
Перо мое — гордость и славу мою —
Не купит никто никакою ценой.

Честь, совесть народа в родимой стране
Вручили оружие верное мне.
Перо я солдатом отчизны зову —
Танкистом, стремящимся в бой на войне.

В прекрасное время нам жить суждено.
Из пламени вырвано нами оно,
И взятая с бою счастливая жизнь
Желанна, как хлеб, и пьянит, как вино.

Никто перед временем не устоит,
Кипучей стремниною время бежит.
Немало суровых дорог мы прошли,
А сколько еще впереди предстоит!

Прикажет отчизна — исполню приказ,
Рожден для служенья ей каждый из нас.
Свобода, добытая нами в боях,
Зовет всю вселенную к свету сейчас.

Сбываются давние наши мечты,
Рассвет разрывает покров темноты,
И если теперь беспощадная смерть
Заставит навеки уснуть меня, ты —

Ты мертвое тело на плечи взвали
И быстро шагай по дороге земли,
Без слез в той долине меня схорони,
Где плеск Иссык-Куля слышишь вдали.

Пусть волны свой плеск беспокойный уймут,
Пусть волны поближе ко мне подойдут,
Посмотрят: один, мол, киргизский акын
Уснул возле озера нашего тут...

Ты счастье мое, мера всех моих сил,
Тебе, как влюбленный, дарю весь мой пыл.
Из плоти души своей создал тебя
И прежде, чем ту, что люблю, полюбил.

8 февраля 1945
Койсары

51. ДРУЖЕСКОЕ СЛОВО

Зависть не застит глаза удалцу,
Скаредность, скупость ему не к лицу,
Ненависть, хитрость, неверное слово —
Это для сердца что сушь деревцу.

Знай, что напиток — добро, не посуда,
Знай, что добра не бывает без худа,
Знай: смельчаки не случайные люди,
И выручай их во всем и повсюду.

Сокол к добыче, лишь к ней стремится,
Конь обогнать всех коней стремится,
Дружба нуждается в испытанье,
Каждый явить, в чем сильней, стремится.

Может и не повезти удалцам:
Всем помогавший ждет помощи сам.
Так помоги, слово доброе молви
Во укрепленье отважным сердцам.

Жизнь хороша, но бывает сурова,
Памятно каждому доброе слово,
Доброе слово — отважному сердцу
Лучших грядущих свершений основа.

Многих трудов от нас требует время,
Тяжко порою нести свое бремя.
И, поскупившись на доброе слово,
Только презренье ты сыщешь меж всеми.

11 февраля 1945
Койсары

Прощай, мой друг, — расходятся пути...
 Не жди, не вспоминай и не грусти.
 Влюбленности, как в годы молодые,
 Уж не бывает после тридцати.

Простимся же! Любовь теряет силу.
 До наших встреч ты мне казалась милой...
 Сложна и утомительна любовь,
 Когда за тридцать лет перевалило.

Голубка соколу дала приют.
 Тебя любил я несколько минут...
 Любовь — не только в губы поцелуй,
 Любовь — огонь, что в сердце берегут.

Ты — сад, твои плоды в час утра ранний
 Отведал путник, утомясь в скитанье.
 Любовь — не только в щеки поцелуй,
 Любовь — как буря в темном океане.

Тебя сравню со спелым виноградом.
 Покоя не найти с тобою рядом...
 Любовь — не пенье захмелевших уст,
 Любовь — душа, отравленная ядом.

Сладка любовь красавиц и горька.
 Вам обмануть нетрудно простака.
 Вы цените любовь, быть может, так же,
 Как платья модные или шелка.

Мне ж дороги всегда одни черты, —
 Найду ли их средь вечной пустоты?
 Ты мне не верь. Смешно мне всё, что было...
 Ведь я обманут так же, как и ты.

*12 февраля 1945
 Койсары*

53. СОВРЕМЕННОМУ

Венок зеленый надевали,
Красою жизни представляли,
Любви свидетельством мы были,
Ее лелеяли и звали.

Мы красный галстук надевали
И смыслом жизни представляли.
Надежд свидетельством мы были
И их лелеяли и звали.

На жизнь мы получили право.
Давай теперь посмотрим здраво,
Чем помогли ей, что свершили.
Иль пустозвонили лукаво?

Коль спеть не смог, так постарайся,
Душою в песне возгорайся.
Не будь должник. Кто знает сроки?
На долгий век не примеряйся.

Коль спел не то, так постарайся,
Душою ярче возгорайся,
Украсть наш день. Кто знает сроки?
На долгий век не примеряйся.

*14 февраля 1945
Койсары*

54. ЧЕЛОВЕКУ

Человека добром встречают друзья,
Угощают и привечают друзья,
И стараются сесть поближе к тебе,
И души в тебе не чают друзья.

Дастархан наш благ, дастархан наш бел,
Ждем-пождем тебя, чтоб ты рядом сел.
А у нас к тебе только та корысть,
Чтоб ты сладко пил, чтоб ты вкусно ел,

56. ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

— Огонь!..—

И снарядов рассыпался град,
Ворота большого Берлина трещат...
Ликуя и праздная нашу победу,
Друзей угощают у нас все подряд.

И мальчик-подросток, и старец седой
Сошлись на торжественный, радостный той.
Единой семьей собрались мы на праздник,
Пирuem единой и дружной семьей.

Но что это? Праздник великий идет,
А все Джоомарта мой взгляд не найдет!
Умолк огнесердый и пламенноглазый,
Врагов поливавший свинцом пулемет!

Стихи его, с временем вровень летя,
Как сладкоголосое пели дитя,
И если сравнить его нам с иноходцем,
С конем Ширдакбека сравним не шутя!

Не вижу средь многих пришедших на той
Джусупа... О, где же мой друг золотой,
Шумевший крылами, подобно бурану,
И цепкий, как беркут над высью крутой?!

Его высоко возносили крыла,
Как мед вдохновенная песня текла.
И если он был скакуном быстроногим,
То был легендарным конем Кок-Ала.

Нас много на пир собралось... Почему ж
Не видно Мукая? Где доблестный муж,
Который душою был прям и порывист,
Как бешено мчащийся Алпкаракуш.

Как светоч, был ярок и грозен, как жар,
Его ослепительный песенный дар,
Казалось, что в будущем бурей промчится
Скакун Толубая, крылатый тулпар.

Так выпьем! Бокалы и кубки полней!
До дна! Не забыть до скончания дней!..
Прошедших сквозь волны бушующей жизни,
Давайте помянем погибших друзей.

20 февраля 1945
Койсары

57

Я пришел, а тебя, ненаглядная, нет,
Для меня ты луна, мирный льющая свет.
Что же делать, печалиться я не привык,
Разве мало на свете случается бед!

Я пришел. Что же ты не пришла, не пришла?!
Для чего мое сердце костром разожгла?
Ох, тернисты, извилисты к счастью пути,—
Ты б извилины жизни исправить могла.

Столько писем писала! Неужто их сжечь?
В них велась о любви, о свидании речь.
То взлетает, то падает наземь любовь,
Но частицы упавшие надо беречь!

Ладно, я подожду, обуздаю мечты,
Ведь и летом цветут, как весной, цветы.
Поважнее любовных бывают дела:
Знаю, на посевную уехала ты.

Знаю — надо, родная. Трудись веселей,
Землю пусть бороздят лемеха средь полей.
Пусть, питаясь тем хлебом, что сеешь сейчас,
Где-то вырастет парень меня поумней.

4 марта 1945
Койсары

У дороги большой наш аил Кайынды.
 Вечер. Стадо идет... Всё темнее хребты.
 В табуне я коня выбираю гнедого
 И скачу — так, что пыль заметает следы...

Вслед ушедшему дню я лечу на закат.
 О, как в детстве любил на коне я скакать!
 Мчался, с поездом споря, с востока на запад,
 Скакуну моему чтобы славу снискать.

Юность, в годы свои где гнездо ты вила?
 Ты в цветущем саду соловьином была!
 Я резвился — дитя небывалой эпохи —
 Жеребенком, не знавшим удил и седла.

Лет пятнадцать спустя, вот, собрался я в путь —
 Детства край повидать и душой отдохнуть.
 И джене, мне бозо подавая при встрече,
 Кем же стал я, спросила, смущаясь чуть-чуть.

И вопрос этот словно ударил меня.
 Грудь и разум наполнились жаром огня.
 Сам себя я давно называю поэтом,—
 Значит, в то, что поэт я, не верит родня?

Не ответил, смолчал я. Расспрашивать стал
 О здоровье, аиле, о тех, кого знал.
 Сам же думал: так, значит, в плену самомненья
 Я — на деле — еще ничего не создал?

Что ж, трудись, поспешай, расправляя крыла,
 Мчись, как крейсер,— какой бы волна ни была!..
 За горами прожитого тридцатилетья
 Столько дел впереди, и какие дела!..

5 марта 1945
Койсары

59. ОТ БАЛЫКЧИ ДО ФРУНЗЕ

Ехать или не ехать — какой вопрос!
У тулпара железного сто колес,
долетит до Фрунзе от Балыкчи
побыстрей джейрана наш паровоз.

Побежим, Қанымкуль, возьмем билет.
Ах, полгода тянутся как сто лет,
так, наверно, соскучился наш студент...
Қанымкуль, собираешься или нет?

Шайыргуль, опоздаем ведь на вокзал!
Где курут, Шайыргуль, где копченый джал?
Сузьма, мед? Не закроется чемодан...
Ах он, бедный, лучше б не уезжал.

А проспекты там, а дома — как снег!
Только, чур, не ахать уж так, при всех.
А цветы, а фонтан... Джыпаркуль, ты где?
Джыпаркуль! Пропала. Ну, как на грех.

«Айчурек» послушаем. Говорят,
чудо-опера. Фрунзе — маданият!
Он, наверно, и не скучает... нет.
Не скучает? Сядем — поедем назад.

*6 марта 1945
Койсары*

60. БОЗ-БАЛА

Мой ласковый мальчоночка,
Мой боз-бала,
С другою бродит до ночи
Вдоль нашего села.
Ой, боз-бала!
Ой, боз-бала!
В саду колхозном
Тебя ждала.
Ты ловко косишь
И лихо жнешь.
Зачем же эти косы
Своими не зовешь?

Веселый мой мальчоночка,
Мой боз-бала,
Я маюсь, точно лодочка
Без весла.
Ой, боз-бала!
Ой, боз-бала!
Я возле речки
Тебя ждала.
Журчала речка звонкая — тебя звала.
Но ты прошел сторонкою,
Сказал: «Не жди — дела».

Чего же ты куражишься,
Мой боз-бала?
Уж я ли не красивая?
Уж я ли не мила?
Ой, боз-бала!
Я возле виноградника
Тебя ждала.
Но ты, моя отрада,
Прошел к полям,
Сказал мне: «Встреч не надо,
Пока не кончим план».

Не прогадай, мальчонка,
Мой боз-бала.
Недаром ходят парни
За мною вдоль села.
Ой, боз-бала!
Ой, боз-бала!
Взгляни, с какою пышностью
Округа расцвела.
Пойдем же, мой молоденький,
С тобой вдвоем
Цветущим виноградником,
Что родиной зовем!

4 сентября 1945
Койсары

61. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-баю, мой сыночек, ночь светла.
В дни жестоких битв тебя я зачала
И носила, как надежду, как мечту,—
В день Победы сына-радость родила.

Баю, баю, спи, не плачь, мой дорогой!
Матери у очага не беспокой!
В школу я твою сестренку провожу.
Твой отец на молотьбу уйдет с зарей.

Баю, баю, спи, малышка мой родной!
Будешь плакать — прибежит к нам волк степной.
Подрастай, чтоб стать скорее удалцом,
Девушек пленять своею красотой!

Баю, баю, мой соколик, рассвело.
Колыбель ты скоро сменишь на седло.
Встретишь девушку, поймаешь черный глаз.
Приведешь — скажу я: счастье в дом вошло.

Баю, баю, быстрокрылый ястребок!
За окошком светит месяц, мир широк.
Мчится время на тулпаре-скакуне,—
Полетишь за ним, как ветер, мой дружок.

Вырастешь джигитом, ловким удалцом,
Чтоб отец гордился сыном, сын — отцом!
Колыбельку снова стану я качать:
Твоего дождется сына отчий дом.

*5 декабря 1945
Койсары*

62. МЕЛЬНИЦА

Мельница, мельница,
Ой, озорница...
Всё-то ты вертишься,
Руша пшеницу.

Мельница, мельница,
Конь твой железный
Скачет без усталы
До ночи звездной.

Мельница, мельница,
Вечно за делом...
Кормишь нас досыта
Хлебушком белым.

Мельница, мельница,
В дождь, в непогоду
Вдоволь намелешь
Хлеба народу.

*5 декабря 1945
Койсары*

63. ПОЛЕВОЙ ОБЪЕЗДЧИК

Эгей, объездчик молодой!
Скачи тропинкой полевой,
Следи, чтоб заяц не топтал
Пшеницы нашей золотой!

Кричи сильней на всем скаку:
«Айт-айт! Кыш-кыш! Куу-куу!»

Смотри за каждым ты зерном,—
Чтоб к нам достаток, радость в дом
Привез сентябрь, как двух друзей,
Что едут на коне одном!

Кричи сильней на всем скаку:
«Айт-айт! Кыш-кыш! Куу-куу!»

Эгей, объездчик полевой!
Следи получше, дорогой,
Чтоб, загордившись, к нам в хлеба
Не заскочил джигит лихой!

Кричи сильней на всем скаку:
«Айт-айт! Кыш-кыш! Куу-куу!»

Лети стрелой, рычи, как лев! —
Чтоб не свалился, захмелев,
Гулявший в городе джигит
На созревающий посев!

Кричи сильнее на всем скаку:
«Айт-айт! Кыш-кыш! Куу-куу!»

Эгей, объездчик удалой!
Смотри получше, дорогой,
Чтоб не слетались воробьи
На просо шумною ордой!

Кричи сильнее на всем скаку:
«Айт-айт! Кыш-кыш! Куу-куу!»

Следи за птицей, за водой,
Следи за мышью полевой,—
Чтоб не прополз, не пролетел
Никто над полем и бахчой!

Кричи сильнее на всем скаку:
«Айт-айт! Кыш-кыш! Куу-куу!»

Чтоб ворон дыни не клевал,
Чтоб град колосьев не ломал...
Чтоб наш прославленный колхоз
В долине Чуйской процветал!

Кричи сильнее на всем скаку:
«Айт-айт! Кыш-кыш! Куу-куу!»

Кричи сильнее! Скачи вперед!..
Следи за тем, чтоб мой народ
Приветлив, счастлив, весел был
И богател из года в год!

6 декабря 1945
Койсары

64. РОДНИЧОК

Родничок, родничок,
Серебристый родничок,
Ты первое Сырдарьи,
А вместился в черпачок.

Родничок, родничок,
С тучки камню на бочок,
Ты безбрежнее морей,
А вместился в черпачок.

Родничок, родничок,
Всем по нраву родничок,
Без зазрения тебя
Топчет каждый каблучок.

Родничок, родничок,
Свежесть жизни, родничок,
Этой свежести цена —
Самый мелкий медячок.

Родничок, родничок,
Неприметный родничок,
Но тропиночку к тебе
Знает каждый степнячок.

Родничок, родничок,
Всем надежа, родничок,
Позаброшенный в пыли,
Как последний пустычок.

Родничок, родничок,
Сладничок ты иль горчок,
Долго ль, коротко ль живешь?
Притаился — и молчок.

Родничок, родничок,
На день воду в кулачок
Придержи — тогда поймут,
Что ты значишь, родничок.

Пустит жажда росток,
А у жажды нрав жесток:
Говорят, сына продашь
За единственный глоток.

*6 декабря 1945
Койсары*

65. ПОЛИВЩИК

Поливщик поле поливает.
Вода металлом отливает.
А ненаглядная хозяйка
Пришла. Садится. Отдыхает.

Он едет на конях горячих,
На скакунах, а не на клячах.
А расторопная хозяйка
Румяный вынула калачик.

Обширна вешняя запашка.
Потна поливщика рубашка.
Заботлива его хозяйка:
Полна бараньим жиром чашка.

Поливщик трудится недаром,
Вода бежит в кипенье яром.
Но терпеливая хозяйка
Всё ждет с кипящим самоваром.

Вот наконец туман поднялся.
Вот наконец и муж примчался.
Не зря ждала его хозяйка,—
К устам губами он прижался.

*7 декабря 1945
Койсары*

66. ДОЯРКА

Будто смотрит с полотна милая моя,
Лебеда стройней — стройна милая моя.
Сердце ранила она девичьей красой,
Будто яблоко, нежна милая моя.

До чего твой взгляд хорош, милая моя,
Проппадаю ни за грош, милая моя.
А как по воду пойдешь рано поутру
И ведерком не качнешь, милая моя.

Вовремя доишь коров, милая моя,
А удой — не сыщешь слов, милая моя.
Крынки полны до краев сладким молоком.
С молока народ здоров, милая моя.

Добрая товарка ты, милая моя,
Больше не дикарка ты, милая моя,—
Нарядилась ярко ты — любо поглядеть,
Знатная доярка ты, милая моя!

7 декабря 1945
Койсары

67. БАШКАРМА

Рыжий парень дело знает!
У него работы тьма.
Престарелых уважает,
Молодых не обижает
Справедливый башкарма.

Мы богаты табунами,
Мы стадам теряем счет.
Весь район гордится нами,—
За родным колхозом знамя
Остается, что ни год.

Каждая копейка — это
Наш колхозный, кровный труд!
Сердце радуется примета
Сытой жизни: от рассвета
До заката — дым из труб.

Слабому всегда подмога
И опора — башкарма.
Верная у нас дорога!
Справили обновок много,
И добра полны дома.

Вот и сам он. До чего же
Крепко руку парень жмет!
...Всё для счастья молодежи,
Нашей смены и надежи,
Создает в труде народ.

8 декабря 1945
Койсары

68. НЕ ЗАБЫВАЙ

Не забывай ты ловчих птиц, их зорких глаз.
Не забывай своей поры весенней час.
Не зная страха, ты летел, твой дух не гас,
Хотя пришел ты в жизнь всего один лишь раз.

Не забывай, как выростал в любви, в тепле.
Не забывай, как свет сиял родной земле.
Не забывай, как ты в бою отчизну спас,
Хотя пришел ты в жизнь всего один лишь раз.

Не забывай прошедших дней, грядущих дней.
Сражаясь, победил ты смерть и стал сильней,
Оставил след на сотни лет, века потряс,
Хотя пришел ты в жизнь всего один лишь раз.

Не забывай, что волей ты дышал всегда,
Что были ожерельем звезд твои года,
Меня ты можешь позабыть, коль заслужил,
Но песни ты не забывай, что я сложил!

8 декабря 1945
Койсары

69. ТЕРПИ, ДРУГ, ТЕРПИ

К⟨еримджановой⟩ Б⟨иби⟩

Терпи, друг, терпи. Нам не успех.
Придут к тебе слава, успех,
И счастье тебе улыбнется,
Мол, я запоздало — мой грех.

Ведь так не бывает, мой друг,
Чтоб вышло само или вдруг.
Была бы лишь воля к полету,
Что движет и малых пичуг.

У лучших, кого я знавал,
Был трудный в судьбе перевал,
А цели — за тем перевалом,
Пред коим в пути застревал.

9 декабря 1945
Койсары

70. КАЛМЫЦКИЙ ЧАЙ

Попробуйте калмыцкий чай —
По телу сила потечет.
По-моему, калмыцкий чай
На вкус напоминает мед.

В нем молоко, сметана, соль —
Заряд дает калмыцкий чай,
И молодеет всяк душой,
Кто утром пьет калмыцкий чай.

Жена колхозника, смотри,
Нам чай калмыцкий подала.
Хорош фарфор из Бухары —
В руках сияет пиала!

9 декабря 1945
Койсары

71. ЛУКАВЕЦ

У лукавца сорок одежек,
Все они ни к черту не гожи,
И всегда за пазухой камень,
Невеликий камень, но всё же...

Никого терпеть он не может,
Грязь к чему угодно приложит,
От чужой удачи хворает,
Зависть душит его и гложет.

Всюду носит сплетни худые,
Расставляет сети густые,
Ходит, постоянно потупясь,
Чтобы скрыть глазенки пустые.

А в глаза поет тебе славу,
Расточает речи лукаво.
Глядь, и ты уже как в тумане,
Не поймешь, где лево, где право.

Для его счастливого вздоха
Нужно, чтобы всем было плохо.
Может, и не съест, но укусит,
Дня не проживет без подвоха.

Никого нигде не похвалит,
Жалит, а не видно, как жалит.
Дай ему великую реку —
Он и реку дрянью завалит.

Личность не геройского сорта,
Всюду, где он вхож, воздух спертый,
А его не тронь — лишь надейся,
Что он сам провалится к черту.

*9 декабря 1945
Койсары*

72. ТОЙ, КОТОРАЯ КОПАЕТ СВЕКЛУ

- Ты, копающая свеклу, чья подруга, чья жена?
- Я подруга Касымкула, — отвечает мне она.
- Разузнать об урожае очень важно для меня.
- Что ж, я расскажу об этом, но прошу вас
слезть с коня.
- Ты прекрасна! Расскажи мне, как исполнен
план работ.
- Здесь у самых отстающих урожай по восемьсот.
- Значит, раньше ошибалась наша бедная земля?
- Да, по тысяче с гектара дали нынче мне поля!

- Тысяча? Вот это славно! Руку дай поцеловать!
— Руки у меня в мозолях, землю долго отмывать.
— Э, да красота — повсюду, но красив лишь
только тот,
Кто работает прекрасно, тот, кто счастье создает!

9 декабря 1945
Койсары

73. НЕ ПОМЕНЯЮСЬ С ПЯТИЛЕТНИМ

Чем старей человек, тем сильнее
Ненавидит он близкую старость.
Дни проводит он в думах о ней,
Сокрушаясь: всё в прошлом осталось!..

Чем дряхлее становится он —
Ненавистнее тленное в старом.
Жизнь, мелькнувшая словно бы сон,
Представляется прожитой даром.

Год за годом бежит и бежит —
Меньше всё человек веселится.
«Эх, не так я, как надо бы, жил!»
И на глупую молодость злится.

Чем согбенней становится он,
Тем пронзительней память о детстве.
«Эх, не так бы!..» —

и слово и стон
Из него вырываются вместе.

...Я — не молод. Но горечи — нет.
Юность канула, но в пустоту ли? —
Прошивавшие молодость пули,
Время бурь, — мне стремятся вослед.

Мое детство в себя вобрала
Та эпоха, что с солнцем сравнится;
Для нее подарила орла
Людям
времени добрая птица.

Юность счастьем звенела во мне,
Хоть мы голодны были и сиры,—
Стаи соколов шли в вышине,
По земле проходили батыры.

Каждый прожитый день мой — сродни
Сотням дней, дорогих человеку.
Каждый год мой, вобравший те дни,
Равен, может быть, целому веку.

Жизнь, в которой открытий не счесть,
Вдаль, как видно, меня увлекает,
Есть ли смерть? Я пойду, если есть,—
В страхе пусть от меня убегает...

Буду стар... Не верну своих лет.
Но не буду я мучиться этим.
Тридцать лет за спиною, но нет,
Не хотел бы я стать пятилетним.

*10 декабря 1945
Койсары*

74. В КОЛХОЗЕ «КОММУНИЗМ»

Аил остался за спиной, мы на гумно направились,
Работы много было там, но мы с работой справились,
Нам было любо молотить и песню «Изобилье» петь,
И в дружном, слаженном труде друг другу все
понравились.

Как будто сорок дней подряд целебный пили мы кумыс,
Любой из нас помолодел, морщинки все расправились.

О жизнь бессмертная, люблю твое многообразие,
Тебя намерен прославлять в любой строке и фразе я.
Пойти хоть сторожем в колхоз, беречь колхозное
зерно,—

Кто скажет мне, что это, мол, нелепая фантазия?
Как заскучать, когда кругом — холмы родные и поля,
Моя земля, мой Киргизстан, моя родная Азия?

Я пил бы воздух день за днем, здоровье воскрешающий,
Я здесь не знал бы никакой болезни иссушающей,
Я здесь бы, верно, ощутил: мне снова восемнадцать лет,
Я снова юноша, про жизнь у жизни вопрошающий!
Я здесь бы сам подобен стал живительному ветерку
Или стремительной воде, посева орошающей!

16 декабря 1945
Койсары

75. ПАМЯТЬ ОБО МНЕ

Не жил для хвалы я. В сумятице дел
Великих творений создать не сумел.
Я плыл по реке, той, что вспять не течет,
Но силам пловца наступает предел.

Придется и мне погрузиться во тьму,
Но всё, чем я жил, я с собой не возьму.
От недругов мне пьедестал ни к чему,
Я в душах друзей проращу в глубину.

Постелят мне камень, накроют песком,
Но если строка моя вспыхнет хоть в ком,
Могильные плиты я сброшу с себя
И в росной степи проскачу рысаком!

17 декабря 1945
Койсары

76. ЖИЗНЬ

Кто умер, тот ушел навек, и мой таков удел.
Вброд тыщи многошумных рек я перейти сумел.
Неубывающая жизнь, наверное, ты клад?
Коль ты не клад, так что же ты, узнать бы я хотел.
Откуда я и почему явился в этот мир,
Бедой иль ветром занесло меня в земной предел?

Остался я среди живых, и всё мне нипочем,—
По горным тропам в вышину кремнистым шел путем.
Жизнь — это чудо, торжество, дарованное нам.

Пир или праздник — всё равно, как мы его зовем.
Ах, жизнь, как мимолетна ты, как я тебя люблю,
А соль иль сахар я вкушал, не думаю о том.

17 декабря 1945
Койсары

77. ВЫ НЕ УМЕРЛИ

Незагоревшимся огонь казался миг назад,
И молодость была вчера свежа, как виноград,
Объединенные судьбой и лишь мечтой горя,
Вы были шумною толпой ровесников-ребят.
Где вы, ровесники мои, где вы теперь, где я?..
Не скроешь, видно, — поредел живой и дружный ряд.

Ряд поредел. Когда ушли, чтобы сломить врага,
Вы, для кого в бою и жизнь была не дорога.
Крутыми крыльями шумя, когда растаял снег,
Вы не вернулись в отчий край, в зеленые луга.
И, землю мерзлую обняв, остались вы навек,
В чужой земле остались вы, легли в ее снега!

17 декабря 1945
Койсары

78. НЕ ГОВОРИ

Не говори, я слышать не хочу,
Как важничает девушка пустая.
Пусть рядится она в шелка, в парчу,
Любуется собой, от счастья тая.

Нет у меня тряпичной чепухи —
Один костюм (так для души свободней),
Зато вот есть хорошие стихи —
И самые новейшие сегодня!

17 декабря 1945
Койсары

79. КОГДА Я ДАЛЕКО

И первого, кто перестанет быть,
друзья еще успеют позабыть.
Сейчас — не надо с этим торопиться,
потом — не стоит память беречь.

По капле тает и растает снег —
забудется лицо, походка, смех,
стихи забудутся — я не обижусь.
Но забывать живого — это грех.

Где вы, где я и завтра где мой дом?
Друзья, меня в кочевии моем
хоть на день вспомните — забудьте на год!
Хотя бы так — спасибо и на том.

18 декабря 1945
Койсары

80. ТВОЯ ПОЭМА

«Ты» — это все, с кем я всегда — на «ты»,
Живут в потомстве доблести черты.
Тебе джигит сокровище доверит,
Ты — воплощенье чести, прямоты.

Слова твои правдивы. В час невзгод
Ты верен клятве. Ты — святой народ!
И с легкою душой на сохраненье
Тебе джигит свой клад передает.

Нет у меня ни клада, ни коня,
Возьми стихи в подарок от меня.
Они — твои, как и мои... Поэму
Ты береги для завтрашнего дня.

18 декабря 1945
Койсары

81. КИРГИЗСКОЕ МОРЕ

Мой Иссык-Куль, ты киргизское море,
Радость цветет вокруг тебя на просторе,
Павшая с неба меж гор драгоценность,
Лучшая в нашей природы уборе.

Мой Иссык-Куль в ожерелье прибоя,
Что красотой поспорит с тобою?
Мимо идут караваны столетий,
Жажду смиряя водой голубою.

Мой Иссык-Куль в пору буйства прибоя,
Что богатырством поспорит с тобою?
Мощные волны всё выше и выше,
Мощью твоей я вспоен голубою.

Люди твои зоркоглазы, плечисты,
Нравом сердечны и мыслями чисты.
Мой Иссык-Куль, мой оплот и святыня,
Блеском твоим мои песни лучисты.

*19 декабря 1945
Койсары*

82. ПУСТЬ МИР УСПОКОИТСЯ

Если посмотришь на мир —
Всюду тревога и мрак.
Озарены небеса
Отблеском дальних атак.

Шалые пули свистят.
Враг притаился в тени.
Страха не знавшим бойцам
Не по себе в эти дни.

Смолкните, ветры войны!
Люди, взгляните назад:
Сколько погубило за мир! —
Пусть они мирно спят.

*19 декабря 1945
Койсары*

83. РУССКОМУ НАРОДУ

Брат мой по праву,
Ты мне по нраву,
Ты мне как солнце
В полночь мозгляву.

Ты в пору зноя
Тень надо мною,
Ты в пору стужи
Даришь весною.

Ты человечен,
Добросердечен,
Песнею шаг твой
Каждый отмечен.

Быстрый в решеньях,
Смелый в свершеньях,
Чуждый унынию
В любых лишениях.

В дружбе ты верен,
В битве примерен,
В слове ты тверд
И нелицемерен.

Мудрый мыслитель,
Мощный воитель,
Врагу любому
Ты победитель.

*19 декабря 1945
Койсары*

84. ИССЫК-КУЛЬ И НЕВА

Иссык-Куль мой с Невою — сестра и брат,
В глаза им высокие звезды глядят.
Пускай между ними просторы легли,
Советские звезды над ними горят.

Иссык-Куль мой спокоен под яркой луной,
Он небо чарует голубизной,
На горном гортанном своем языке
Ночами ведет разговор он с Невой.

Нева отвечает с улыбкой ему,
И брату поклон она шлет своему,
Друг другу открыты объятия их,
Той дружбы вовек не разбить никому.

Иссык-Куль мой с Невою — сестра и брат.
В глаза им высокие звезды глядят.
Пускай между ними просторы легли,
Советские звезды над ними горят.

20 декабря 1945
Койсары

85. ДЕВУШКА В ШЕЛКОВОМ ПЛАТЬЕ

Ливень чем дальше, тем пуще.
Гром не жалеет труда.
С крыльев машины бегущей
Глину смывает вода.

Девушка в шелковом платье
Шепчет, промокнув насквозь:
— В чем выйду нынче гулять я?
Лучшее платье — хоть брось!

Весел колхозник заране:
— Ну и богатый год!
Дочка моя на гулянье
В шелковом платье пойдет!

20 декабря 1945
Койсары

86. Я БРОСИЛ ТВОЕ ПИСЬМО В ОЗЕРО

Я почерку ныне не рад твоему,—
Письма не прочел,— я не верю письму.
Заранее знаю, что ты написала,
И в озеро бросил письмо потому.

Стихи мои, светлые словно кристалл,
Которым я слышал так много похвал,
Прочла ты, потупилась и промолчала...
Я этого, милая, не ожидал.

На сердце тяжелой обиды печать,
Но снова крылат я и весел опять...
К чему мне твои похвалы после смерти,
Которые в жизни хотел услышать?

20 декабря 1945
Койсары

87. ВРЕМЯ ПРОВОДИЛИ ВМЕСТЕ

Раздавался плеск упругого весла,
Лодка-лодочка куда-то нас несла...
Я себе казался молодой арчой,
Ты — зеленою березкою была.

Я был смелым, разговоры затевал,
Песню с именем любимым распевал,
Ты смущенно прятала свои глаза,
А какой тебя румянец заливал!

Не забыл я полыханье милых щек.
Этот день недавний так теперь далек.
Ты вернулась в пыльный город, где жара,
И, наверно, там румянец твой поблек.

21 декабря 1945
Койсары

88. ПОЛЮБИЛ ТЕБЯ

Я тебя полюбил, столько дней я охвачен тоской!
Вновь твоя красота привлекла, поманила рукой!
Снова ты обожгла, свергла в полымя ты из огня
Душу, душу мою, что не ведала казни такой.
Если ты иногда хоть немного жалеешь меня,
Не влюбляйся в меня, не давай целовать,
успокой!

Я тебя полюбил — есть великая воля к любви,
Ты, лишив меня сил, разжигаешь былое в крови,
Но ведь мы не вернемся к утратам забытого дня,
Ничего не вернем, так оставь меня и не зови.
Если ты, мое солнце, немного жалеешь меня,
Не протягивай руки, напрасные муки прерви.

Я прошу, не люби! Правота — на моей стороне,
Но твоя красота плавит сердце в палящем огне.
А полюбишь меня, увлечешь, за собою маня,
Будешь видеться мне даже в смертном безвыходном сне.
Потому и молю, чтобы ты не любила меня,
Ну, а если полюбишь, кому отвечать, как не мне?

21 декабря 1945
Койсары

89. ЗАСТЕНЧИВОЙ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЕ

Брось, черноглазая, надо ль смущаться?
В дом заходи, нынче праздник у нас.
Муж твой хромает,— ну что ж, дорогая,—
С пульей врага он встречался не раз.

Брось, Барчагуль, заходи, не стесняйся,
В доме большой затевается той.
Беркут вернулся с крылом перебитым,—
Видно, что он человек не простой.

Даже тулпар быть израненным может —
Может о камни споткнуться порой.
Шрамы всегда украшали мужчину.
Муж твой — пойми — настоящий герой.

21 декабря 1945
Койсары

90. СЧАСТЬЕ

Мне казалось, что счастье, дразня,
Убежит среди белого дня,
Как красавица в шелковом платье,
И к себе не подпустит меня.

Если вырвется счастье из рук —
Не вернется в разорванный круг,—
Вслед беглянке простертые руки
Опущу, обессилевши вдруг.
Нет, неправда! Вернулось оно!
Всё возьму я, что жизнью дано.
Есть на свете народ и отчизна —
Значит, счастье нам всем суждено!

22 декабря 1945
Койсары

91

Если хочешь любить, то меня полюби.
Полюби и поверь — я не хуже других!
Годы юности где-то отстали в пути,
Сколько б вдаль ни глядел, не увижу я их...

Приходи, только сад мой за тысячу верст!
Если сядешь верхом на гнедого коня
Или сядешь на «виллис», чтоб было быстрей,
Тридцать лет пролетишь —
и догонишь меня!

Приходи, только двор мой за тысячу верст...
Если сесть в самолет, то в течение дня
Ты не сделаешь даже и трети пути,
Тридцать лет пролетишь —
и догонишь меня!

Приходи, только дом мой за тысячу верст...
Если, в сердце любовь и надежду храня,
Будешь плыть по волнам на большом корабле,
Тридцать лет проплывешь —
и догонишь меня!

22 декабря 1945
Койсары

92. НЕ ПРОЖИЛ ЖИЗНИ Я

Не прожил жизни я, а жизнь моя прошла,
И сладости ее я так и не познал.
Как финик, что созрел, один лежу в траве,
Сорвался с ветки я,— увы, таков финал.

Не прожил жизни я, а жизнь моя прошла,
Я вместе с ней шагал, ей другом верным был.
Я разъярен бывал, что твой верблюд зимой,
А то, как верблюжонок, я тихо слезы лил.

Нет, не приелась жизнь, я соль ее вкусил,
И молоком ее я не был обделен,
Она — отец и мать, согрет ее теплом,
Был счастлив, как птенец, и был всегда влюблен.

И вот уходит жизнь, ну что ж, пускай уйдет,
Я счастлив тем, что жил в такие времена!
А если два стиха останутся навек —
Я счастлив, это — золотые стремяна!

*25 декабря 1945
Койсары*

93. ГОРОД ФРУНЗЕ

Город Фрунзе, милый город! Дедово гнездо!
Сто названий в этом сердце и напевов сто...
Нет, скорее б я расстался с милюю своей,
Но с тобой, любимый город, — ни за что!

Никогда я не забуду твой зеленый сад,
Где как будто бы свирели в воздухе висят.
Нет, скорее б я расстался с другом дорогим,
Но с тобой, любимый город, нас не разлучат.

Там обрел седые крылья золотой птенец,
Там попробовал свой голос молодой певец,
Там явились мне впервые дружба и любовь,
Там хотел бы я под вечер встретить свой конец.

Ты зимою в стуже, город, стынешь, как луна.
В летний зной бывает почва вся истомлена.
Я на это не в обиде. Знаю, что придут
Две красавицы сестрицы — Осень и Весна.

Помню с детства — был ты темен, и уныл, и глух.
Над тобою пыль парила, пышная, как пух.
Вырос я, а ты, мой город, начал молодеть, —
В каждой линии мне виден юношеский дух.

Я был юным. Ты был старым, сумрачным тогда,
И текла в твоих арыках тухлая вода.
Но вошел в лета я, город. Для красоты твоей
Подарил тебе, любимый, я свои года.

Льются струны телеграфа ниже твоих крыш.
Меж проспектов заблудился деревенский стриж.
Здесь — музей, а там — театры, школы, институты.
Ты витринами сияешь. Ты в огнях горишь.

Ты прошел, как тень былого, старый мой Пишпек.
Пыльно-серый, был от грязи чуть не черно-пег.
Но из ветхого столетья русская рука
Соколом тебя пустила прямо в новый век.

Город Фрунзе, город Фрунзе! Где же та пора?
Только снег зимою тот же, летняя жара.
Но по-новому, иначе движется народ,
Даже смех звучит иначе, нежели вчера.

О друзья! Не забывайте прошлое свое:
Наше древнее бездолье, нищее житье.
Возлюбите ж поколение, что теперь живет,
Чьи глаза пронзают время, словно лезвие.

Да, грядущее прекрасно! Ты к нему гряди!
Мы седем, но нетленна молодость в груди.
Мы стареем, но мужаем, как и город наш,
Знамя партии великой реет впереди.

Город Фрунзе, город Фрунзе, я твой кровный сын!
Серебра душе дороже блеск твоих седин,
Золота дороже сердцу молодость твоя.
Для меня ты — в ореоле будущих годин.

Город Фрунзе, милый город! Дедово гнездо!
Сто названий в этом сердце и напевов сто.
Нет, скорее б я расстался с милою своей,
Но с тобой, любимый город,— ни за что!

*30 декабря 1945
Койсары*

Ноябрь и Декабрь уходящий, прощай,
Прощайте, Июнь благодатный и Май,
В построенных за год просторных домах,
Как дерево в гнездах, счастливый наш край.

Прощайте, Сентябрь и Апрель голубой,
Кончается год, но приходит другой;
Пусть будет добрей у пришельца сноха,
Пусть льется кумыс белоснежной рекой.

И мартовский ясный, прощай, небосвод,
И пахоты время, и птиц перелет.
У Нового года пусть будет щедрей
Невеста, которую он изберет.

Пусть год изобилием будет богат,
Как звездами небо, как травами сад,
Пусть полные чаши в колхозах у нас
С душистым айраном и с медом стоят.

Торопится год. Он мечтой окрылен,
И счастье восходит звездой Чолпон.
И горы моложе, и люди сильнее;
Их в шелк разодеть собирается он.

Идет он. Торопится, счастье неся,
Летит, по ущельям бесшумно скользя,
Он всем говорит, появляясь в домах:
«Скажите, чего не хватает, друзья?»

Все веселы, в шумных аилах светло,
На праздничных блюдах хватает всего!
Он в окна стучится и всем говорит:
«Я счастье принес вам, растите его!»

Идет он и в люльке качает мальчика,
Морщины у старых стирает с лица.
Спросил я: «А как же тебя называть?»
«Меня — Изобильем, а Счастьем — отца».

Пусть будет таким же и будущий год,
И тот, что затем неизменно придет,
И, нового счастья вкушая плоды,
Не «кисло», а «сладко» пусть скажет народ.

Пусть много приходит таких же годов!
Я вовсе не жаден, я только готов
У каждого Нового года просить
Всего лишь две строчки удачных стихов!

Ведь я не завистлив, не жаден до яств!
Пусть год приходящий немного мне даст!
Для сердца поэта — две строчки стихов
Дороже здоровья, дороже богатств.

Входи, Новый год! Познакомимся. Я
С тобой поделюсь, ничего не тая:
Я вечен. Я тысячи раз возвращусь,
Как месяц Декабрь, вдохновивший меня.

*31 декабря 1945
Койсары*

95. ПОЛОВОДЬЕ

Вешний поток шаловлив, как дитя,—
Душу отдать бы за этот задор!
Прочные льды он ломает шутя,—
Душу отдать бы за этот напор!

Зимнюю стужу он гонит стремглав,
С неба смывает гряды облаков.
Шумный поток, за веселый твой нрав
Душу отдать я сегодня готов!

Ты улыбаешься мне на бегу,—
Душу отдать бы за радостный гром!
Чистый поток, я никак не могу
Налюбоваться твоим серебром!

*1945
Койсары*

96. СПРАВЕДЛИВОЕ СЛОВО

Друг мой, не обижайся, что жалят слова,
Справедливое слово послушай сперва:
Никогда не полюбит она, как ты хочешь,
Ибо эта красавица вся такова!

Пусть она будет сплетницей вечной, как ты,
И такую же злой, бессердечной, как ты,
Пусть скучна и черства, равнодушна, и всё же
Будет лучше тебя... Не отнять красоты!

И права, что не любит — с тобою груба,
Я и сам не любил бы, да, видно, судьба...
И влюбляюсь я сам для себя незаметно,
Потому что любовь, как известно, глупа.

1945

Койсары

97. СУДЬБА

Для ловли счастья я расставил сети —
И каждый день, вставая на рассвете,
Бегу смотреть: попалось ли оно?
Не знаю, так ли надо жить на свете...

1945

98. РАКИЯ

«Беги сюда скорее, Ракия!
Приехал сын мой, о котором я
Тебе, дитя, рассказывала много!» —
Твердила мама добрая моя.

И прибежала девочка. Она
Еще была худа, еще бледна,
Но так светло, доверчиво глядела!
Ее в наш край забросила война.

Как тоненький побег, она чиста!
Мне кажется: по-русски неспроста
Ей дали имя редкое — Ракита.
Она из Ленинграда, сирота...

1945

99. КИРГИЗСТАН

Киргизстан, ты — и поле, и сад, от плодов золотой,
Ты — и роща, и луг, светом ясного дня залитой,
Ты — хранитель озер и подземных бесчисленных
кладов,
Ты — корабль, нагруженный богатствами и добротой.

Ты — здоровье души, ты — врата вдохновенья певцов,
Ты — мудрец и творец, ты — отец мудрецов и творцов,
Город счастья, который никто никогда не разрушит,
Неотступная мысль, колыбель окрыленных бойцов!

3 января 1946
Койсары

100. КОЛХОЗНЫЙ САД

— Скажи мне, сад, колхозный сад,
Какой таишь ты клад?

— Я богат румяными плодами
И благоуханными цветами.

— Скажи мне, сад, колхозный сад,
Чем ты еще богат?

— У меня живет поэт прекрасный,
Мудрый, благородный, сладкогласный.

— Колхозный сад, весенний цвет,
А чем богат поэт?

У него две жизни наяву,
И поет он, полный вдохновенья:
«Сам одну из них я проживу,
А другую — все мои творенья!..»

3 января 1946
Койсары

101. МОЛДОКУЛ

Кто же это — Молдокул, интересно?
Он мой друг и человек неизвестный,
Он трудом своим прославил колхоз,
На уборке, на покосе, на вспашке
Не допустит ни малейшей промашки.

Кто же это — Молдокул, интересно?
Он товарищ мой, он парень чудесный.
Он весною пробуждает поля,
За посевами следит терпеливо,
Чтоб не высохла земля без полива.

И жена его работать горазда.
В новом доме их бываем мы часто.
Сыпьтесь в гости к Молдокулу, звезды с неба,—
Наш колхозник заработал много хлеба!

*30 октября 1946
Чолпон-Ата*

102. НЕ ВОЛНЫ, А ЛЕБЕДИ...

Здесь синь. Ну, а в небе осеннем — дожди...
Там мрак, а на глади озерной тепло.
Не бойся, спокойно берись за весло,
Не волны, а лебеди это вдали.

Пусть небо зимою нарядней земли,
Селения наши в довольстве, в тепле.
Как озеро — мирная жизнь на земле.
Не волны, а лебеди это вдали...

*30 октября 1946
Чолпон-Ата*

103. ЖЕЛАНИЕ

Когда живешь в кыштаке, где поступь зимы не слышна,
Как много на ум приходит, когда вокруг тишина...
И вот я думаю: сколько друзей у меня кругом,
Сердца наши бьются вместе, и дружба наша тесна!

Когда так дни коротки, а зимние ночи без дна,
Как много на ум приходит! Зимняя ночь длинна...
И думаю я: сколько сестер и братьев моих
Живут на земле со мною, и наша судьба одна!

Ах, если бы можно было нам юность вернуть назад,
Да если б она продавалась, как яблоки и виноград,
Ее я купил на базаре б и, сам ничего не взяв,
Друзьям бы своим всё отдал, чтоб каждый был
счастьем богат.

Ах, если бы можно было, как пояс или браслет,
Найти мне людские жизни, которым и сносу нет,
Купил бы я их на базаре и, сам не взяв ничего,
Своим бы всё роздал друзьям, чтоб жили они до ста лет.

Ах, если бы все болезни излечивались без труда,
Да если бы на базаре была бессмертная вода,—
Хоть сам я больной и слабый, себе бы ни капли не взяв,
Всю воду друзьям бы отдал, чтоб были здоровы всегда.

Когда живешь в кыштаке, где поступь зимы не слышна,
Как много на ум приходит, когда вокруг тишина...
И вот я думаю: сколько друзей у меня на земле
И сколько сестер и братьев, с кем дружба моя тесна!

*31 октября 1946
Чолпон-Ата*

104. БРИГАДИР БЕГИМАЛЫ

Земля суха. Печет невыносимо.
Затянут горизонт завесой мглы.
Как будто потерял родного сына,
Печален бригадир Бегималы.

Но стали в небе собираться тучи,
Прохладой потянуло с Санташа,—
И ливень хлынул яростный, кипучий,
Бурля ручьями, свежестью дыша.

А бригадир? Он скачет без оглядки
Домой: «Вари, хозяйка, нынче плов!
Обилье, жизнь в довольстве и в достатке
Нам ливень золотой сулит без слов...»

Смеется бригадир. Прошла тревога.
О матери земле ведь он грустил.
Родимая, кормилица!.. Как много
В тебе таится и богатств и сил!

31 октября 1946
Чолпон-Ата

105. ЗАВЕТ ОТЦУ

Не впрок чужой кусок, добытый без труда,
И ненасытным нет удачи никогда.
Не знал и не хочу такое знать богатство,
Но помню: от него — тревога и беда.

Пшеница, поспевай, родник, врывайся в тишь!
План перевыполним, чтоб не краснеть... Глядишь,
И сладкой сделать нам удастся жизнь в колхозе,
Такой, как твой урюк, орехи и кишмиш.

Пойми, что свят колхоз, и только честный труд,
Желание добра — одна дорога тут.
Отец, пойдешь по ней к богатству и удаче,
И сами на поклон они к тебе придут.

31 октября 1946
Чолпон-Ата

106. МОЕМУ ОЗЕРУ

Не может пресытить твоя красота,
Душа красотой не бывает сыта.
В разлуке с тобой — по твоей синеве,
Как пена по волнам, гуляет мечта...

Люблю тебя жарче любимой своей.
Я раньше отдал тебе сердце, чем ей.
Когда ты спокойно — спокоен и я.
Мне шепот твой шепота милой нежней...

1 ноября 1946
Чолпон-Ата

107. ВОСХИЩЕНИЕ

«Свеклу растить,— говорили вокруг,—
Труд лишь для сильных, обученных рук».
«Вырастила Кайназара невестка
Тысячу центнеров»,— слышу я вдруг.

Людам земля, как известно давно,
Даром не дарит ни плод, ни зерно,
Словом же «тысяча» даже батырам
Было бросаться не разрешено.

Чем же моя героиня сильна?
Может быть, тайна ей в руки дана?
Мне бы взглянуть, как живет, как смеется,
Как улыбается людям она!

*1 ноября 1946
Чолпон-Ата*

108. ГРУНЕ САВЕЛЬЕВНЕ

Из рук меня кормила ты, бывало,
Сластями, словно сына, баловала.
«Пусть поправляется,— твердила ты,— он слаб...»
И на рассвете для меня вставала.

Я всё писал стихи, порой кидая,
Порой удачные на свет рождая.
А ты печалилась: «Уж больно тощ сынок...»
И плакала, мои часы считая.

Прошел и март. Апрель к концу подходит.
Летит журавль. На речке гуси бродят.
— Ну что ж, пора домой.— Гляжу в окно:
Коня к крылечку старому подводят.

Ты вышла проводить меня в дорогу.
Взглянув коню в глаза, седло потрогав,
Пожала руку мне, и крупная слеза
Скатилась и упала у порога.

Я далеко. Я жив, моя родная.
Не сетуй, что к тебе не приезжаю.
Слезой матери была твоя слеза,
Хоть ни отца ни матери не знаю.

2 ноября 1946
Чолпон-Ата

109. ЖЕНЩИНЕ

Хочу любить и юности вослед
Идти, хмелея, по ступеням лет,
Войти в огонь и вновь, как из вулкана,
Горящим камнем вылететь на свет.

Хочу любить, погибнуть сгоряча,
Любить, слова бесценные шепча,
Любить, твою осиливая силу,
Порой слабея, тая, как свеча.

Когда бы вся небесная вода,
Обрушившись, покрыла города,
Вооружен твоим единым взглядом,
Я перешел бы море без труда.

2 ноября 1946
Чолпон-Ата

110. ОЧИСТКА ЗЕРНА

Завтра наш чудесный праздник — день Седьмого
ноября.

Будем петь мы песни хором, только расцветет заря.
День осенний краток. Надо нам на мельницу идти,
Намолоть муки, чтоб гости к нам приехали не зря.

Дуй сильней, ноябрьский ветер, дуй проворней
и сильней!

Буду веять я пшеницу, что собрал с родных полей.
Поутру получают дети очень вкусный боорсок
Из муки моей отборной (не найдешь нигде белей).

Поднимаю я лопату с тяжким золотым зерном.
Если ветра нет, то свистом с поля ветер призовем.
Чтобы девушки с улыбкой в праздник подошли ко мне,
Боорсок для них обсыплю я сладчайшим кишмишом.

Мы спешим, а ветра нету, ветра нету, как назло.
Незаметно, слишком быстро время осени пришло.
Как бы к вечеру сегодня дождик снова не пошел,—
Вон плывут по небу тучи, опускаясь тяжело.

Чтоб скорей зерно очистить, вышел я на общий ток,
Камешки руками выбрал, сделал быстро всё, что мог.
Может, ветер, легкий ветер есть у девушки Шайкуль,—
Забегу я к ней, чтоб ветра у нее занять мешок.

Где же хоть немножко ветра мне для веянья достать?
Завтра праздник, значит надо будет гостя угощать.
Может, ветер, легкий ветер есть у милой Бейшекуль,—
Надо будет тоже ветра у нее мешок занять!

2 ноября 1946
Чолпон-Ата

111. ОТВЕТ НА ТВОЕ СЛОВО «ЦЕЛЮЮ»

Ты мне обиду нанесла
Беспечным росчерком пера.
«Я за стихи тебя целую»,—
Ты написала, Бюбюйра.

Целуй, Бюбюш, не каждый стих,
Целуй лишь лучшие из них.
Я ж не настолько совершенен,
Чтоб быть достойным губ твоих!

2 ноября 1946
Чолпон-Ата

112. ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА НА ИССЫК-КУЛЕ

Весны иссык-кульской видал я разлив...
Взгляни хоть разок — до чего он красив,
Когда лебединые стаи летят
И почки набухли у тоненьких ив.

Косяк журавлиный по небу плывет,
Звенит и лепечет растаявший лед,
И жаворонки вторят пенью воды,
И радуется сердце снующий угод.

Грохочут с зари дотемна трактора,
Работают справные кони с утра,
Колхозник доволен: весна подошла —
Пора начинаний, свершений пора.

И нашего лета видал я приход,
Когда на джайлоо тучнеет скот...
Прополка, поливка — спеши-поспевай!
А там сенокосы начнутся вот-вот.

Ополдень привозят игристый кумыс.
Тут шутки, издевки и смех начались.
По чаше большой осушает любой...
Ну, хватит, друзья!.. За работу берись!

И осень видал я у нас в стороне.
Коль в дом не зайдешь — оскорбится джене.
Хозяин к себе зазывает гостей,
Поит их и кормит, счастливый вполне.

По сотне пудов получают за труд,
Да сорок еще самым лучшим дадут...
«В жаровне хлеба не пеки — пригорят!»
Хозяйки в тандырах лепешки пекут.

Я зиму здесь видел: она хороша!
На снег поглядишь — отдыхает душа!
В окошко любитесь мать белизной,
Но в комнате держит она малыша.

Окован снегами хребет голубой.
Доволен колхозник своею судьбой.
За озером девушки песни поют,
Далёко их слышно вечерней порой...

Нам дорог во все времена Иссык-Куль.
Над тихими водами — радости гул...
Но знай, что не мог описать всех красот
Пером своим слабым поэт Алыкул.

*3 ноября 1946
Чолпон-Ата*

113. ПОЭТ

Народ поэта истинного чтит.
Быть лжепоэтом — жесточайший стыд.
Четверостишие должно быть ново,
Свежо и прочно, словно жизнь сама,
Неоспоримо, как четыре слова:
 Весна и лето,
 Осень и зима.

3 ноября 1946
Чолпон-Ата

114. ЧТО ПЛОХО?

Плохо, если ветер ночью бушевал
И, бездельник, с яблонь все плоды сорвал...
Плох джигит, который, притворясь больным,
Не пахал, не сеял — дома отдыхал.

Плохо, если ливень лил в степи весь день,
Смыл в овраг посевы, поломал сирень...
Плох джигит, который за недельный срок
Заработал в поле только трудовень.

Плохо, если в мае завернет мороз,
Тут не оберешься причитаний, слез...
Плох джигит — и очень, я скажу вам, плох, —
Если отказался от него колхоз.

Но всего печальней, но всего страшней
Для садов родимых, для родных полей,
Если, труд народа на корню губя,
Тучи знойным летом не прольют дождей.

4 ноября 1946
Чолпон-Ата

115. ЧТО ЗНАЧИТ — ЗЕМЛЯ?

Что значит — земля?
Это глинистый грунт.
А землю тогда лишь землю зовут,
Когда колосятся на нивах хлеба
И нежные яблони в зорях цветут.

Но если цветенью на ней не бывать
И только лишь мертвых тела зарывать,
Ту горькую землю, в могильных холмах,
Скажите, как можно землю назвать?

4 ноября 1946
Чолпон-Ата

116. О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Перед любовью люди все равны.
Все смолоду бывали влюблены.
Подчас любовь и в старости приходит,
И в этом нет стыда и нет вины.

Любовь — источник радостей и слез.
Как быть в любви разумным — вот вопрос!
Две девушки мне нравились когда-то,
И я обоим нравился всерьез.

Чуть подойдут, нарядами шурша,—
В тревоге и смятении душа:
Смущаясь, та краснеет, та бледнеет,
Та хороша и эта хороша!

Что предпочесть, как выбрать? Вот беда!
И наудачу, помнится, тогда
Я выбрал ту, которая бледнела,—
И, может быть, ошибся навсегда...

4 ноября 1946
Чолпон-Ата

117. МОЙ УМНЫЙ КОНЬ НЕ СЛУШАЕТ МЕНЯ

Передо мной лежит под солнцем дня
Всей жизни глубь — как озеро, маня.
Гоню коня, хочу на дно спуститься —
Упрямый конь не слушает меня.

И снова, понукая и браня,
Волнам навстречу я гоню коня —
Без подготовки, безрассудно, с ходу...
Мой умный конь не слушает меня!

4 ноября 1946
Чолпон-Ата

Чище золота солома.
 Встали копны выше дома.
 Даже путник незнакомый
 Загляделся в стороне.

— Цоп-цоп, черный вол,
 Старый, непроворный вол!
 Нам, быть может, и солома
 Пригодится по весне.

Всю как есть солому надо
 Увезти до снегопада,—
 А не то одна досада,
 Как поднимется пурга.

— Цоп-цоп, черный вол,
 Старый, непроворный вол!
 В зиму долгую бывает
 И солома дорога.

Не хвались, гнедой, задорно,
 Что жуешь овес отборный.
 Едем не с травую сорной,—
 И в соломе сила есть.

— Цоп-цоп, черный вол!
 Старый, непроворный вол!
 Посрами весной гнедого,
 Поддержи воловью честь!

*4 ноября 1946
 Чолпон-Ата*

119. ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ БЫСТРОВКА—РЫБАЧЬЕ

Я кланяюсь тебе, ты без сомненья
 Достойна и хвалы и уваженья.
 Я был бы счастлив, если б смог создать
 Подобное тебе стихотворенье.

*5 ноября 1946
 Чолпон-Ата*

120. АТВАШИНСКАЯ ПТИЧКА

— Глянь-ка — птичка!
— Чик-чирик.

— Ай да птичка!
— Чик-чирик.

Чик-чирик! Чик-чирик,—
невеличка отвечает,
словно вправду понимает
человеческий язык.

— Ты откуда?
— Из долины.

— А теперь куда?
— В долину.

— А зачем?

— Вашей пищи я не ем.

Лучше горы я покину,
полечу в долину, вниз.
Ни пшеницы здесь, ни проса,
ни айвы, ни абрикоса —
только мясо да кумыс,
только мясо да кумыс...
Улечу-ка лучше вниз.

5 ноября 1946

Чолпон-Ата

121. БЕШБАРМАК

Нет лучше кушанья, чем бешбармак!
Прошли века, а в нем всё тот же смак.
Из лучших лучшим — есть у нас обычай! —
Готовят бешбармак — почтенья знак.

Да, бешбармак — отличная еда!
Он плод забот и славного труда.
Но если вы ему друзей дадите,
Еще вкуснее станет он тогда.

Чтоб в молодых сердцах кипел задор,
Чтоб мудрым был у старцев разговор,

Добавьте к мясу
Русскую картошку,
Капусту,
Красный сочный помидор!

5 ноября 1946
Чолпон-Ата

122. АТБАШИ

С хрусталем я сравнил бы реку Атбаши.
Эти горы и доли люблю от души.
Край подземных сокровищ, и пастбищ, и нив,
Благодатные земли твои хороши!

Поднимался я в горы, спускался я вниз,
Я купался в тебе, ароматный кумыс!
Лишь тенистого сада нигде не встречал,
Чтоб зеленым шатром над аилом навис.

Зелень есть, но ее маловато пока;
Мне об этом стихи сочинять — не рука!
Пусть во имя детей наш киргизский народ
Насаждает густые сады на века.

Я хочу, чтоб услышали все мой призыв
И сады полюбили, плоды их вкусив.
Край киргизский, ты песен и радости край,
И подземных сокровищ, и пастбищ, и нив!

5 ноября 1946
Чолпон-Ата

123. ОЗЕРО ВОЛНУЕТСЯ И УТИХАЕТ

Мама, не сердись, родная, не кори меня,
Верь, создам стихотворенье — белого коня!
Ты, я знаю, дорогая, озеру подобна,
А оно ведь утихает на исходе дня.

Милый мой отец, не надо, не ругай меня,
Верь, поймаю вдохновенье — всплеск того огня!
Озеру и ты подобен, я и это знаю,
Знаю, волны затихают на исходе дня.

6 ноября 1946
Чолпон-Ата

124. НЕ ОБИЖАЙСЯ, ДРУГ

Мой друг, не обижайся на меня,
Что писем я давненько не пишу.
Обидишься — и будешь ты неправ:
Я, милый, не себе принадлежу.

Подумай сам: как сяду за письмо,
Когда зовут меня черновики,
Когда законченных — ни одного
Стихотворения, одни куски!..

А время наше — время песен, верь!
И город — город песен, он звучит!
Народ наш — самый песенный народ,
И с песней нас ничто не разлучит.

6 ноября 1946
Чолпон-Ата

125. РОДНОМУ АИЛУ

Что-то нет писем давно из родного аила...
Живы ль друзья, иль кого-нибудь смертью скосило?
Пусть торжествуют здоровье и счастье в селенье,
Дни созидания — наша бессмертная сила.

Времени нет побывать мне в родимом аиле,
Вспомнить названия мест, где мы в детстве бродили,
Встретив ударника-друга, сказать: молодчина!
Лестно ему, чтоб его земляки похвалили.

Времени нет. Все собраться никак не могу я,
А хорошо бы почтить старину дорогую,
Низко склониться пред нашим родным землеробом,
Крепко пожать ему руку его трудовую.

Русла сухие, поля бы увидеть, закаты,
Тропки, где мать и отец проходили когда-то...
Ох, до чего же хочу я аил наш увидеть,
Осенью в дни урожая живущий богато!

6 ноября 1946
Чолпон-Ата

126. СЕКРЕТ РАХМАНА

Был дядя Рахман чабаном много лет.
И, видимо, был тут какой-то секрет:
Он посоха не доверял никому,
И беды не знали дороги к нему.

В отаре рождались и двойни порой.
Он так и записывал всех до одной,—
Ни разу не думал ягненокка скрыть
И лишний себе воротник подарить.

Настолько лукавству и хитростям чужд —
Он вовсе не знал, как для собственных нужд
Из трех — сделать два, или семь, или пять...
Как черненьких беленькими подменять.

Десятки и сотни росли не спеша.
И чистым был счет, и кристальной — душа.
Секретного, впрочем, тут нет ничего:
Учитесь, пожалуйста, все у него!

*6 ноября 1946
Чолпон-Ата*

127. ДОЙКА КОБЫЛИЦ

Тпру, кобылка, смирно стой,
Славный у тебя удой:
Насосется после дойки
Вдоволь жеребенок твой.

Тпру, каурая моя,
Не лягайся, знаю я,
Что поливщикам колхозным
Нет приятнее питья.

Звездолобая, сама
Знаешь, как нужны корма!
Косарям кумыс отправить
Приказал наш башкарма.

Голову мне не морочь,
Славы конской не порочь.
Пусть кумыс болезни гонит
От людей хороших прочь.

Дай лекарство всем больным,
Силу всем певцам родным.
Всем рабочим, между прочим
И колхозникам своим.

Тпру, кобылка, смирно стой,
Славный у тебя удой:
Насосется после дойки
Вдоволь жеребенок твой.

*7 ноября 1946
Чолпон-Ата*

128. КОМУЗ

Три колка, три струны — он несложен на вид,
Но в себе он волшебную силу таит.
Если струн тех коснуться искусной рукой,
То комуз, как весенний ручей, зазвучит.

Как мечтал он, как плакал о жизни о той,
Что сегодня как светлый, как праздничный той!
Сколько трудных дорог он с народом прошел,
С тем, который похож на него простотой.

*7 ноября 1946
Чолпон-Ата*

129. ГРОЗА

Раскатись, раздайся, вешний гром!
Пусть заблещет ливень серебром.
Пусть сольется ливня ликование
С первым громом в воздухе сыром.

Потрясая облачную высь,
По горам и долам раскатись,
Чтоб в одном стремительном порыве
Все стихии грозные слились.

Раскатись, раздайся, вешний гром,
Чтоб еще богаче стал добром
Наш колхоз, чтоб наливались травы,
Чтоб набухло вымя молоком.

7 ноября 1946
Чолпон-Ата

130. Я УЕХАЛ, КОГДА СОЗРЕВАЛА ЧЕРЕШНЯ

Я приехал с Иссык-Куля — цвел урюк.
Уезжал — когда черешня налилась.
И на ягоды бросал веселый юг
Прелесть нежную девичьих губ и глаз.

Я уехал. Задержаться я не мог.
Был охвачен поэтическим огнем.
А в природе бушевал весенний сок.
Город Фрунзе весь сверкал горячим днем!

На Тянь-Шань теперь поеду я, в Нарын.
Уж и там сейчас всю кипит весна.
Так же — в Киеве, в Москве... Моя страна!
О, как счастлив, как влюблен в тебя твой сын!

8 ноября 1946
Чолпон-Ата

131

Больших вершин искал — и малых не достиг...
Где сизый голубь мой — летящий к людям стих?
Перо мое, мой друг с далеких детских весен,
Как слабосильно ты — сегодня я постиг!

Придет пора — уйду, «прощайте навсегда»,
Но пусть живут плоды и моего труда,
И пусть земля цветет для новых поколений
И будет, как всегда, щедра и молода.

8 ноября 1946
Чолпон-Ата

Мой беркут гордый и меткий,
 Учил я тебя дерзать,
 Когда ты был однолеткой,—
 Когтями луну терзать.
 А ныне ты стал двухлеткой,
 Расправь крыла на лету,
 Кийту!
 Кийту!

Кормлю тебя волчьим жиром
 И кровью барса пою.
 Ты станешь, беркут, батыром,
 Недаром тебе пою:
 Взлети, мой беркут, над миром,
 Узнай его красоту!
 Кийту!
 Кийту!

Мой беркут гордый и меткий,
 Учил я тебя летать,
 Когда ты был однолеткой,—
 Когтями землю хватать.
 А ныне ты стал двухлеткой,
 Твой клюв обрел остроту.
 Кийту!
 Кийту!

Прекрасна земля родная!
 Всепобеждающим будь,
 От недруга очищая
 Народу широкий путь.
 В тебе я светлого края
 Защитника обрету.
 Кийту!
 Кийту!

А если ты струсишь, беркут,
 То будет моя вина,—
 Вонзись в мое сердце, беркут,
 И выпей всю кровь до дна.

Пусть очи мои померкнут,—
Позору смерть предпочту.
Кийту!
Кийту!

8 ноября 1946
Чолпон-Ата

133. РУССКОЙ ДЕВУШКЕ

Ты собой хороша, ты стройна и мила,
И душой ты открыта, и в споре смела —
Есть чему поучиться подругам-киргизкам
У тебя, россиянки, чья кожа бела!

9 ноября 1946
Чолпон-Ата

134

Ни лютый тигр меня не испугает,
Ни зверь другой, что в чашах обитает.
Но вот скажи — робею, как дитя,
Когда порой красавицу встречаю.

Известно ли самой девчонке милой,
Что так грозна она своею силой?

9 ноября 1946
Чолпон-Ата

135

От молодости отказаться смогу,
Но песню не троньте, ее сберегу.
И если солгу перед богом стократно,
То песне моей никогда не солгу.

9 ноября 1946
Чолпон-Ата

136. ОВЦА

Овца — таково мое званье,
Овца — такова моя суть.
Мне нравится это прозвание,
И есть у меня чем блеснуть.

Из шерсти моей несравненной —
Лишь выдры сравнится с ней мех —
Свалить можно войлок отменный,
От снега укроет он всех.

Весной половину селенья
Своим молоком напою.
Недужному для исцеленья
Я вкусное масло даю.

Пьянит мой айран знаменитый,
Дарует он сон-забытье,
И любят и славят джигиты
Медовое мясо мое.

Зимою вам топлива надо?
Навоз превратите в кизяк!
Какая вам будет отрада,
Когда разгорится очаг!

Горжусь я дарами своими,
Я радую ваши сердца.
Овца — таково мое имя,
И вся моя сущность — овца.

*9 ноября 1946
Чолпон-Ата*

137. КИРГИЗСКИЕ ГОРЫ

Гора с горой сошлись, гора с горой срослись,
Гора из-за горы уходит вдаль и ввысь.
Ни дать ни взять — бредет верблюдов караван.
Неровной чередой хребты их поднялись.

Косые гребни скал безмерно высоки,
Вершины их точь-в-точь алмазные клинки.
Сгрудились в тесноте обломки пирамид.
Оскалившись, торчат гигантские клыки.

Не сходят никогда с крутых вершин снега.
На солнце ледники блестят, как жемчуга,
Вдоль каменной гряды орел не пролетит,
Осилить этот путь способна лишь пурга.

Здесь, наверху, зима свой первый ткет ковер.
Здесь, наверху, весны рождается задор.
Еще погружены долины в темноту,
А серебро луны скользит по гребням гор.

Понятно, что и ночь здесь раньше настает.
Когда в долине мрак, в горах уже восход.
В часы, когда еще не пробудился мир,
Уже на гребнях гор от солнца рдеет лед.

10 ноября 1946
Чолпон-Ата

138. ЧТО ТАКОЕ ВОРОВСТВО

Колхозное добро — священное добро.
Но вор лисицей крадется хитро,
Меняя честь и совесть человека
На краткого похмелья серебро.

Когда овцу он украдет у чабана,
На пользу не пойдет ему она:
Он ест не мясо — черное проклятье,
Он пьет не жир, но яд он пьет до дна.

И жеребенка он украл из табуна,
И бочка маслом у него полна.
Он ест не масло — черное проклятье,
Не чай он пьет, а яд он пьет до дна.

Колхозное добро — священным будь навек!
Вор — это ворон, а не человек.
Тот пропадет, кто даст дорогу вору.
Не жить вора в правдивый, честный век!

10 ноября 1946
Чолпон-Ата

139. ЛОГОВО БАРСА

Где кряжей каменный оскал,
Где обрываются сугробы,—
Там логово угрюмой злобы:
Таится барс в теснине скал.

Отселе прочь бегут маралы,
Косуль пугливые стада,
И не взберется конь сюда,
Почуяв ужас небывалый.

Я спал, когда в ночном снегу
Возник внезапно рев зловещий,
То барс ревел,— всё резче, резче
Мне слышалось: Ба-у! Ба-у!

Стал пастухам привычен ярый
И раздраженный рык зверей,
И, с виду хищников грозней,
Джигиты стерегут отары.

Иль вздумал юный барс рычать
Затем, что мало жил он в мире?
Усов щетину растопыря,
Меж тем добычу ищет мать.

Пусть барс рычит протяжно, люто,—
Пастух внушает зверю страх.
Но долго рев стоит в ушах
И сердце ноет почему-то...

*10 ноября 1946
Чолпон-Ата*

140. МАТЕРИНСКАЯ СИЛА

Мать говорит: «Нет вестей... Ветер ненастья крут...
Четыре года прошли — письма всё не идут.
Не зная, где мой сынок, где жеребенок мой,
Как-то летом я сидела, сушила курут.
Выгнулась вдруг земля, тронулась гор круговерть,
И покачнула двор, дрогнув, земная твердь.
Что же это кругом? Что предвещает гром?»

Вижу: идет мой сын — сын, одолевший смерть...
Это ведь сила его горы согнула в дугу,
Плачу от радости я, слез я унять не могу...»
— «Нет, это сила твоя! Мама, сила твоя
Землю встряхнула, хребет переломила врагу!»

10 ноября 1946
Чолпон-Ата

141

Сверкая, лежит Иссык-Куль родной,
Синевой ослепляя нас.
И кажется, отдал ребенок ему
Синеву смеющихся глаз.

Заснул Иссык-Куль, не дрогнет камыш,
Не рябит зеркальная гладь.
И кажется, это ребенок спит,—
Убаюкала сына мать.

10 ноября 1946
Чолпон-Ата

142. ЖЕНА БАШКАРМЫ

В красном платье, стройна,—
Чья любимая она?
Председателя колхоза
Досточтимая жена.

Собирает в поле мак —
Не угонишься никак.
Сено косит, копны носит —
У кого быстрее шаг?

А пшеницу станет жать —
Всем придется поднажать.
В молотье не сыщешь равных,—
Зависти не удержать!

На все руки молодец.
Кто ровней стрижет овец?
А коровница какая!
Утешение сердец.

В десять комнат белый дом
Ей в колхозе отведем,
И в Москву на самолете
Деток в школы отошлем.

10 ноября 1946
Чолпон-Ата

143. ШКОЛА В ГОРАХ

Если ехать до Алая
На подводе иль верхом,
Впереди — гора крутая,
А за нею — школьный дом.

Если ехать до Нарына
На машине легковой,
Между гор, с оградой длинной,
Школьный дом дымит трубой.

Если кто на самолете
В Атбаши сейчас летит,
Между гор, на повороте,
Видит, школьный дом стоит.

Где он только не белеет!
И не знаешь, отчего
У тебя душа теплеет,
Если глянешь на него.

11 ноября 1946
Чолпон-Ата

144. БЕЛЫЙ КРЕЧЕТ КРАСАВИЦЫ АЙЧУРЕК

В тишине, где простерлась Арпа,
Белый сказочный кречет живет.
Мог ли думать я, что тропа
Вдруг однажды к нему приведет?

Он когда-то служил Семетею,
Изловила его Айчурек.
Говорят, сокол, пойманный ею,
Стал бессмертен, как времени бег.

Верю я в то, что молвит народ...
Стал сегодняшний век белокрыл.
Белокрылый летит самолет —
Белый сокол, что сказочным был.

Кто им правит?.. Сыны Айчурек!
С высоты смотрят весело вниз.
Мчится птица, несущая век,
Век свободы — социализм.

12 ноября 1946
Чолпон-Ата

145. ДНИ

Проходят дни — как журавли, летят они,
И каждый день земли моей неповторим.
Подобны солнечным узорам наши дни.
— Друзья, прощайте, в добрый путь! — мы говорим.

Дни мчатся, мчатся, остановки нет для них,
Как скакуны, один другому вслед летят.
Проходят дни — как журавли, летят они,
Над нами дни крылами беркутов шумят.

Несутся дни — не удержать их бег вперед,
Не осадить, как под уздцы схватив коня.
О время наше! Твой стремителен полет:
Вот новый день сменил закат бывшего дня.

Дни улетают, дни бегут за часом час,
Дни — улетающие птицы — в добрый путь!
Мы силу солнца взяли светлую у вас,
А после вас еще светлее дни придут.

13 ноября 1946
Чолпон-Ата

146. МОЙ ЗЯТЬ

Плеск и лепет в тишине,
Шум дождя, приятный мне.
Слышу, как звенит уздечка,—
Едет зять мой на коне.

В тучах спряталась луна,
Дождь идет, и ночь длинна.
Едет зять. Во мраке блещут,
Словно искры, стремена.

Слез с коня усталый зять,
К нам заходит ночевать.
Чай ему мы наливаем,
Просим новость рассказать.

— Что же, новость скрыть нельзя:
Премирован нынче я,
Званье гордое «ударник»
Мне присвоено, друзья.

Богатеет край родной.
Я от счастья — как хмельной,
Даже конь плясал буланный
Всю дорогу подо мной.

13 ноября 1946
Чолпон-Ата

147. МАТЬ-ГЕРОИНЯ

Не было б солнца — земля б не цвела,
Горы навечно укутала мгла.
В доме висит колыбель из урюка —
Ясную звездочку мать родила.

Не было б влаги — засохли б сады,
Травы пожухли б в лугах без воды.
Мать-героиня похожа на землю,
Щедро дарящую людям плоды.

Духом сильна и любовью нежна,
Десять батыров взрастила она.
Крепкие крылья дала им для взлета —
Ей благодарна за это страна.

В дружной семье, работающей, большой,
Я, как и все сыновья, — не чужой.
Дай поцелую в висок тебя, мама,
Радуюсь славе твоей всей душой.

13 ноября 1946
Чолпон-Ата

148. НАРЫН

Рождаясь из вечных снегов и льдов,
Как зверь разъяренный, мчалась река,
Гнала стада тяжелых валов,
И сумрачно шли над землей века.

Как силе твоей сегодня я рад,
Нарын мой,— родные мои края!
Огни электричества здесь горят,
И в них — тигриная сила твоя.

*14 ноября 1946
Чолпон-Ата*

149. ДЖАМИЛЯ

Хорош урожай у тебя, Джамиля,
О славе твоей зашумела земля.
И, радуясь славе, я сам не свой:
Я видеть тебя ежедневно хочу,—
В аиле твоём позабыл я камчу,
Верни мне камчу, я поеду домой...
Ай, Джамиля,
Светлая Джамиля,
Джамиля!

Сбор в тысячу центнеров льна-волокна,—
О славе твоей говорит вся страна.
Люблю я тебя,— что стало со мной!
И видеть тебя ежедневно я рад,—
В аиле твоём я оставил халат,
Верни мне халат, я поеду домой...
Ай, Джамиля,
Светлая Джамиля,
Джамиля!

Красивая девушка — солнечный плод.
Поет о труде твоём песни народ.
Я видеть тебя днем и ночью хочу,

Камчу и халат я не зря забывал,
В аиле твоём я и сам запропал...
Ты спрячь от меня и халат, и камчу.
Ай, Джамиля,
Светлая Джамиля,
Джамиля!

14 ноября 1946
Чолпон-Ата

150. СЛОВО МОЕЙ ТЕТУШКИ

Весною пойдут проливные дожди,
Озноб до костей проберет,— а не буду
Отлынивать я от работы! Не жди,
Что поле покину, сошлюсь на простуду.

Пусть летом испарина льет в три ручья,
Пускай вся одежда на теле промокла,—
На зной не подумаю сетовать я,
Покамест в уходе нуждается свекла.

Пусть ветры осенние дуют сильней.
Ни холод меня не страшит, ни усталость.
Согнувшись, пройду по стерне, чтоб на ней
Забытых колосьев, сынок, не осталось.

И трудные нам выпадали года,
Но дружно брались мы за общее дело.
Зато от колхозных работ никогда,
Признаться по совести, я не болела.

Меня не пугают ни зной, ни мороз,
Рукою надежного, верного друга
К добру нас приводит родимый колхоз,
Храня от беды, от нужды, от недуга.

14 ноября 1946
Чолпон-Ата

151. МАРИЯ

Вода прозрачна в роднике,
Но ходит по воду к реке
Мария,— кто ее жених?
Быть может, лебедь в тростнике?

В колодце чистая вода,
А воду носит, носит из пруда
Мария,— кто ее жених?
Быть может, тополь у пруда?

Есть у нее и дом и сад.
Пять окон в доме, пять подряд.
Комбайнер у нее жених,
Его трудом колхоз богат.

Фруктовый у Марии сад.
Как бусы, яблоки висят.
Комбайнер у нее жених,—
И скоро свадьба, говорят.

15 ноября 1946
Чолпон-Ата

152. СКИРДОВАНИЕ

Когда мы с джайлоо спустились сюда,
Предгорье зеленое в круг собралось.
И сено стоит — за скирдою скирда,
И сделан огромный, как горы, прокос.

— Мне голод не страшен, в запасе — копна! —
Сказал мой гнедой, он доволен и сыт.
— Зима красноглазая мне не страшна! —
На сено взглянув, серый бык говорит.

— Колхоз мой запаслив, он жизнь мою спас! —
Козленок с отметиной белой размяк.
— Великий мудрец — председатель у нас! —
Воскликнул и вытянул шею вожак.

— Чтоб скот заморозить, не хватит мне сил! —
Свирепый мороз, огрызнувшись, всхрапнул.
— Нет сил, чтоб людей наказать! — возопил
Джут лютый и губы, сердясь, облизнул.

15 ноября 1946
Чалпон-Ата

153. СБОР ЯБЛОК

Не евший их — проглотит много слез,
Отведавший — юн до седых волос.
Непроходимы яблонные чащи.
«Алмалуу» — зовется наш колхоз.

Ленивцев — яблок мы лишим, друзья.
За яблоками поспешим, друзья.
В того, кто наши яблоки ворует,
Запустим яблоком большим, друзья.

За яблоней уход — прямая честь.
Идем за яблоками — все как есть.
Колхозы, не имеющие яблок,
Заставим вкусных яблочков поесть.

Мы с песнями по всем садам пройдем,
В корзинах место всем плодам найдем.
Отправим их в любимую столицу, —
Москву затопим яблочным дождем.

17 ноября 1946
Чолпон-Ата

154. РАСПЛОД ОВЕЦ

Серая коза не подвела,
Четырех козлят нам принесла.
Начался расплод — и словно входит
Счастье в дом, такие вот дела.

Был расплод удачным до конца,
Молодцом — и серая овца,
И она мне принесла удачу —
Скачут два чернявых близнеца.

— Милые, вы мне достались вдруг!
Шерсти бархат мягок и упруг.
Нежен голосок... Вы неуклюже
Прыгаете, оживляя луг.

Пусть отара в беге дней растет,
Пусть богатым будет в ней расплод,
Чтобы горделиво мы смотрели —
Пусть румянец на щеках цветет.

Пусть болезнь помилует стада,
Пусть подальше отойдет беда,
Пусть расплод всегда богатым будет,
Пусть с добром приходит он всегда!

17 ноября 1946
Чолпон-Ата

155. ВИНОГРАД

Лучше девушки ты порой
Исцеляешь нас от печали.
Знать, из белой реки водой
Соловьи тебя поливали.

Меж кудрявых лоз — виноград,
Наливался, рос виноград.
Розовее роз виноград.
Веселишь колхоз, виноград!

Отстраняешь от злой беды —
Молодой, как моя подружка.
Зачерпнув голубой воды,
Поливала тебя кукушка.

Ты горишь струей золотой,
Чтобы люди не горевали.
Из прозрачной реки водой
Журавли тебя поливали.

Меж кудрявых лоз — виноград,
Наливался, рос виноград.
Розовее роз виноград.
Веселишь колхоз, виноград!

17 ноября 1946
Чолпон-Ата

156. СБОР ДЫНЬ

Ну что за осень, ты скажи на милость! —
Арбузов полосатые рубашки
И дыни в ряд — пригрелись как барашки,—
На этот раз природа не скупилась.

Подумать только — экое богатство.
Вот кабы мог из Беловодска дядя
Приехать к нам сюда, хотя бы на день,
На эти чудеса полюбоваться.

Неподалеку в Каинды сестрица,—
Ну что бы ей приехать к нам оттуда,
Хотя б разок взглянуть на это чудо,
На достижения наши подивиться...

Нет, не приедут. Дорог каждый час,
Там урожай богаче, чем у нас.

17 ноября 1946
Чолпон-Ата

157. ПРОВОДЫ

Будь здоров, Дженишбай! Нет завидней судьбы:
Ты увидишь иные моря и сады.
Ты счастливый джигит — едешь биться за мир,
Чтобы буря в лесах не ломала дубы.

Будь же смел, Дженишбай, пораженья не знай.
Надвигаются тучи на солнечный край,
Но среди туч грозových слышен беркута зов.
Будь же беркутом ты, удалой Дженишбай!

Будь здоров, Дженишбай! Дай же руку твою.
Эти руки не дрогнут в труде и в бою.
Передай же, мой друг, бесноватым дельцам,
Чтоб не очень шумели в заморском краю!

19 ноября 1946
Чолпон-Ата

158. ВЕРБЛЮЖОНОК

Его глаза горят двумя огнями,
Малютка-плакса, милый верблюжонок,
С двумя горбами, с длинными ногами,
Вынослив, славен силой верблюжонок.

Напившись вдоволь молока, резвится
Шалун-детеныш, славный верблюжонок.
— Ложись! — я говорю. Он — бух, ложится,
Послушный, добронравный верблюжонок.

Он стал таким верзилой с малолетства, —
Отца перерастает верблюжонок.
Он не заметит, как умчится детство...
Где мысль твоя витает, верблюжонок?

Бесхитростный, беззлобный, безобидный,
Он рад всему на свете — верблюжонок.
Поклажу носит с легкостью завидной
Доверчивый, как дети, верблюжонок.

Смешной, застыл он в горделивой позе;
Детишек малых дразнит верблюжонок...
Он пригодится нам в родном колхозе —
Веселый наш проказник верблюжонок!

19 ноября 1946

Чолпон-Ата

159. К МОЕЙ ЖИЗНИ

Ветер. На озере — мутная пена.
Я постою, пригляжусь постепенно —
Чистая влага в разрыве сверкнет...
Жизнь, ты с годами вдвойне драгоценна!

Я возвращаюсь к давнишним картинам:
Рос я доверчивым, чистым, невинным.
Было ты яблонькой, детство мое,
Было ты схоже с крылом лебединым.

Не очерствел я в дороге далекой,
Не осквернился ни чванством, ни склокой —
Детство всегда оведало мой лоб
Ветром от крылышек ласточки легкой.

Миру вверялся я без опасений,
Совість берег среди всех потрясений.
Жизнь для меня и сегодня свежа,
Словно сверкающий дождик весенний.

Для современников и современниц
Я — их доверенный, их порученец,
Жизнь для меня и сейчас молода,
Как новорожденный чистый младенец.

Свежесть, которая детством дается,
Пусть в поколениях передается,
Пусть после нас на бессмертной земле
Свежий, бессмертный народ остается!

20 ноября 1946
Чолпон-Ата

160. МОЯ ОТЧИЗНА

Моя отчизна, горы и озера,
Родной народ, души моей опора,
Трава и камень, глина и вода —
Всё нужно тут, всё радостно для взора!

Отчизна, милый край, тут всё родное,
Рожден я в цветнике твоём. Со мною
Достаток твой, сады и города,
С тобой судьбой мы спаяны одною.

Люблю тебя любовью самой чистой,
Удел свой славлю, хлеб твой колосистый.
О, как бы я хотел, когда умру,
Лежать и помнить образ твой лучистый!

Я славил, отчий край, твою свободу,
Пусть песня понесется к небосводу,
Мой каждый вздох и сердца каждый стук —
Они твои, жизнь отдал я народу.

21 ноября 1946
Чолпон-Ата

161. ОЗЕРО ВЕЧЕРОМ

Озеро и увлекало, и мысли мои занимало,
Сколько бы здесь ни бывал —

мне всегда было мало.

Помню, оно, щеголяя одеждой пурпурною,
Солнце закатное в лоно свое принимало.

Озеро — лепет волны и пучина морская,
Озеро — сила моя и любовь и моя мастерская.
Помню, смущалось оно, словно нежная девушка,
В краски закатного солнца себя облекая.

Я бы смотрел и смотрел на него неустанно,
Я бы рассказывал вам, как оно мне желанно...
Если бы не было бурного, тихого озера,
Были б, наверное, строки мои бесталанны.

28 ноября 1946

Чолпон-Ата

162. БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Ты прекрасна юностью и силой,
Хорошеешь с каждою весною.
Ты, береза, век была мне милой —
Ты, береза, выросла со мною.

Каждую весну ты вся в кудряшках,
Вьется в ветках небо голубое.
Мы с тобою с детства как двойняшки.
Мы, береза, выросли с тобою!

Посмотри, как друг твой стал серьезен,
Только ты переросла ограду...
Возврати мне молодость, береза!
Мне другого ничего не надо!

Ты займи мне свежести у веток!
Ты ж еще осталась молодою!
Не остался б дар твой без ответа:
Стал бы я твоей живой водою!

28 ноября 1946

Чолпон-Ата

163. Я ПОТЕРЯЛ ГОРЫ

Дорогой из Фрунзе в Рыбачье
Я был не шутя озадачен.
Смотрю: нет пятнадцати гор.

Из Фрунзе к Тянь-Шаню я еду,
Глаза проглядел — нет и следу,
Не видно знакомых мне гор!

Неужто, подумал в тревоге,
Я их потерял по дороге?
Нет гор, вот и весь разговор.

Хоть ехал достаточно скоро,
Едва ли я выронил горы,
Котомку не трогал никто,—
В пути не встречались мне вору.

Смотрю: вместо гор на просторе
Синь Орто-Токойского моря.
И ровною стрункой шоссе
Идет сквозь ущелье на взгорье.

28 ноября 1946
Чолпон-Ата

164. ВЕДРО ВОДЫ

Вода в ведре прозрачнее стекла,
Не из колодца, нет, из родника.
Качается, словно крыло, рука,
И девушка, словно вода, светла.

Вода в ведре, прозрачная вода,
Но не знавал хмельнее я питья.
Хмельна, как наши дни. Качаюсь я,
Как на волнах качаются суда.

28 ноября 1946
Чолпон-Ата

165. ПЕСНЯ ЛЕТЧИКОВ

Пускай чернеют ночи без луны,
Пускай метели зимние страшны,—
Мы на земле привыкли улыбаться,
И в небе улыбаться мы должны.
Серебряные крылья — наша сила,
Нам по плечу любая даль и ширь.
Дорога далека,
Лети за облака,
Крылатый воин, красный богатырь!

Нас манят звезды ясные вдали,
Недалеко до солнца от земли.
Тащи вперед нас, яростный пропеллер,
Держите курс, послушные рули!

Пусть не стареют крылья никогда!
Мы защитим родные города,
И каждый дом, и каждую улыбку,
И каждый час свободного труда.
Серебряные крылья — наша сила,
Нам по плечу любая даль и ширь.
Дорога далека,
Лети за облака,
Крылатый воин, красный командир!

29 ноября 1946
Чолпон-Ата

166. ПРОВОДЫ

Куда собрался молодой джигит?
Москва далекая — такой магнит!
Слезой разлуки след подков железных
его любимая посеребрит.

Слезой той да будет он храним,
великой бурей — юностью гоним.
Как озеро без волн, его подруга
стоит — не шелохнется перед ним.

Но что сейчас удержит храбреца?
И он не видит милого лица,
не знает он: дорога — как подкова,
так близко от начала до конца.

Года сведут начало и конец.
И плачет мать, и хмурится отец...
А сын найдет всё то, что покидает.
Он слеп и счастлив — он сейчас мудрец!

29 ноября 1946
Чолпон-Ата

167. ДОМИК НА ПРИГОРКЕ

Я знаю, что птицы к весне
вернутся и гнезда совьют,—
а мне и не снился уют,
я счастья не видел во сне.

И счастья не разделю
с тобою, увы, никогда:
ты вновь холодна и горда —
зачем же тебя я люблю?

Порою сочувствия свет
на дивном лице промелькнет —
вот так озаряется лед
в горах, где спасения нет.

Твой домик — дворец изо льда,
когда я стою перед ним.
Какие ветра, холода,
как страшно, когда нелюбим!

29 ноября 1946
Чолпон-Ата

168. МОИМ ЧАСАМ

«Тик-так, тик-так» — стучат часы.
Куда вы мчитесь столько лет?
Вы быстролетней вешних птиц,
Хотя у вас и крыльев нет.

«Тик-так, тик-так» — стучат часы.
Куда ж вы днем и в час ночной
Несетесь, словно конь тулпар,
Вперед, меж солнцем и луной?

«Тик-так, тик-так» — стучат часы.
У стрелок я узнать хочу:
Зачем они проходят круг,
Пока сигарку я кручу?

«Тик-так, тик-так» — стучат часы.
Всю жизнь свою они в пути,
Спешат, чтоб всем в моей стране
Большое счастье принести!

29 ноября 1946
Чолпон-Ата

169. ПЕСНЯ ДЖЕНЕ

Аил родимый свой
Нигде не забывай.
Сынов его нигде
В обиду не давай.

Колхоз богатый свой
Нигде не забывай.
Сынов его нигде
В обиду не давай.

Аил наш — Сары-ой,
В нем жизнь течет, звеня,
Полна, как лунный круг
Пятнадцатого дня!

29 ноября 1946
Чолпон-Ата

170. Я ПРИШЕЛ К ОЗЕРУ

Посмотрел я на озеро: словно дитя
Расшалилось оно, но совсем не шутя...
Вот бурлит Иссык-Куль, и шумит, и клокочет,
Беспокойные волны взлетают, блестя.

И гремит Иссык-Куль, точно пылкий поэт,
Но поэтом себя он не чувствует, нет,
Только полнится он, только плещет о берег,
Да приходит волна за волною вослед...

Но затихли волнение и ветра полет,
Не подул и Санташ, тот, что вихри несет,
Иссык-Куль в эту пору лежит безмятежно,
Так могуч и красив, как киргизский народ.

1946

Чолпон-Ата

171. БЕДНЫЙ ЯГНЕНОК

— Бедный ягненок, стой, не спеши,
Куда так торопишься, милый, скажи!

— Некогда с вами,—
Спешу за дровами.

— Зачем же дрова-то тебе, чудаку?

— Тесто поставлю и хлеб испеку.

— Зачем тебе хлеб, иль травы уже нет?

— Судью приглашаю к себе на обед.

— Зачем же судье твоя скромная еда?

— Хочу я заставить его покраснеть,

За то что помиловал

Серых волков,

Сожравших с костями

Моих стариков.

1946

172. ЗИМНИЙ БУРАН

Бурана снеговой круговорот...

Не о моей ли жизни он поет?

Из дома, где огонь и плач ребенка,

Прочь рвется беркут с клетотом в полет.

Бурана рев и беркута порыв...
Из них весна, как детский сон, родится,
И жизнь, как сила яровой пшеницы,
Вернется, землю щедро одарив.

3 января 1947

Чолпон-Ата

173. ВЕСЕННЯЯ ПАХОТА

Едва ударит первый гром и молния блеснет,
Как будто свежее волной на сердце оплеснет.
Как будто свежее волной нам сердце оплеснет.
И улыбается весне новорожденный мир.
Земля людей к труду зовет, растаял всюду лед.

В зеленый цвет весной луга одеты искони.
Дорогу пахоте, друзья,— паши и борони!
Пусть мирно спит, кто жил весной сто лет тому назад,
А мы живем, как песнь поем, в большие эти дни.

3 января 1947

Чолпон-Ата

174. ЧОЛПОН-АТА

У озера стоит
Чолпон-Ата
От яблонь тень,
и улица чиста.
Прекрасных мест
я видел в жизни много,
Но это, право,
лучшие места...

Я молод стал
за лето за одно,
И снова сердце
силою полно.
Чего еще я у судьбы
просил бы?
Я здесь —
мне счастье высшее дано!

9 января 1947

Чолпон-Ата

175. КОГДА Я УВИДЕЛ МОСКВУ

Пятнадцать лет тому назад Москву
Впервые я увидел наяву.
С тех пор ее я в памяти лелею
И мать родимую зову.

Прошли года. Москва, я вновь с тобой.
Вдыхаю я твой воздух голубой.
Еще красивей сделалась столица —
Так я скажу, и подтвердит любой.

Счастливый, прохожу я по Москве.
— Привет, мой сын! — шумит в ее листве.
Столица гостя чаем напоила
И гладит ветерком по голове.

Я на Москву задумчиво гляжу,
Ее большой любовью дорожу.
Хотя прошло пятнадцать лет, столицу
Сегодня я моложе нахожу.

Ей много лет — она юней меня,
Красавица, светлей день ото дня.
Москва! Она похожа на героя,
Исполненного чистого огня!

1947

176. ЯЗЫК КОРОВЫ

Пред тем как пить коровье молоко,
Нам стать мягкосердечными легко.
— Оу, хоу, хоу,— мы зовем корову,—
Оу, хоу, хоу,— шепчем на ушко.
Корове речь подобная ясна,
Она уже к доеню склонена,
Ведь «му...» да «му...» —
И весь язык коровий,—
Вот всё,
Что может вымолвить она.

Когда же подойдет убога час —
Тут совесть появляется у нас:
— Ведь мясо же от этой полосатой! —
Похоже, слезы катятся из глаз...
— А мать ее со звездочкой была,
Не рыжая ль ее и родила?
А рыжую за тысячу купили...—
Всех предков вспоминаем — вот дела!
Корова же спокойна и смирна,
Она стоит, на смерть обречена,
Ведь «му...» да «му...» —
И весь язык коровий,—
Вот всё,
Что может вымолвить она.

Когда ее кормить приходит срок,
Протягиваем мы ей сена клоч,
Притом еще ругаем беспощадно,—
Что может нам сказать она в упрек?
Корова, хоть обиду полна,
Стоит, молчит,— а в чем ее вина?
Ведь «му...» да «му...» —
И весь язык коровий,—
Вот всё,
Что может вымолвить она.

Ведем на выпас мы ее чуть свет —
Земля гола, и ни травинки нет...
Корова, луговой увидев мятлик,
К нему бежит — ей снова ругань вслед:
— Подохни, для чего ты нам нужна! —
Корова замирает, голодна,—
Ведь «му...» да «му...» —
И весь язык коровий,—
Вот всё,
Что может вымолвить она.

Как щедр киргиз — мы знаем не со слов...
Дашь чай ему — он масло дать готов,
Барана дашь — а он конем отплатит,—
Вот только не жалеет он коров!

Киргизы рады гостю. В добрый час...
Зайди, товарищ!

Гостем будь у нас!

Нет гостя — грустно на сердце моем,
И хмурится мой у дороги дом.
Прохожий! Дам коня, зерна в запас,
Но погости за праздничным столом.
Мы рады путнику. И в ранний час
Зайди, товарищ!

Гостем будь у нас!

Обычай предков свято мы храним:
Мы гостя лучшей пищей угостим.
С усталости ль не отдохнуть у нас?
Сердца раскрыты наши перед ним.
Раскрыта настезь дверь. И в поздний час
Зайди, товарищ!

Гостем будь у нас!

13 октября 1948
Чолпон-Ата

179. ОСТОРОЖНЕЙ, ДЖИГИТЫ!

Он на собственность народа, словно волк, готов напасть,
В темноте его дорога, он бежит, оскалив пасть,
Злобно акты и печати по карманам рассовал —
Лишь одною ложью может он натешить душу всласть.

Этот хитрый
Знайте взгляд,
Подлый и ничтожный,—
Коль прискачет к вам Шермат —
Будьте осторожны!

Как барсук, раздул он глотку, жирный выпятил живот,
По лицу его ни разу не стекал рабочий пот.
Вот когда увидит водку — столько счастья на лице,
Сторублевую бумажку из кармана достает...

Этот хитрый
Знайте взгляд,
Подлый и ничтожный,—
Коль прискачет к вам Шермат —
Будьте осторожны!

Опьянен своею ложью, и коварен, и жесток,
На меня он смотрит дико: «Погоди, настанет срок!
Ты раскрыл меня, писака, ты нарушил мой покой...»
Вот сейчас полезет в драку — так и стукнул бы разок!

Этот хитрый
Знайте взгляд,
Подлый и ничтожный,—
Коль прискачет к вам Шермат —
Будьте осторожны!

14 октября 1948
Чолпон-Ата

180. А ЧТО, ЕСЛИ...

Всё гибнет, меняется всё, говорят.
А что, если я, не меняясь, заранее
Возьму и отправлюсь отсюда в Ак-Суу,
Как только настанет пора угасанья.

Возьму и отправлюсь отсюда в Ак-Суу,
И тысячу лет не приеду ни разу,
И стану есть желтые дыни, как мед,
Скажите на милость, кому я обязан?

Всё бренно, всё временно, мне говорят.
А что, если стать, как народ мой,— бессмертным,
А что, если смерть я свою обману,
Возьму и отправлюсь в Токмак незаметно.

Возьму и отправлюсь отсюда в Токмак,
И тысячу лет не приеду ни разу,
Отправлюсь и буду там есть виноград.
Скажите на милость, кому я обязан?

Всё гибнет, всё старится, мне говорят.
А что, если грозной рукой исполина
Возьму и ударю по черепу смерть,
А сам убегу в направленье Нарына.

Возьму и отправлюсь отсюда в Нарын,
И тысячу лет не приеду ни разу,
И буду там пить молоко и айран.
Скажите на милость, кому я обязан?

15 октября 1948
Чолпон-Ата

181. Я КИРГИЗСКИЙ ПОЭТ

Не знаю, кто мне счастье дал, но счастлив я вполне.
Не знаю, кто мне имя дал, но с ним забота мне.
— Как быть? — вопрос клеветнику я задаю по праву.
— За пять копеек, — говорит, — свою продай мне
славу.—

Продам!..

Но разве он поймет, какая мне цена?
Киргизский я поэт, и мне такая мощь дана,
Что я сожгу его язык, и лживый и лукавый,
Когда начнет он чай глотать с моей — вприкуску —
славой.

Мне счастье, видимо, дано в годину сильных гроз.
Мне имя, видимо, дано, когда крепчал мороз,
— Как быть? — спросил я подлеца. — Мне зависть
не по нраву!
— Ты за копейку, — он сказал, — свою продай мне
славу.—

Продам!..

Но разве знает он, какая мне цена?
Киргизский я поэт, и мне такая мощь дана,
Что душу я его спалю и лжи его отраву,
Когда, как сахар сладкий, съесть мою захочет славу.
Но счастье налито мое в мой каменный сосуд,
А имя, понял я, мое в кувшине берегут.
— Как быть? — я сторожа спросил, и он ответил
с жаром:
— Ты не скупись: пускай берут! Отдай им славу
даром! —

Отдам: берите!..

Но своим я присягнул трудам,—
Я имя не продам свое, и честь я не продам!
Я наших пахарей поэт и горцев-пастухов.
И тот им дорог, кто для них зажег огонь стихов.

15 октября 1948

Чолпон-Ата

182. МОИ ГЛАЗА ОСТРЫ

Глаза остры — сердца пронзает взор,
Могу я взглядом загасить костер.
Рука щедра —
Могу из чаши яда
Корчагу меда выцедить на спор.

Душа светла — могу расти в снегу,
Свои пороки разглядеть могу,
И дочь змеи без страха поцелую,
Не сможет укусить,— ведь я не лгу.

Я был правдив, таким и буду впредь,
И узость сам смогу преодолеть,
А захочу — и оживлю полено,
И рыбу научу вещать и петь.

15 октября 1948

Чолпон-Ата

183. Я — КОРАБЛЬ

Я — торопливый тот корабль, который, бросив дом,
Прошел сквозь бурю и волны не зачерпнул бортом,
И слишком рано в порт пришел, и — море за спиной,—
Стою на этом берегу, а молодость — на том.

Я — торопливый тот орел, я — беркут быстрый тот,
Что слишком рано, на заре, закончил перелет.
Осталась молодость навек в затерянном краю
Отвесных скал, зеленых гор, обветренных высот.

Совсем не думал я о том, что молодость прошла,
Простился, словно бы за ней еще одна была,
Оставил, бедную, в слезах, ее не приласкал
И не коснулся в черный час высокого чела.

Когда мы были вместе с ней, мы были хороши,
От старости не уберечь ни плоти, ни души,
Но молодость моя живет, играя, веселясь,
Там, посреди орлиных гор, в заоблачной глуши.

17 октября 1948
Чолпон-Ата

184. МНЕ ПОНРАВИЛОСЬ

Пусть осуждают нрав беспечный мой,
Но я скажу в согласии с молвой:
Высокие гробницы ненавижу,
Что с жизнью соседствуют живой!

Но по душе одна могила мне,—
И, кажется, неволью, как во сне,
Перед могилой чабана Джапара
Я улыбнулся, с ним наедине.

Он важен был в кольце огромных стад,
Был благороден, щедростью богат...
И вот лежат, чернея, у надгробья
На солнцепеке четверо козлят.

И как живой мне вспомнился Джапар,
Его речей, мечтаний чистый жар,
И вдруг увидел я его, живого,
В текучем окружении отар.

Под вечер, ночью, вглядываясь в тьму,
Вновь жизнь Джапара вспомню, вновь пойму:
Бессмертен смертный, коль живое что-то
Над ним растет и ходит по нему.

17 октября 1948
Чолпон-Ата

185. ЕСЛИ ЛУЧШИЙ СТИХ СОЗДАМ

Если лучший стих создам —
 обниму и в путь пошлю.
Не получится — тогда
 слёз озёра я пролью.
Сочиняю я стихи,
 и свеча дрожит во мгле,
И объёмлет счастья миг
 и меня, и тень мою.

17 октября 1948

Чолпон-Ата

186. ЕСТЬ СЛЕДЫ ТАКИЕ...

Есть следы такие, что всего прочней, —
Никаким метелям их не занести.
Многие из хитрых, опытных людей
К тем следам не могут даже подползти.

Есть следы такие, что всего прочней, —
Волны их не смоют, бури не сотрут,
Много краснобаев, много ловкачей
Смыть следы старались, но пропал их труд.

Есть следы такие, что всего прочней, —
Огненное солнце их не может сжечь,
Их мечом пытался вырубить злодей,
Но следы остались, а сломался меч.

Да, и я трудился, да, и я, поэт.
Да, и я величию наших дней внимал.
Да, я тоже в жизни свой оставил след,
Хоть, сказать по правде, след мой очень мал.

17 октября 1948

Чолпон-Ата

187. РОДНОЙ ЯЗЫК

Родному языку любовь научит.
Родной язык вовеки не наскучит.
С младенчества меня учила мать
Родную речь любить и понимать.

Язык народа моего чудесен,
В нем отзвук слышу колыбельных песен.
И кажется, едва увидя свет,
Я лепетал: «Ата, апа, ат, эт...»

Мне страсть к труду, презренье к празднословью
Отец внушал, с великою любовью
Родному языку меня уча.
Я ощущал тепло его плеча.

Я петь привык на языке киргизском,
Любимом с детства, с колыбели близком.
Народов братских языки любя,
Родной язык, забуду ли тебя?

*17 октября 1948
Чолпон-Ата*

188. РАДУЮСЬ

Я веселюсь, когда придет черед,
И водку пью я, кто ж ее не пьет?
Но коль народ мой постигает горе,
Скалою я стою за свой народ.

Я так же, как и вы, расту, цвету,
Виновен — признаю неправоту.
Когда родится зрячий у слепого,—
Порадоваться в дом к нему иду.

Как и у вас, есть у меня мечта,
Робею, сожалею иногда.
Заговорит ребенок у негого,—
Я веселюсь и радуюсь тогда.

Я, как и вы, болеть душой могу,
Вкушать блаженство и покой могу.
Но коль стихов моих не любят люди,
Не радоваться — плакать я бегу.

17 октября 1948
Чолпон-Ата

189. В ПРАГЕ

Он совершил, освобождая Прагу,
Бессмертный подвиг. Люди говорят:
Он ослабел, — но сохранил отвагу
И бросился под вражий танк солдат.

Мы знаем: жил и воевал он честно.
Мы знаем: имя дал ему народ.
Но где его могила? Неизвестно.
Лишь подвиг жив и слава не умрет.

Пошел бы я пешком к его могиле,
Пришел, смешал бы горсть ее земли
Я с кровью льва, чтобы ее вкусили
Мои сыны, чтоб храбрыми росли.

18 октября 1948
Чолпон-Ата

190. ЕЩЕ РАЗ О ЖЕНЩИНЕ

Я женщину неверную любил,
И ревность выбила меня из сил.
Плохая женщина мне душу отравила,
А той, святой, я недостоин был.

Но всё равно — о ней одно скажу:
Я женщиной всеильной дорожу.

Она, подобно чистому колодцу,
Прибавит сил в походе полководцу,
И раненого в битве исцелит,
И доброго джигита обнадежит,
Когда в беде окажется джигит.

21 октября 1948
Чолпон-Ата

191. ЕСТЬ У ЖИЗНИ ГОЛОС...

Нет, не горюю я, что тает жизни нить,
Что яд меня пронзил,— кого теперь винить?
Но знаю: на земле,

нет, не найдется места
Тому, кто жизнь мою надумает чернить.

Уйду, но будет жизнь, как прежде, молода
И будет без меня лучиться, как всегда,
Но горько сознавать, что есть у жизни голос,
А мне его, увы,

не слышать никогда.

21 октября 1948
Чолпон-Ата

192. НОЧИ ВО ФРУНЗЕ

Должно быть, не я один, все вы любите их...
Город осенних ночей, город ночей золотых
Нужен моей душе, как воскрешающий труд,
Как отгоняющий смерть, жизнь продлевающий стих.

Морем сверкающих звезд залит весь оком,
Словно праздничный пир в городе, в доме моем.
В мареве голубом, в зеленом сиянье реки
Счастье ключом бурлит, плещет фонтаном в нем.

Услышите вы в ночи, даже веки смежив,
Ребенка счастливый смех. Значит, покой не лжив...
Ибо город мой — жилище тех мудрецов,
Что руки простерши стоят
Или к груди приложив.

23 октября 1948
Чолпон-Ата

193. ОШИБКА

У озера, с колхозом нашим рядом,
В селе красивом русские живут.
Нам слышно: вечером, встречая стадо,
Коров доярки ласково зовут.

Пришлось по сердцу это Кийизбаю,
Дождется вечера старик и вот,
Всех раньше стадо у холма встречая,
Он:

— Зоя, Зоя, Зоенька! — зовет.

Смеются наши женщины и дети,
Смеются девушки от всей души.
— Ой, аксакал! — хохочут и соседи.—
Ой, Кийизбай, довольно, не смей!

Ошибся ты: ведь это не корова,
Тут надобно мужское имя дать,—
А Кийизбай свое. Как вечер, снова
Он:

— Зоя, Зоя! — начинает звать.

Ни смех, ни вразумительные речи
Не действуют никак на старика.
По-прежнему, едва наступит вечер,
Зовет он:

— Зоя, Зоенька! — бычка.

23 октября 1948
Чолпон-Ата

194. КРАСНЫЙ ОБОЗ

Мы хлеб даем, а наш народ
Его с почтением берет.
Да будет светлой жизнь народа!
Наш сельский дар не пропадет.
 Быстрее, красный наш обоз!
 Везет зерно родной колхоз —
 Огни сверкают фар.
 Хоть щедр и тот, кто дар дает,
 Но во сто крат щедрее тот,
 Кто принимает дар.

Сдавать народу хлеб его —
Какое в этом торжество!
Мы ничего не пожалеем
Для государства своего.

Быстрее, красный наш обоз!
Уже заря алее роз
И блещет солнца шар!
Хоть щедр и тот, кто дар дает,
Но во сто крат щедрее тот,
Кто принимает дар.

Мы не щадили наших сил,
Но труд нам счастье приносил,
Но он культурой возвращался
В трудолюбивый наш аил.

Быстрее, красный наш обоз!
Вот председатель стяг повез,
Горящий, как пожар...
Хоть щедр и тот, кто дар дает,
Но во сто крат щедрее тот,
Кто принимает дар.

24 октября 1948
Чолпон-Ата

195. ПЕСНЯ О ХЛЕБЕ

Хлеб — наша сила и душа.
Когда пшеница хороша,
Живет привольно наш народ,
Дела великие верша.
И дом, и город, и дворец,
Которым облако — венец,
Заводы, шахты создал хлеб,—
Всего на свете он творец.
Не плыли б в море корабли
И паровозы бы не шли,
Мы не знавали бы машин,
Когда б колосья не росли.
Встань поутру, взгляни в окно:
Всего у нас — полным-полно!
И золото, и перламутр —
Всё это хлебом рождено.
Снаряды, танков грозный строй,
И даже сам боец-герой,
И стальнокрылый самолет,
Что пролетает над горой,—

Всё, чем богаты ты и я,
Вся радость нашего житья,
И мастера, и вожаки,—
Всё это — хлеба сыновья.
А хлеб колхозники растят,
Мы благодарны им стократ,
Богатство коммунизма — хлеб!
О нем сложить я песню рад.

24 октября 1948
Чолпон-Ата

196. РОДИНА

Снег. Мороз жестокий. Крутит ветер тьму...
Потеплей оденься, родина моя!
Я пойду с тобою в бурю, в холод, я
И мороз, и выюгу на себя приму.

Мрак вокруг сгустился, непроглядна ночь.
Берегись засады, родина моя!
Я врагов удары встречу грудью, я
На себя приму их, чтоб тебе помочь.

Вот и нет морозов, вот и нет снегов!
Всё вокруг яснее, родина моя!
Ты сильна, свободна, весела — и я
За твою твердыню умереть готов.

24 октября 1948
Чолпон-Ата

197. КУРМАНБАЙ

Сентябрь. Запах дынь кругом.
Люди рады зрелым плодам.
Изобилье идет в каждый дом,
Пшеница течет к закромам.

Богат на полях урожай,
Осень рада любящим труд.
Вот зерно твое — бери, Курманбай!

Октябрь. Листья шуршат.
Кто трудился, теперь богат.
Привольна в колхозе жизнь,
О богатстве все говорят.

Этот осени щедр урожай,
Вот тридцать центнеров тебе.
Рад я, иди получай, Курманбай!

Труд — счастье людям простым.
От сердца работал ты,
Не оставляя поля
С восхода до темноты.

В колхозе богат урожай,
Сорок пять центнеров тебе.
Рад я, иди получай, Курманбай!

25 октября 1948
Чолпон-Ата

198. КАМНЕЛОМЫ

Ломы тяжелые в руках у них.
Ломают камни в скалах вековых
И грузят на арбы. Волы ленивы,
И камнеломы понукают их.

И говорят они между собой,
Кивая на меня: «Он сам не свой,
Знать, нелегко ему: бормочет, бродит
С поникшею в раздумье головой».

Участье ваше нужно мне, друзья,
Я труженик, и труд мой — песнь моя.
Порой в труде я — как тулпар крылатый,
В иные ж дни — волу подобен я,
И слово не послушно мне, друзья...

26 октября 1948
Чолпон-Ата

Доля моя светла,— прекрасен мой новый дом,
 Слышна мне друзей хвала,— живу я просторно в нем.
 Но кто это в полночь пришел, крадучись, словно вор?
 Эй, кто стучится в окно, топчется перед окном,
 Не ты ли, моя нищета, вновь забежала во двор?
 Бедность моя, уходи! Что тебе в доме моем?!

Некогда грелся и я у твоего очага...
 Хватит! За мой порог твоя не ступит нога!
 Тебя не пропустит пес, лающий во всю мочь,
 Рвущийся целую ночь бешено, как на врага.
 Прочь! Уходи прочь! Прочь убирайся, прочь!
 Проклятая, прочь от меня! Прочь уходи, карга!

Чист мой дом и богат, многое мне дано,
 Хвалят меня друзья, а на дворе — темно.
 Что же во тьме шумит, мой нарушая сон?..
 Эй, кто стучится в окно?..
 А за окном темно...
 Чей это гулкий стук? Чей это слышится стон?
 Не ты ли это, болезнь, заглядываешь в окно?

Некогда грелся и я у твоего очага...
 Хватит! За мой порог твоя не ступит нога!
 Я не пушу тебя в дом... Недаром, рыча во всю мочь,
 Воет рвущийся пес, лает, как на врага.
 Прочь! Уходи прочь! Прочь убирайся, прочь!
 Проклятая, прочь от меня! Прочь уходи, карга!

Я принимаю гостей... Я наливаю мед
 (Так уж добра душа) тем, кто мне яд подает.
 В полночь нарушен мой сладкий, молочный сон:
 «Эй, кто молотит в окно, кто там стоит у ворот?»
 Вот и оборван сон, грохотом я пробужден...
 Мирная жизнь, это ты?..
 Благословен твой приход!

Скорее ко мне иди! Может быть, хилый, больной,
 Я расцвету, утолив жажду твоей водой.

Я одинок, одинок... Что меня ждет впереди?
Нет ни жены, ни детей, слаб я перед судьбой...
Ты хоть слепое дитя, глупое мне роди,
Клятву даю: до конца буду я рядом с тобой!

26 октября 1948
Чолпон-Ата

200. ИССЫК-КУЛЬ

Иссык-Куль, я тобою люблюсь всегда.
Песнь моя, будь прозрачна, как эта вода...
Свет зари, что встает, Иссык-Куль, над тобою,
Как меня утешал он в былые года!

Иссык-Куль, я всю жизнь тебя слушать готов.
Ты вдохнул в мои песни прохладу ветров,
Ты прекрасен, когда белизною сверкают,
Бурно пенятся гребни тяжелых валов.

Иссык-Куль, пока жив ты, и я не умру.
Я люблю твоих бурь благодатных игру,
Я судьбу свою благословляю за щедрость,
Что дано мне писать возле волн на ветру.

Мое озеро, пенясь, грози облакам,
Улыбайся зарей ослепительной нам,
А бездарных поэтов, слагающих вирши
Вроде этих, хлещи ты волной по щекам!

26 октября 1948
Чолпон-Ата

201. КАЗАКБАЙ

Посадил ты картошку спустя рукава —
Меру масла за каждую штуку отдай!
Ох, беда! Намудрила твоя голова,
Ты великий хитрец...
Ты хитрец, Казакбай!

Если осенью хлеба нажнешь сто пудов,
Ты за тридцать рублей спустишь каждый свой пуд,

А весной тот же хлеб сторговать ты готов,
Счастлив, если за триста тебе отдадут.
Ах, какой, Казакбай, ты купец-краснобай!
Покупатель какой... Казакбай!

Даже те, что приехали к нам лишь вчера,
Хоть совсем и не знали земли,
Здесь разбили сады (видно, жить — мастера)
И большие дома возвели.
Ах, какой ты хозяин у нас, Казакбай!
Только дом твой дыряв и сейчас, Казакбай!

Но, признаюсь, и сам я таков, Казакбай:
Хоть и тысячи я получал,
Дома нет, и налить стало не во что чай,
Нет пиал для гостей, одеял.
Вот каков у тебя младший брат, Казакбай,
Непутевей тебя
Во сто крат, Казакбай!
Надо прямо сказать, дорогой:
Либо люди плохие кругом, Казакбай,
Либо плохи мы сами с тобой!

26 октября 1948

Чолпон-Ата

202. ВЫПАЛ СНЕГ

Сегодняшний снег! — он такой, как всегда,
Но снова, но снова душа молода.
Келин белоликая, здравствуй, смелее!
Ты к нам рановато, ну что ж, не беда.

Я снежной метелью дышу глубоко:
В ней бодрость и сила — зимы молоко.
Келин белоликая щиплет за щеки,
А дети играют и всё им легко.

Играют, уж тут-то они мастера!
Снежки — это бомбы, гранаты! Ура!
В телах — и огня и здоровья избыток.
И все-таки страшная эта игра.

Зима, поспешила ты в наши края
Со снегом и стаями воронья...
Смотрю на детей я и плачу... Ах, мама,
Прошу, пусть не знают об этом друзья.

Надеюсь недуг одолеть, не страдать,
В ребенке продлиться и труд мой отдать
Народу. Я жив только этой надеждой...
Так зябко! Ты двери прикрыла бы, мать.

27 октября 1948

Чолпон-Ата

203. ОСЕНЬ

С весны у народа была должником
Земля, богатея сама с каждым днем.
Пора рассчитаться! И осень пришла
С мешком за плечами — с картошкой в нем.

С весны должником у народа была
Земля и осенних расчетов ждала:
С мешком за плечами — с капустою в нем —
В аил наш веселая осень пришла.

Смотрите, как важно идет меж оград,
Парчой и шелками одежды горят.
Пройдет и рукою небрежной сорвет
Урюк золотой, золотой виноград.

Как поступь надменна, осанка горда!
Пройдет — и сверкнет позолота следа.
Не пробуй слезами ее удержать,
Не спрашивай важную гостью: куда?

В погоню, джигиты, седлайте коней!
Вдогонку, вдогонку, вдогонку за ней!
И, если вернуться не хочет добром,
За ворот встряхните ее посильней!

Обидится — толком мы ей разъясним,
Что вовсе ее обижать не хотим.

Подольше пускай погостит у друзей,
Потом целый год мы о ней прогустим.

Уж лето пред ней на коне без седла.
А следом — зима: в серебре удила.

27 октября 1948
Чолпон-Ата

204

Я путник; с детства я дорогою влеком
И по своей земле всю жизнь иду пешком.
Иду, смотрю вперед: путь солнечный далек.
Мне радостно идти
В своем краю родном.

Я путник; с детства я дорогою влеком.
Незабываем путь, что пройден был с трудом,
И даль заманчива. Нет устали во мне,
И нет конца пути
В моем краю родном.

Взойди на высоту и последи за мной:
Как пули путь на цель, — мой к цели путь прямой.
В степи меня нагнав, мне посмотри в глаза:
В них — жажда мир познать
И видеть край родной.

27 октября 1948
Чолпон-Ата

205. ЗДОРОВЬЕ

Не даст недуг
Ни встать, ни лечь.
Его, мой друг,
Не сбросить с плеч!
Свое здоровье с детских лет
Ты должен закалять, беречь.

Здоровье нужно, чтоб расти,
Чтоб знания приобрести,
Чтоб от ровесников своих
Постыдно не отстать в пути.

Здоровым нужно быть в бою,
Незыблемо стоять в строю.
Должны мы грудью защищать
Отчизну славную свою.

Вступив с природой в трудный спор,
Осваивая недра гор,
Граниту крепкому под стать,
Могучим должен быть шахтер.

Избрав любую из наук,
Трудись не покладая рук
Во славу Родины своей,
Тебе здоровье — верный друг.

Товарищей веселый круг
Выходит на зеленый луг.
Здоровым, сильным нужно быть,
Чтоб играм посвящать досуг.

Идя с любимой вдвоем,
Мы счастье полной чашей пьем,
Так слабому ль здоровью быть
Помехой на пути твоём?

Кто хил, и немощен, и худ,
Кто высох, как пустой сосуд,
Свое здоровье расточив,—
Тому и не под силу труд.

Неповторимы наши дни.
Богаты радостью они.
На благо Родины трудясь,
Здоровье крепкое цени!

Безмерна мощь родной страны.
Ее могучие сыны
Здоровье крепкое, как сталь,
Потомкам завещать должны!

28 октября 1948
Чолпон-Ата

Нет мне отрады в струе родника.
 Хлеба не надо мне ни куска.
 Музыка — мне и вода и еда.
 Дайте сюда,
 Дайте сюда
 Музыки полглотка!

Слез не пролью, хоть печаль глубока.
 Не улыбнусь, если жизнь сладка.
 Музыка — радость моя и беда!
 Дайте сюда,
 Дайте сюда
 Музыки полглотка!

Верьте, что мне земля дорога!
 Синие горы, леса, луга
 Блещут и манят издалика...
 Но, покидая предел земной,
 Буду жалеть о тебе одной,
 Музыка, Му-зы-ка!..

28 октября 1948
 Чолпон-Ата

207. О СЕБЕ

Сам к себе я прислушался из-за стены,
 Слышу кашель тяжелый, глухой из угла...
 Снова думы унылы и мысли грустны:
 «Жизнь моя драгоценная! Что ж ты ушла?..»

А когда на себя с перекрестка взгляну,
 Вижу: тенью бреду, сам себе незнаком.
 И болезнь неотвязная клонит ко сну,
 Мальчик был озорной — стал почти стариком.

А на спящего я на себя погляжу,
 И покажется: словно бескровный мертвец,
 Без дыханья лежу, без движенья лежу,
 Бьется сердце, как будто устало вконец.

А на мертвого я на себя бросил взгляд:
Богатырь улыбаясь лежит, словно лев,
Благодарен судьбе, жизни прожитой рад,
Честно путь завершив, крутизну одолев.

Тот, кто сможет, поймет... А с других спроса нет.
Всё же, как ни гляди, жизнь была хороша,
Не такой уж плохой был, пожалуй, поэт,
Руки щедрыми были, широкой — душа.

А когда из грядущего я посмотрел,
Тень вдали показалась и пыли клубы.
Скажут многие: был он отважен и смел,
Воевавший с упрямою волей судьбы!

28 октября 1948
Чолпон-Ата

208

Не знаю,
 что друзья в душе таят,
А вот судьба преподнесла мне яд:
Нет больше сил служить эпохе звездной —
Так рано вяну, холодею я.

Не знаю,
 что друзья в душе таят,
Но я в обиде на судьбу, в ней — яд.
И, нашим бурным дням служить не в силах,
Как тал подрубленный, ломаюсь я.

Не обижался, нет, на грозный век,
И мрачных настроений я избег,
И, может быть, растаю незаметно,
Как выпавший вчера нежданный снег.

Я злобы не таил в мой краткий век,
Я честно жил и темных дел избег,
И мысли о друзьях так чисты были,
Как выпавший вчера нежданный снег.

29 октября 1948
Чолпон-Ата

178

О река моя, пошире растекись,
Пусть вода твоя окрестности зальет!
В этой пене — всё могущество вина,
А в стремленье струй — грядущего полет.

29 октября 1948

Чолпон-Ата

210

Ночью крепко заснул, встал легко на заре —
От болезни моей не осталось следа.
Полной грудью вдохнул, вижу — день на дворе,
Вновь обрел я свои молодые года.

Хорошо мне спалось... Сбросив марево снов,
Я на солнце взглянул — вновь мне юность дана,
И почудилось мне, что я снова здоров,
Показалось, что грудь прежним счастьем полна.

Я растаял от звуков, которых досель
И не знал и не слышал, судьбу торопя.
Душу тронул их свежести сладостный хмель.
Время жизни моей... Что за дни у тебя!

29 октября 1948

Чолпон-Ата

211. ВЫРАЩИВАЮЩИЙ ДЫНИ

Дыню разрезали мы не спеша.
Нежным ее ароматом дыша,
Я наслаждаюсь. Красавица дыня —
«Желтая сетчатая» — хороша!

Видю, с дороги свернул я не зря:
Входит в меня, освежая, бодря,
Добрая, крепкая сила земная,
Как в легендарного богатыря.

Много постранствовал я по стране,
Добрый старик, и сегодня вдвойне
Счастлив сидеть в шалаше среди поля
В старом, с плеча твоего, чапане.

Щурюсь блаженно на солнечный свет
И, стариковской заботой согрет,
Вдруг становлюсь беззаботным и юным,
Словно мальчишка пятнадцати лет.

Жадно впиваю дыханье полей,
Желтые дыни с ползучих стеблей
Ловко срываю и сам улыбаюсь:
Я всё добрее, и жизнь — всё милей...

31 октября 1948
Чолпон-Ата

212. ПОМИДОРЫ

Как приехал я в аил,
Все соседи — с разговором:
— Посади-ка, Алыкул,
Помидоры, помидоры!

Если все твердят одно,
Взялся я за дело скоро.
— Вот, глядите, посадил
Помидоры, помидоры!

Но без очереди я
Воду взял, и сразу — споры.
Все соседи: — И у нас
Помидоры, помидоры!

Оглянуться не успел,
И другие тоже хором
Мне соседи: — И у нас
Помидоры, помидоры!

Удивленный, говорю:
— Что за странные укоры? —
А соседи: — Вся беда
В помидорах, в помидорах!

С детства я привык, друзья,
Жить без ссор и без раздоров.
Славлю воду и люблю
Помидоры, помидоры!

1 ноября 1948
Чолпон-Ата

213. ВИНО

Пью вино, если хочется выпить вина.
Если страсть велика, если жажда сильна,
Правота моя гибнет, смирясь перед ней.
Корни чести и подлости — в бездне глубин...
Но у подлости корень всего лишь один,
А у доблести тысячи будут корней.

Пью вино лишь когда иссыхают уста
И когда отравляет меня клевета.
Пусть сильна клевета, всё же слава сильнее,
И хулы и хвалы корни — в бездне глубин.
Но у злобной молвы корень только один,
А у славы их — тысячи, крепких корней.

Отчего ж в свою честь мне сегодня не пить,
Почему бы вина и друзьям не налить?
Ведь в беде у меня нет опоры верней,
Оттого-то грустить нет особых причин,
День осталось прожить мне, пожалуй, один,
Дни, в которых останусь я,— тысячи дней.

1 ноября 1948
Чолпон-Ата

214. СОЛНЦУ

Ты, пламенем вспыхнув во мгле голубой,
Заставило всех любоваться тобой.
Как мать ты, в страданиях и в муках своих
Когда-то наш мир породило земной...

Столетиями каждый и месяц и час
Ты с нас не спускаешь встревоженных глаз.
Как мать, проводившая в путь сыновей,
Грустишь и болеешь душою за нас.

Но мир беспокойством извечным томим;
Он холоден к жарким тревогам твоим,
Он делает всё, не считаясь с тобой,
Как баловень сын, равнодушный к родным.

1 ноября 1948
Чолпон-Ата

Если вы, ребята, обойдете
 Из конца в конец всю Беларусь,
 Свеклы, как у нас, там не найдете,
 Наша свекла редкостна на вкус.
 Так она сочна и так красива,
 Эта свекла, родом из России!..
 На киргизской выросла землеце...
 Нашей свеклой можем мы гордиться!

Если вы, ребята, обойдете
 От конца до края всю Украину,
 Свеклы, как у нас, там не найдете —
 Сахаром богатой чрезвычайно.
 Так она сочна и так красива,
 Эта свекла, родом из России!
 Но киргизский у нее наряд,
 Ой ты, наша свекла, свекла — клад!

Если вы, ребята, обойдете
 Из конца в конец весь Казахстан,
 Думаю, такой вы не найдете
 Свеклы, как у наших у дехкан!..
 Так она сочна и так красива,
 Эта свекла, родом из России!..
 Только кровь киргизская у ней,
 Свекла, ты сокровище полей!

Если вы, ребята, обойдете
 Из конца в конец весь шар земной,
 То нигде, нигде вы не найдете
 Свеклы удивительной такой!..
 Так она сочна и так красива,
 Эта свекла, родом из России!
 Но на вкус киргизская она,
 Ой ты, наша свекла, ты вкусна!

2 ноября 1948

Чолпон-Ата

216. БРАТИШКЕ, КОТОРЫЙ УЧИТСЯ В ФЗУ

Да, меня ты любишь, милый младший брат,
На любовь такую я ответить рад
Самой звонкой песней. Знаю, перегонишь
Ты меня, братишка,— смел твой ясный взгляд.

Радостней, прекрасней будущее ждет.
Всё возьмешь ты в руки — славу и почет.
Помни, что на свете всех сильнее рабочий,
Груза на плечах он больше всех несет.

Оттого рабочий веселей меня,
Ласковей, красивей и щедрей меня.
Будешь ты рабочим, путь твой будет шире,
Путь твой будет ярче солнечного дня.

Ты возьми, братишка, лучшее во мне,
Ты отбрось, братишка, худшее во мне.
Ты учишься упорно, ты трудись умело,
Верен будь рабочим и родной стране!

3 ноября 1948
Чолпон-Ата

217. МАЛЯР

Пришел маляр и наш покрасил дом,—
И словно солнце поселилось в нем.
Вот этот человек в спецовке старой,—
Он радость нам принес своим трудом.

В ненастье дом сияет, как дворец,
Сын улыбается, поет отец.
Вот этот человек в спецовке грязной,
Он — с чистым сердцем — светлых дел творец.

Веселье в доме, всюду звонкий смех,
Как будто праздник, торжество у всех,
В труде есть благородство,— благороден
С простою речью этот человек.

Он поздно лег и на рассвете встал.
Прекрасен труд, велик он или мал...
Но почему ж отец мой, век кочуя,
Такого в жизни мастерства не знал?

3 ноября 1948
Чолпон-Ата

218. ТРУД И ПЕСНЯ

Рабочему я издавна родня:
В нем — мощь творца, дар песен — у меня.
Без песни и труда ни одного
Не проходило в мире нашем дня.

Все города построил человек,
Ему немало покорилось рек.
Рабочий трудится,— и песнь моя
К нему стремится светлой птицей в цех.

Рабочий трудится, и день за днем
Дворцы возводит он в краю родном.
Придет с работы он,— и песнь моя
Жар-птицею в его влетает дом.

Мир удивляя, создал он в стране
Из стали счастье, закалил в огне.
Почетен труд, крылата песнь моя,
И жизнь принадлежит ему и мне.

3 ноября 1948
Чолпон-Ата

219. ДУВАЛЧИ

Растет, растет дувал твой, дувалчи.
Багряные пылают кирпичи.
Уж коль не ты, так кто меня научит?
Искусству складывать их научи.

Еще вчера был еле виден, мал,
Сегодня двухэтажным стал дувал.
Учи меня, возьми меня в науку,
Чтоб так, как ты, я молотком стучал.

Ты слово дал своей родной стране,
И слово это ты сдержал вполне,
И стала родина тверда, как молот,
Непобедима стала на войне.

Всё, что мерещилось лишь в снах, в мечтах,
Воплощено теперь в твоих трудах.
Пусть будут все твои труды моими,
А ты как дома будь в моих стихах.

3 ноября 1948

Чолпон-Ата

220. ЗАВОД

Друзья, не забуду завод никогда я,
Запомню, как сталь выливалась тугая,
Как сердце мое полюбило ее,
Закалкой соперничать с нею желая.

Вступил я в торжественно-строгое зданье,
Почувствовал сразу его обаянье.
И хлеба и соли его я вкусил,
Чтоб силы во мне появилось дерзанье.

Я счастьем высоким обязан заводу,
Я понял его красоту и свободу,
Свой песенный жар, задушевный свой дар,
С поклоном земным преподнес я народу.

Отчизной вскормленный, я крылья расправил.
Я крылья в борьбе за нее окровавил.
Я дух свой ковал, не искал я похвал,
И дни мои труд вдохновенный возглавил.

В служенье отчизне восторг мой безмерен,
Как преданный сын, я стране своей верен,
Когда я болел, не себя я жалел,—
Жалел я, что день для отчизны потерял.

Мой город родился, расцвел при заводе,
Подружку свою я нашел на заводе.
Я пью его воду, я ем его хлеб,
И дом, и друзей я обрел на заводе.

3 ноября 1948

Чолпон-Ата

221. ПРЖЕВАЛЬСКОМУ

Что говорить, прошел немало ты дорог,
О, если бы в глаза твои взглянуть я мог!
Но не было меня, когда у Иссык-Куля
Ты, смертью сломленный, под эти камни лег.

Прекрасен Иссык-Куль. Здесь в берег бьет прибой.
Здесь сердце бьется в лад с бурливою волной.
О, как бы я хотел под грохот волн тяжелых
Хотя бы ночь одну проговорить с тобой!

Ты много странствовал, — сказал бы я тебе. —
Так величаво всё в твоей большой судьбе.
Став бронзой, здесь, у волн, твоя сияет слава.
О, если б я в твоей участвовал борьбе!

Здесь именем твоим украшен мрамор плит.
Отчизна в памяти твои дела хранит.
О, если б я с тобой пересекал пустыни,
Я тоже не был бы за гробом позабыт.

Прекрасен Иссык-Куль и летом и зимой.
Как было б весело летать здесь над водой!
Надгробие твое орел прикрыл крылами.
О, если бы мое украсили звездой!

4 ноября 1948
Чолпон-Ата

222. ПЛОТНИКИ

Мастеров подобных встретить нелегко,
Рад я, что их вижу так недалеко,
Если столь проворен в их руках фуганок,
Значит, мастерство их очень высоко.

Кровлю подымают, как они поют!
Как они строгают, молотками бьют!
Множество сокровищ создают их руки,
И всегда удачей награжден их труд.

Точно, стройно, мерно топоры стучат.
Мой напев сегодня не у них ли взят?
Плотничья работа хороша, как песня,
И пою я звонко с топорами в лад.

Гвоздь, умело вбитый, — знаний торжество.
Как они вбивают весело его!
В их труде искусном почерпну я силы.
Радует, пленяет это мастерство.

4 ноября 1948
Чолпон-Ата

223. СЛОВО КУЗНЕЦА

Трудовая весна, мои дети, близка,
Время браться за дело — весна коротка.
Пусть металл от тяжелых ударов искрится,
Веселее пусть молот заносит рука!
Нужно трактор чинить — в нем нехватка болтов,
Что утратил — найди,
Будь восполнить готов.
Лемеха пусть проходят по пашне рядами,
Пусть сверкают они среди черных пластов!
Видишь, время не терпит, за дело скорей —
Бей же радостно молотом, бей!

Собирайтесь у кузни моей, молодцы,
За священное дело народа борцы,
Парень там, в стороне, — и его приведите,
Он такой же искусник, как вы, кузнецы.

Плуг — он тоже, смотрите, друзья, без винтов!
Что утратил — найди,
Будь восполнить готов.
Скоро бороны острые выйдут на пашню,
Пусть сверкают они среди черных пластов!
Видишь, время не терпит, за дело скорей —
Бей же радостно молотом, бей!

И пока во мне сила играет, пока
На ослабшего я не похож старика,
Чем без дела лежать, истлевать под землю —
Пусть родному народу послужит рука!

Сколько надо —
Она изготовит болтов,
Всё, что было поломано,—
Сделает вновь.
Час настанет — и сеялки выйдут рядами,
Понесут семена самых лучших сортов!
Видишь, время не терпит, за дело скорей —
Бей же радостно молотом, бей!

5 ноября 1948
Чолпон-Ата

224. КАРАБЕК

Карабека любит, знает мой народ,
Карабека вырастил, воспитал завод.
Слава Карабека для меня приятна,
Он — скакун крылатый, что летит вперед.

Деды Карабека — молот и булат,
А чугуны горячий — Карабеку брат.
Карабек, рожденный в нашей скромной юрте,
Сыном стал завода, где станки стучат.

Карабек усердней, горячее всех,
Карабек — он пышет жаром, грея всех,
Карабек — завода трепетное сердце.
Знаю: на заводе он нужнее всех.

Я хочу, чтоб сын мой рос, достиг вершин,
Чтоб на Карабека стал похож мой сын,
Чтоб у Карабека сын мой научился
Управлять работой множества машин.

5 ноября 1948
Чолпон-Ата

225. СТОРОЖИХА ТУРСУН

Сторожиха зоркая тетушка Турсун.
Чуть в амбаре где-нибудь зашуршит грызун —
Тут как тут хозяйюшка: вор крадет зерно!
От нее не скроются лодырь и болтун.

Вахта беспокойная — всё её житье,
Бережет колхозное пуще, чем свое.
Тень мелькнет в полночи, шепот за углом —
Уж никто не скроется ночью от нее.

Вот уж восемнадцатый скоро минет год,
Как добро народное тетушка блюдет.
Ежели из тысячи центнеров зерна
Фунт возьмут грабители, по глазам найдет.

По лицу без промаха узнает лгуна,
И сама дознается, в чем и чья вина.
Покарает правильно — без суда — сама.
Всеми уважаема на селе она.

6 ноября 1948
Чолпон-Ата

226. УЧИТЕЛЬ

Он детей ведет умело
К свету знания и труда,
Чтобы сердце их горело
Жаждой подвига всегда.

Вдохновенно и любовно
Он растит в сердцах детей
Чувство преданности кровной
Вольной родине своей.

Чтобы детям жить счастливо,
Чтоб душе была верна
Молодая гибкость ивы
И березы прямизна.

Кто он — добрый, ясноликий,
И правдивый, и простой?
Это — труженик великий,
Наш учитель золотой!

20 ноября 1948
Чолпон-Ата

227. РУССКОМУ ГОСТЮ

Л〈вау〉 П〈асынкову〉

Ты гостем жил в моем доме спокойном,
Мне счастье принесла твоя душа.
Ты шел по нашим улицам незнойным,
Их яблоневым запахом дыша.

Твой светлый смех для нас был меда слаще,
Твоей мы не забудем доброты.
Всё чаще по тебе грустим, всё чаще
Пред нами предстают твои черты.

Разлука двух людей полна печали.
Еще трудней разлука двух друзей.
О, сколько счастья в мире мы б ни брали,
От этого не станет мир бедней!

Где люди дружат, скуки там не будет,
Дом друга — это наш родимый дом.
И малой ветки в мире не убудет,
Хоть в мире много счастья мы возьмем!

От нас все дальше улетают годы,
Чем дальше по дороге мы идем,
И новые встают за нами всходы,
А мы стареем в мире молодым.

В твоей отчизне святость дружбы знают,
Там люди искренни, земля добра.
Пусть завтрашние звезды вспоминают,
Что звездами светились мы вчера.

*4 июля 1949
Чолпон-Ата*

228. ТОСКА

Ты трудишься. Дело твое велико,
И часто бывает тебе нелегко,
Но сладко бывает порою грустить
О том, что твой город родной далеко.

Друзья там твои... Там цветенье садов,
Где детство неслось с быстротою ветров.
Там горы, где ночью мигали огни
На уголь сжигавшихся древних стволов.

Пусть стар ты, пускай убелен сединой,—
К душе твоей юность прихлынет волной,
И сладкими будут те слезы твои,
Когда ты увидишь свой город родной.

4 июля 1949

Чолпон-Ата

229. АРЫЧНАЯ ВОДА

Бежит-журчит по улицам
Арычная вода.
Бахвалится, волнуется,
Послушаешь — беда!

Лепечет по-ребячьи
Свое житье-бытье.
И яблоньки прозрачные
Заслушались ее.

Бежит. И людям кажется,
Что, точно перегной,
Все горести и тяжести
Уносятся с волной.

Шумит вода-шалунья
И заглушает гул
Бесед и поцелуев
На мягком берегу.

Бежит вода шумливая
По улицам, полям,
Наполненная илом
И солнцем пополам!

6 июля 1949

Чолпон-Ата

230. Я РОДИЛСЯ

Я родился, чтоб землю мою любить,
Чтобы много увидеть и совершить,
Но отстала молодость от меня,
За горами осталась она — как быть?

Видел много я в жизни хороших дней,
Прямо шел и дороги не знал верней.
Но не только солнечный свет я пил —
Бури тоже хлебнул. Спасибо и ей.

Мы вчера молодыми были, друзья.
Где ж сегодня бродит юность моя?..
Не погибла, нет, она — за хребтом,
Там осталась, живет, в это верю я.

6 июля 1949

Чолпон-Ата

231. КОНЬ ВАСЕНЬКА

Конь Васенька, ты ходишь без седла,
но поступи, как телега, тяжела.
Берешь два воза — только с места стронуть, —
идешь, посасывая удила.

Везешь что надо, глубоко дыша,
и в степь не глянешь, как ни хороша.
Ах, Васенька, товарищ мой буланый,
жизнь ломовая, легкая душа!

О чем ты, милый мой, чего ты ржешь?
Ты с колеи почетной не свернешь
и всё на свете верно понимаешь, —
видать, хозяин у тебя хорош.

7 июля 1949

Чолпон-Ата

На небе ни тучки,— видно, плыть им лень,
 Ночью — яркий месяц, зной палит весь день...
 Гневен в эту пору наш мираб Кармыш,
 Привязал сердито он к седлу кетмень.

Не до сна и ночью, в поле он всегда,
 Счастлив, что в арыках булькает вода.
 Только два арыка опустели вдруг.
 Кто похитил воду? Экая беда!

Кто виновен в краже, как на след напасть?
 Звать своих ворами? Вот еще напасть!
 Девушка в пятнадцать лет, с чистой душой,
 Воду из арыка может ли украсть?

Девушка к пшенице воду отвела,
 Пусть вода струится — была не была!
 Пусть, воды напившись, оживут хлеба,
 Пусть растет пшеница высока, спела!

7 июля 1949
 Чолпон-Ата

233

Если бы ушел я в дальние края,
 Ты меня ждала бы, Родина моя!
 Не прошло б и года, от тоски изныв,
 Снова к Иссык-Кулю возвратился б я.

Только там отрада ожидает нас,
 Где родной народ наш трудится сейчас.
 Сладко возвращаться, поднимая пыль,
 В край, где ты увидел солнце в первый раз!

10 июля 1949
 Чолпон-Ата

234

Я этим летом, как всегда, в аиле
 И снова молод, будто в прежней силе...
 Над озером — луна, она полна,
 Деревья в теплой тишине застыли.

Сияет ночь, легка и безупречна,
И я дышу свободно и беспечно,
Печальных мыслей нет. Всё здесь мое.
И кажется, что это будет вечно.

Здесь до утра, счастливей всех на свете,
Я буду воспевать красоты эти
И буду улыбаться. Могут так,
Едва наплакавшись, смеяться дети.

10 июля 1949
Чолпон-Ата

235. РАДОСТЬ

Если сердце горя не знавало,—
Радости оно узнает мало.
Вольный труд колхознику принес
Счастье, о каком душа мечтала.

Щедрый год отраден несравненно,
Над лугами сладко пахнет сено,
И созреет через десять дней
Знатная пшеница Ак-Узена.

Вдохновенный труд людей сближает —
Это радость самая большая.
Всякий год по-новому светло
Золотое счастье урожая!

10 июля 1949
Чолпон-Ата

236. КЕТМЕНЬ

Чтоб колосились пышные хлеба,
Звени смелей, товарищ мой кетмень!
Ведь нам с тобой доверена судьба
Родных полей, товарищ мой кетмень.

Полям колхозным угрожает зной.
Звени о землю, мой кетмень стальной!
Живую влагу раннею весной
В рыки лей, товарищ мой кетмень!

Чтоб колос не увял и не поник,—
Источник жизни, радости родник —
В засушливых полях журчит арык
Всё веселей, товарищ мой кетмень.

Зажглась над нами ясная звезда.
Поит колосья свежая вода.
В стране освобожденного труда
Звени смелей, товарищ мой кетмень!

11 июля 1949
Чолпон-Ата

237

Пусть двинется сель, половодьем грозя,
И спустится ночь, свет вечерний гася,
Но следом за ними, пробившись внезапно,
Взойдет благодатное солнце, дрызья!

Пусть жизни дорога подчас широка,
Но тоньше бывает она волоска,
Но воля к борьбе высоту одолеет,
И сменятся радостью боль и тоска.

А время широкой дорогой спешит,
Поток перепрыгнет, гранит сокрушит.
Рождается полное гордости счастье,
Средь бед и лишений мужает джигит.

Борьбой закален я и скорбью утрат,
Я жизнью обучен и жизнью объят,
И кажется мне, что над нами не властна
И самая смерть, как над миром закат.

12 июля 1949
Чолпон-Ата

238. ДОЖДЬ ПРОШЕЛ

Дождь прошел.
Земля помолодела.
Веселей в руках спорится дело.
В первый раз Бекен ягнят пасет —
Щиплют малыши траву несмело.

Ошалела козочка от счастья.
Хочется попрыгать нынче всласть ей —
Жизнь лишь началась, и дождь прошел!
Козочка на мать похожа мастью.

Дождь прошел.
Он погулял на славу!
Отряхнувшись, выпрямились травы,
На лугу, где скот пасет Бекен,
Солнце разлеглось, смеясь лукаво.

Дождь, спасибо!
Посильнее брызни,
Ливень изобилья, счастья, жизни!
Пусть растут и дети и стихи,
Пусть звенят хлеба по всей отчизне!

14 июля 1949
Чолпон-Ата

239. ДЕТСТВО

С тех пор, как нам открылся белый свет,
Вперед идем, пути другого нет, —
Дорога и крута и камениста.
А детство — позади. Уж сколько лет...

Минуло детство, светлая игра,
И нашей зрелости пришла пора,
И стало стыдно вдруг за день ушедший —
Сегодня мы мудрее, чем вчера.

Вершина протыкала облака! —
Сегодня смотрим: нет, не высока.
И цель, казавшаяся недоступной,
Для нас сегодняшних — недалека.

16 июля 1949
Чолпон-Ата

Умчался сумрак тех дремучих дней,
 Когда чуждались русских мы людей:
 Россия стала задушевым другом,
 И что ни день, то ближе и родней.

Что было в прошлом? Долгие века
 Лишь степь да одичалость кишлака.
 Мы вымирали в жалкой нашей доле...
 И вдруг раздался клич большевика.

И вот киргизов за руку берет
 Великой справедливости народ
 И говорит: «Цветите и растите!
 Мы, русские, отныне ваш оплот».

Он вывел нас из вековечной тьмы
 Невежества, что пагубней чумы.
 И словно юность в жилах зазвенела,
 Как будто заново родились мы!

И мы пошли, как боевой отряд,
 С народами проснувшимися в ряд.
 Раскрылись дарования киргизов.
 И вот в Кремле киргизы говорят:

«Мы были слабы, а теперь сильны.
 Мы граждане той сказочной страны,
 В которой легендарные народы
 Высокой целью объединены».

О чем мой голос радостный поет?
 Он воспевает крылья и полет!
 Ведь моему киргизскому народу
 Добыл свободу русский мой народ.

17 июля 1949
 Чолпон-Ата

241. ЗВЕЗДНЫЙ ГОРОД

Мой аил... Я всегда возвращаюсь сюда,
Где покойно душе, где прозрачна вода,
Где порой предзакатной увижу с холма,
Как с мычаньем подходят к аилу стада.

Зелены и бескрайни простерлись луга,
Прячут кроны деревья твои в облака,
Пыль осела, а небо так близко к земле,
Что приходит покой, и уходит тоска.

Гаснет в сумраке день, потемнел небосвод,
И красавица ночь засверкает вот-вот
В неземной тишине мириадами звезд,
Столько их надо мной, что никто не сочтет.

Тот, кто видел хоть раз те холмы и поля,
Тот уверовал в чудо, чье имя — земля.
Вот и в этой ночи вечной жизнью цветет
Мой аил, звездный город, обитель моя!

18 июля 1949
Чолпон-Ата

242. НОЧНОЙ СОВЕТ

Сад нынешней ночью не сторожат —
Садовник встречает гостей-горожан.
А здесь, у арыка, где дремлют телки,
Поспевшие дыни под носом лежат.

Луна-то какая! Ночь с нами в ладу.
Идемте, ребята, красть дыни в саду!

Садовник воров не погонит взашей —
Ему не до нас у себя в шалаше...
У клевера, где перепелки поют, —
Там столько арбузов поспело уже!

Луна-то какая! Ночь с нами в ладу.
Идемте — всем хватит арбузов в саду!

Добыто счастье праведным трудом.
Звеня, дробятся камни под конем,
Чуть стремена блестят безлунной ночью.
Несется конь. Родимый близок дом.

Принес отцу известность честный труд...
Копыта искры яркие секут.
Вот, звякая в потемках удилами,
Отец с коня слезает — в доме ждут.

Горит светильник масляный едва,
На время стихли громкие слова:
Отец, Герой Труда, домой приехал,—
Блестит Звезда и ширится молва...

И луч сверкнул, и озарился дом,
И смотрят друг на друга все кругом...
Герой стоит, и кажется: одежда
Покрылась позолотою на нем!

Дались не просто слава и почет —
Так много в жизни сделано работ!
А как в колхозе множатся отары —
Им, кажется, уже потерян счет...

Постиг отец: награда высока —
Ответственность, конечно, не легка.
В груди вскипают чувства непростые,
И сладко пахнет медом от сына.

Колхоз богат, предела нет лугам,
Дома к озерным сходят берегам...
Герой, отец мальчишки Дженишкана
Был нужен, как целительный бальзам.

25 июля 1949
Чолпон-Ата

245. ПРОЩАНИЕ

Уходит в армию с завода Асанкул:
Как возмужал он здесь и плечи развернул.
Народа мирный труд беречь он свято должен.
Вдали нести ему священный караул.

Ждет мать, когда придет прощанья горький час...
Далёко от нее он будет в этот раз.
— Прощай, родимый мой, прощай, мой сын любимый,—
И вымолвить «прощай» не смеет в третий раз.

Хозяева земли! Весь мир у них в руках,
И жизни мирный ход, и солнце в облаках.
Наследники они, богатыри и братья,
Мы их прославим в песнях и стихах.

25 июля 1949

Чолпон-Ата

246. МОСКВА

Я в детстве порой забывал про еду,
Со сном зачастую бывал не в ладу,
Подолгу мечтая о дальней столице,
Я думал,— вовек до нее не дойду.

Сиянья, и грома, и ливней полна,
Внезапно моя наступила весна.
Я сердцем тянулся к Москве неустанно,—
Так в море стремится речная волна.

Окажется слева иль справа Москва?
Какая предстанет застава сперва?
Ночами в дороге очей не смыкая,
Всё думал я — как величава Москва!

В Москве побывав, я учтивее стал,
Мой ум благородней, пытливее стал.
Москва, что ни день, мне казалась прекрасней.
В Москве побывав, я счастливее стал.

Душевную приобретаю широту,
Я радуюсь жизни, мужаю, расту.
Вернувшись домой из любимой столицы,
Как сокол, учусь набирать высоту.

В столице расширился мой кругозор,
Глазам небывалый открылся простор.
Встречая везде справедливость и дружбу,
Души чистоту полюбил я с тех пор.

Ты щедро меня одарила, Москва!
Ты — Родины гордость и сила, Москва!
Тобой открывается в жизни народов
Немеркнувшей славы и счастья глава.

Мне врезалась в память картина одна:
Москва на рассвете, в объятиях сна;
Сменяется стража у стен Мавзолея,
Лежит, розовея, снегов пелена.

Ночная Москва, словно в полдень, светла,
Сияньем таким ослепленная мгла
Редееет вокруг нашей звездной столицы,
Что светоч великий над миром зажгла.

28 июля 1949
Чолпон-Ата

247. ПУШКИНУ

Из дальней дали, словно вихрь степной,
Я устремился за своей мечтой.
В тринадцать лет испил воды поэзии,
В пятнадцать — познакомился с тобой.

В те дни я очень своенравным был,
Самолюбивым и тщеславным был.
Поэта гениального, великого
Не оценил я и не полюбил.

В те дни я верил только в свой успех,
В те дни себя я ставил выше всех.
Тебя залить своим пытался морем,
А море с полстакана — просто смех!

Ты не заметил дерзости моей,
И понял я, что ты меня сильнее.
Тогда перед тобой я преклонился:
Сам утонул в поэзии твоей!

30 июля 1949
Чолпон-Ата

Да будет прозрачной и чистой
Вода, что колхозники пьют.
Пуускай в богатырском здоровье
Колхозники наши живут.

Мичуринский сад под горою —
Награда айлу за труд.
Пуускай же среди изобилья
Колхозники наши живут.

Здесь груши, налитые медом,
Гранаты и яблоки тут.
Пуускай же в аллеях тенистых
Колхозники наши живут.

Как пахнут душистые дыни,
Как весело тыквы цветут.
Пуускай среди пышных баштанов
Колхозники наши живут.

А зерна ядреной пшеницы,
Что жемчугом в шутку зовут?
Пуускай среди них, золотистых,
Колхозники наши живут.

Белеет аил над арыком,
Там песни, там смех, там уют...
Пуускай же в труде и довольстве
Колхозники наши живут!

8 августа 1949
Чолпон-Ата

249—255. СТИХИ О НАСЕКОМЫХ

1

МУХА

Муха, муха-надоеда!
Всякий раз в часы обеда
Над столом кружит, неряха,
На еду ползет без страха
И жужжит всё про одно.
Сколько с ней хлопот, с проклятой!
Надо гнать ее, ребята,
Гнать негодницу в окно!

2

КОМАР

Комар, комар, стеклянный глаз,
Не жнец, не пахарь — пустопляс.
Как только осень подошла,
Кусаться начал он со зла.
Его отгонишь — он опять.
Рубашку не попросит снять.
Он волдырями нам грозит,
Он малярией заразит.
От комара не жди добра.
Ребята, бейте комара!

СТРЕКОЗА

Стрекоза, стрекоза,
 Непоседа, егоза!
 Летом празднуешь лентяя,
 Над покосами летая,
 А зимой на ночлег
 Забираешься под снег.
 Не помощница ты людям,
 Мы дружить с тобой не будем,
 И проведать не зайдем,
 И сластей не принесем.

4

МУРАВЕЙ

Муравей, муравей,
 Не лентяй, не ротозей.
 Мужичок он домовитый,
 Неуступчивый, сердитый.
 Он из-за лесного сора
 С каждым затевает ссору.

5

ПЧЕЛА

Пчела, пчела мохнатая,
 Хозяюшка богатая!
 Кто в аил к ней забредет,
 Тут же от ее нападок
 Позабудет он, как сладок
 Золотой пчелиный мед.

6

ОВОД

Овод, овод одноглазый!
 Сладу нет с тобой, с пролазой.
 Знаем мы твои повадки,
 Скверный твой, упрямый нрав.

От тебя бегут телятки,
Высоко хвосты задрал.
Ты летишь за ними вслед,
На тебя управы нет.

7

КУЗНЕЧИК

Кузнечик, кузнечик,
Ты не пасешь овечек,
Коровушек, лошадок —
Тебе трудиться лень.
Завел себе порядок —
Бездельничать весь день.
Как братцы твои, лодыри,
Стрекочешь ты до одури.

17 февраля 1945

Койсары

256. ПЕСНЯ О ДОЖДЕ

Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
В раскаленный зной полей
Влагу светлую пролей!
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Капли чистые свои
В золотые влей струи,
Свеклу в поле напои!
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Как поток, как водопад!
Чтоб умылся пыльный сад!
Чтобы цвел урюк, гранат,
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Ласточка сверкнет крылом,
Защебечет под окном,
Песней наш наполнит дом!
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!

Радость вспомнит мой народ,
Щедрость в дом его войдет,
Гость радушие найдет.
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Тучным станет тощий скот.
Скупость тещи вдруг пройдет —
Мне лепешку испечет.
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Мой расчетливый сосед
За тобою выйдет вслед,
Всех сзывая на обед.
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Золотой и проливной,
По лицу лентяя бей,
Чтоб не сетовал на зной!
Нору суслика залей,
А кузнечика умой.
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Чтобы цвел на славу край,
Солнцу в поле помогай!
Труженику радость дай!

5 декабря 1945

Койсары

257. ТЕМИН

Ну, темин, темин, вперед!
Вшестером у вас пойдет!
Ту немного подгоните,
Что, упрямясь, отстают.
Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, поживей!
Тех, чьей силы мал запас,
Мы заменим еще раз,
Только виду не покажем,
Что машины нет у нас.
Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, поживей!

Молотилка лишь одна
Будет в том году дана.
А потом дадут их много,
Как окончится война!

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, поживей!

Урожай сдадим мы в срок.
А пока — быстрее на ток!
Так ячмень несите, чтобы
Цел был каждый колосок.

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, поживей!

Надо, чтоб и стар и мал
На полях пшеницу жал.
Все на ток! Но так, чтоб колос
Ни один бы не упал!

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, поживей!

Пусть зерно растет горой,
Разливается рекой,
Чтобы раненый здоровым
Стал, увидя труд такой.

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, поживей!

Чтоб лицу румяным стать,
Слабому бы сил набрать,
Чтоб с годами стала краше
Новой жизни благодать!

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, поживей!

Хорошо, что день большой!
Солнцу рано на покой.
Надо сделать вдвое больше,
Чтобы ток прославить свой!

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, поживей!

7 декабря 1945
Койсары

258. СКВОРЕЦ

Когда увидите скворца,
Друзья мои, украдкой,—
Не обижайте молодца
Ни камнем, ни рогаткой.

Не причиняйте зла скворцу,
Но в день веселый вешний
Постройте домик вы птенцу,—
Пусть он живет в скворешне.

Оберегая труд людской,
Помощник наш всегдашний,
Он бьется с грозной саранчой —
Врагом колхозной пашни.

Порой из маленького зла
Большое зло творится.
Творит великие дела
И маленькая птица.

*10 декабря 1945
Койсары*

259. ЖУРАВЛИ И ДЕТИ

— Журавли, курлы-курлы,
Вы откуда улетели?
— С девочкой золотокозой
Мы умчались от метели.

— Журавли, курлы-курлы,
Где укроетесь от вьюги?
— С мальчиком сереброкудрым
Мы приют найдем на юге.

— Журавли, курлы-курлы,
С кем летите вы станицей?
— С лучшим школьником летим,
С первой в классе ученицей.

— Журавли, курлы-курлы,
Мы ведь тоже не лентяи!
— Вы опаздывали в школу,
В небе журавлей считая!

— Журавли, курлы-курлы,
Что расскажете еще вы?
— Что звонок звенит всё громче
На пороге школы новой.

*10 декабря 1945
Койсары*

260. НУРГУЛЬ

Иссык-Куль светлее серебра,
Хороша и речка Койсара,
А на Койсаре живет смуглянка
Девочка Нургуль, умна, добра.

Волосы — темней, чем куний мех.
Восемь лет всего ей, как на грех,
А сердечко бьется, как у взрослых:
В школу бы поспеть ей раньше всех.

Кажется ей длинным-длинным день,
А еще длинней ночная тень.
Наизусть она твердит уроки
И не знает, что такое лень.

Дома хорошо ей — спору нет,
С школой не сравнится целый свет,
С книжкой сидит — не оторвется,
Остывает на столе обед.

Научилась правилам письма,
Ручка у нее в руке пряма,
Выведет в тетрадке слово —
И не налюбуется сама!

*11 декабря 1945
Койсары*

261. ЭМИЛЬБЕК И ОТМЕТКИ

Эмильбек наш, Эмильбек,
Непоседа Эмильбек,
Из тебя, наверно, выйдет
Непутевый человек!

За последние полгода
Обленился ты совсем.
Получил за эту четверть
Сколько двоек?
— Двоек семь.
— Ну, а троек?
— Троек? Троек...
Это надо сосчитать.
Ну, а впрочем, счет недолог:
Получил я троек пять.
— А четверок?
А пятерок?
— И четверка есть одна!
— А за что?
— За поведенье
Мне поставлена она!
5 ноября 1946
Чолпон-Ата

262. ЖЕРЕБЕНОК РЕЗВЫЙ

Ребенку, начинающему ходить

Подрастает наш малыш,
Всё шалит, не уследишь.
Чуть на ножки встал — и сразу
В путь пустился, ну поди ж!

Акентай сопит сердито,
Ковыляет деловито.
В одну ручку книжку дам,
А в другую мяса дам,
И беги, как знаешь сам,
Жеребенок резвый!

Минет мальчику семь лет,
В школу мальчика чуть свет
Провожать пойдет сестренка,—
Заглядятся люди вслед.

Акентай сопит сердито,
Ковыляет деловито.
В одну руку книжку дам,
А в другую сахар дам,
И беги, как знаешь сам,
Жеребенок резвый.

На шестнадцатом году
Парня в поле поведу.
Молотьбе учиться будет,
Чтобы цену знал труду.

В одну руку дам уздечку,
А в другую — тонкий кнут.
Это время недалечко, —
Быстро годы промелькнут!

Акентай сопит сердито,
Ковыляет деловито.
Погляди — он тут как тут,
Жеребенок резвый!

К восемнадцати годам
В школу летную отдам.
В небо соколом взовьешься,
А потом вернешься к нам.
Если ты отбросишь страх,
Слава у тебя в руках!
Детские промчатся годы
Без печали, без невзгоды,
В блеске солнечных лучей.

Акентай сопит сердито,
Ковыляет деловито.
Ну, беги, беги смелей,
Жеребенок резвый!

6 ноября 1946
Чолпон-Ата

263. ВРАГ КНИГИ

Кто книжку убережь не смог:
Порвал, запачкал и прожег,
В страничку завтрак завернул,
В грязи измазал корешок, —
Тот книге злейший враг.

Кто, не желая стать умней,
Не прочитал ни строчки в ней
И по ветру листы пустил,
Бумажных сделав голубей, —
Тот книге злейший враг.

Кто, как злодей в доме чужом,
Изрезал переплет ножом,
Картинки вырвал из нее,
Разрисовал карандашом,—
Тот книге злейший враг.

Кого играть не пригласим?
Кому руки не подадим,—
Пройдем, как будто мы с тобой
Совсем и не знакомы с ним?
Тому, кто книге враг.

20 ноября 1946
Чолпон-Ата

264. ДВУХМЕТРОВЫЙ ЭСЕНКУЛ

По одной простой примете
Вы узнаете его:
В школе выше Эсенкула
Нет, пожалуй, никого.
Если встанет он, как мачта,
С одноклассниками в ряд,
Вам невольно станет жалко
Этих маленьких ребят.
Мне иной резонно скажет:
«Рост высокий — не беда,
Почему ж над Эсенкулом
Насмежаются всегда?»
И отвечу я на это —
Мой ответ суров и прост:
— Потому что пустоцвету
Не поможет даже рост!
Эсенкул обычный лодырь
И печально знаменит
Только тем, что в каждом классе
По два года он сидит.
Он сидит на задней парте,
Равнодушный ко всему,
Точно все науки в мире
С детства ведомы ему.
Может, я тебя сегодня
Слишком резко упрекнул,—
Ты прости меня за это,
Двухметровый Эсенкул.

Вижу я: всё выше знанья
У ребят из года в год,
У тебя же — только шея,
Только шея вверх растет!

12 ноября 1946
Чолпон-Ата

265. ПЕРЕПЕЛКА

— Бэк-бэк-бэк! —
Весь свой век...
Перепелка, перепелка,
В птичьем крике мало толка,
Ястреб смотрит с высоты —
В когти попадешься ты.
Знай клюешь ты не спеша
И не платишь ни гроша.

В поле ты клюешь ячмень,
Щиплешь клевер целый день,
И пшеницу, и овес —
Съесть готова весь колхоз!
Опьянела без питья
Перепелочка моя.
Слышен издали твой крик:
— Быт-быт-быт да быт-пыл-дык...

— Бэк-бэк-бэк! —
Весь свой век...
Погоди: тебя поймаю
И жирна ли ты — узнаю.
Не даешь себя поймать,
Хитрая ты птица, знать!
Скачешь, прыгаешь, плутовка, —
За уловкою уловка.
От колхозного житья
Весела душа твоя.
— Быт-быт-быт да быт-пыл-дык —
Перепелочки язык.

Наш народ живет в достатке, —
Хороши поля и грядки.
Ведь три центнера, ей-ей,
Наши десять трудодней,

Не жалеем сил затраты,
Оттого мы и богаты.
Соберем мы урожай —
К нам на праздник прилетай.
Ты ведь любишь веселиться,
Так попразднуй с нами, птица!
Мы слушаем твой крик:
— Быт-быт-быт да быт-пыл-дык...

Некуда тебе бежать,
Я хочу тебя поймать.
У меня готова клетка,
Вся зеленая, как ветка.
Не обижу я тебя,
Стану пестовать любя.
Ты кричи свое «бэк-бэк!»,
Пусть счастливый человек —
Юноша или старик —
Слушает веселый крик.
Дай тебя поймаю я,
Перепелочка моя!

31 октября 1948
Чолпон-Ата

266. ПОСАДИМ САД

Давайте мы посадим сад
Вокруг любимой школы,
И заблестит арыков ряд,
Пустырь прорезав голый.

Посадим яблони вокруг
Любимой нашей школы.
На бело-розовый урюк,
Жужжа, слетятся пчелы.

Листву березы и арчи
Пронижет свет веселый.
Запляшут в зелени лучи
Под окнами у школы.

Отраднo будет в летний зной
Гулять под сенью
сада.
И юность расцветет весной,
Его цветенью
рада.

19 ноября 1948
Чолпон-Ата

267. ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Вот ребенок входит в школу,
Радостный, как заря.
День торжественно-веселый —
Первое сентября.

Ждет ребенка путь отрадный,
Годы пройдут не зря.
Школы светлые нарядны
К первому сентября.

Поколение семилетних
Заняло первый класс.
Тут ни средних, ни последних
Быть не должно у нас!

Добрый, умный и умелый
Детям учитель дан.
Ты за партой присмирела,
Резвая Женишкан!

19 ноября 1948
Чолпон-Ата

268. ЛЮБИ КНИГУ

С книгой подружись тесней.
Книга знаньями сильна.
Будешь верным другом ей,—
Не изменит и она.

Сила знаний велика,
И чиста, как молоко.
В сердце каждая строка
Западает глубоко.

Книга знает верный путь
К счастью — вечному, как свет,—
И от глаз отгонит муть,
И сомненьям даст ответ.

Самой бережной любви
Книга ждет и от тебя.
Не грязни ее, не рви,
Береги ее любя.

19 ноября 1948
Чолпон-Ата

269. ПТИЦЫ УЛЕТЕЛИ

Чудесной ласточка была:
Щебечет, носится чуть свет.
А нынче смотрим поутру —
Гнездо осталось, птицы нет.

Какой веселый был скворец,
Красавец, просто любота!
Куда с птенцами улетел?
Скворешня старая пуста.

Кукушку в роще не слышать,
В полях молчат перепела.
Летят над лесом журавли:
— Курлы, курлы, хотим тепла!

Помчались птицы в жаркий край,—
Их стужа гонит из гнезда,
К зиме одежды теплой нет,
Укрыться нечем в холода.

Желаем доброго пути
И старым птицам и птенцам!
Пускай летят куда хотят,
А по весне — вернутся к нам.

19 ноября 1948
Чолпон-Ата

ПОЭМЫ И ЛЕГЕНДЫ

НОСОВЫ И ДЕТСКИЕ

1908

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Вопрос о том, как правильно воспитывать детей, является одним из самых важных и сложных. В основе воспитания должны лежать любовь, уважение и понимание. Дети должны чувствовать себя любимыми и защищенными. Важно также развивать их самостоятельность и ответственность.

Воспитание должно быть последовательным и систематическим. Родители должны придерживаться определенных правил и принципов. Важно также учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка. Воспитание должно быть направлено на формирование у ребенка высоких моральных качеств и навыков.

Важно также развивать у ребенка интерес к учебе и творчеству. Родители должны поддерживать и поощрять любые попытки ребенка познать мир. Важно также развивать у ребенка навыки общения и сотрудничества с другими людьми. Воспитание должно быть направлено на формирование у ребенка чувства ответственности и долга.

Воспитание должно быть направлено на формирование у ребенка чувства собственного достоинства и самоуважения. Родители должны уважать личность ребенка и не пытаться навязывать свои взгляды. Важно также развивать у ребенка навыки критического мышления и самостоятельного принятия решений. Воспитание должно быть направлено на формирование у ребенка чувства гордости и自豪.

Воспитание должно быть направлено на формирование у ребенка чувства ответственности и долга. Родители должны показывать пример и быть ответственными за свои поступки. Важно также развивать у ребенка навыки планирования и организации. Воспитание должно быть направлено на формирование у ребенка чувства ответственности и долга.

Воспитание должно быть направлено на формирование у ребенка чувства ответственности и долга. Родители должны показывать пример и быть ответственными за свои поступки. Важно также развивать у ребенка навыки планирования и организации. Воспитание должно быть направлено на формирование у ребенка чувства ответственности и долга.

270. ТОЛУБАЙ

(Легенда)

Пастух пасет овец. Под ним пустынный склон.
Вдруг, посох опустив, он видит, удивлен:
Седой старик в слезах глядит на конский череп.
О чем он слезы льет, о чем рыдает он?

Сожженный зноем лет, был череп желт и сух,
Давно, давным-давно в нем жизни жар потух,
А странный тот старик, склонясь над ним, рыдает,
Клянет свою судьбу и жалуется вслух:

«Зачем тебя не знал я в юности твоей?
Всех скакунов земли ты был быстрее, сильнее.
Я это говорю, я это утверждаю,
Я, старый Толубай, а я — знаток коней».

Пастух, гоня овец, вернулся в свой аил
И хану рассказал, чему свидетель был,
«Ступайте в горы все, ищите Толубая!» —
Обрадованный хан народу возвестил.

На запад, на восток, на север и на юг
Помчалось множество вернейших ханских слуг.
Джигиты, и рабы, и женщины, и дети
Все горы обошли, все пастбища вокруг.

И миновала ночь, и вот в начале дня
Явился Толубай: «Ты, хан, искал меня?»
— «Коль ты и впрямь знаток, так укажи мне, старец,
Средь табунов моих ты лучшего коня.

И если среди них тулпара ты найдешь,
Всё, что понравится, ты у меня возьмешь,
Но если в табунах ты не найдешь тулпара,
Лукавые твои глаза проколет нож...»

У трона ханского седой старик стоит,
На тысячи коней, бегущих вскачь, глядит.
«Увы,— он говорит,— меж ними нет тулпара,
Хоть у тебя они и хороши на вид».

Тут аргамаков хан пред ним вести велит.
И каждый конь хорош — силен, красив и сыт;
Вот пегих косяки, вот рыжие, гнедые,—
В ущельях гром гремит от топота копыт.

Он начал свой осмотр, едва забрезжил свет,
Уж вечер, а идут один другому вслед
Все кони новые, все лучшие из лучших,
И кажется, что им на свете равных нет.

Вот, наконец, пошли такие жеребцы,
Что сорок человек держали под уздцы
С натугой каждого, и люди в восхищенье
Хвалили конюхов: «Вот это молодцы!»

Хан недоволен был. «Ну, хватит,— он сказал,—
Всех скакунов своих тебе я показал.
Ужель меж ними нет ни одного тулпара?
Ужель ни одного тулпаром не признал?»

И Толубай в ответ: «Я не видал пока
Тулпара здесь, но вот — лошадка бедняка
Чубарая бредет, давай ее посмотрим,
Вдруг что-нибудь в ней есть для взоров знатока».

И сзади всех коней чубарый конь прошел,
Ободраный, хромым, невзрачный, как осел.
И крикнул Толубай: «Да, вижу я тулпара!
Возрадуйся, мой хан, тулпара я нашел!»

«Глупец! — кричит народ. — Твой конь не конь — коза!»
— «Позор! — воскликнул хан, свирепый как гроза. —
Охаял, осрамил ты всё мое богатство!» —
И выколол ему своим ножом глаза.

И брызнула из глаз кровавая слеза.
Сжимая пальцами незрячие глаза,
Учтиво Толубай владыке поклонился
И выпрямился вновь, упругий, как лоза.

И так сказал: «О хан, благословен твой край!
Тебе хороших дней желает Толубай.
Твой каждый конь — тулпар. Пусть так. А мне как
выкуп
За зрение — коня чубарого отдай».

«Бери, — ответил хан, — и с глаз моих долой!
Немало времени я потерял с тобой.
Теперь ты будешь знать, как надо мной смеяться.
Пускай тебя везет осел твой удалой...»

Так Толубай ослеп. Угас навеки взор,
Тот взор, который был столь тонок и остер.
Он стал воспитывать чубарую лошадку,
Пася ее вдали, среди пустынных гор.

Едва забрезжит свет — «Вставай!» — кричит жена,
И он идет кормить коня, восстав от сна.
Растет лошадка, шерсть облезлая линяет,
И ясно видят все: на диво сложена.

И молвил Толубай: «Жена, мой конь — как жар,
Он полон сил, горяч, он истинный тулпар.
Отмщенья близок час, готовься же в дорогу,
Покажем хану мы его бесценный дар...»

Вот ночь пришла. В седле сидят они вдвоем.
Горит костер зари мучительным огнем,
Старуха и слепец несутся на тулпаре.
Суда и мести день был сорок первым днем.

Хан странствовал в горах, свой объезжая край.
Его с джигитами услышав, Толубай
Сказал: «Великий хан, спасибо за лошадку!
Ну, на тулпарах нас попробуй догоняй!»

Сказал, и вот уже чубарый конь летит
И камни на скаку копытами дробит.
«Джигиты! — хан кричит. — За ним! За ним!
Ловите!» —

И загудел весь дол от топота копыт.

Спокойно за спиной жены сидит знаток
И плетью кожаной коня стегает в бок.
Взлетает в воздух конь. На расстоянье пули,
Земли не трогая, летит. Каков прыжок!

Вот так они неслись, чубарого гоня.
Чубарый стал потеть, и на исходе дня
Решили отдохнуть. Вдруг слышат сзади топот
Летящего им вслед могучего коня.

Взглянув, жена твердит: «Конь — рыжий, как огонь!»
И Толубай в ответ: «То лучший ханский конь!
Да, трудно ускакать от скакуна такого,
Он мчится, словно вихрь, он создан для погонь.

Но мне его порок единственный знаком, —
Сейчас с дороги мы наезженной свернем
На горную тропу, где что ни шаг, то камень.
Он не догонит нас. Среди камней он хром».

Понятлив и умен, послушен их словам,
Чубарый, как стрела, помчался по камням,
А рыжий посмотрел, на месте завертелся
И шагу не шагнул, заносчив и упрям.

Чубарый поскакал, копытами звеня.
Опять он стал потеть. Вновь на исходе дня
Решили отдохнуть. Вдруг слышат сзади топот
Летящего им вслед могучего коня.

Взглянув, жена твердит: «Опять, старик, беда!
Какой-то серый конь несется к нам сюда».
«Прекрасный ханский конь по имени Обжора, —
Сказал знаток. — Он всех перегонял всегда.

Не знаю, есть ли в нем хотя б один порок.
Какая мощь ума, какая резвость ног!
Нет, камни на пути его не остановят,
Он может нас догнать, скача и без дорог.

Да, серый — славный конь, прекрасный жеребец.
Но как любил хвалу его гнедой отец!
Услышит похвалу — и уж бежать не может.
Что, если сын в отца? Тогда ему конец».

Коня остановив, он вылез из седла,
В траву на землю лег, и с ним жена легла.
Чубарый, серого почуя приближенье,
Копытом землю бил и пенил удила.

Вот мчится серый конь, весь в мыле, весь в пыли,
Едва касается копытами земли,
Откормлен и силен,— Обжорою недаром
У хана конюхи такого нарекли.

Старик слегка привстал, и щедрой лестью слов
Обжору встретил он: «Обжора, будь здоров!
Как быстро ты бежишь! Ты мчишься, словно ветер!
Какое! Где ему! Быстрее всех ветров!

О благородный скот! Ты с головы до ног
Сияешь, как заря, прекрасен, как цветок,
Постой и выслушай...» — Обжора, упоенный,
В восторге захромал и уж бежать не мог.

Вскричал старик: «Жена, со мной в седло садись!
А ты,— коню сказал,— как вихрь степной, несись!»
Они в седле. Летят. Озера, реки, горы
От быстроты такой в глазах жены слились.

И молвил Толубай: «Мы облетим весь свет,
Всю землю обовьет наш лучезарный след.
Когда тулпар летит — его не остановишь.
Когда тулпар летит — в полете смерти нет.

Да, знал я толк в конях, но не был оценен,
Награду заслужил, но не был награжден.
Глаза мои, глаза! Каких коней растил я!
И вот я за труды тираном ослеплен.

Не я слепец, а хан. Течет времен поток,
И сгинет жадный хан, коварен и жесток,
Народ возьмет коней, и молодое племя
Воскликнет обо мне: «Вот это был знаток!»

Вперед, крылатый конь, неутомимый мой!
Летим сквозь ясный день, летим сквозь мрак ночной!
О нет, не для себя ищу я вечной славы,
А только для тебя, народ родимый мой!..»

26 ноября 1944
Койсары

271. БОРЬБА ХАРАКТЕРОВ

Задолго до великих перемен
В глухом краю, где травы до колен,
Случилось то событие, о котором
Поведал нам седой Кула-мерген.

Межгорье, где обрыв скалист и крут,
Долиною Колтер в горах зовут.
Для живности клыкастой и когтистой
В густых лесах приволье и приют.

Соскучившись без дела как-то вдруг
И взяв с собою дальнобойный лук,
Кула, охотник девяностолетний,
Привел наследника на этот луг.

Надумал сына обучить Кула
(Такая мысль давно уже была)
Премудрости охотничьей, покуда
Глаз соколиных не застлала мгла.

Сказал Кула: «Стой здесь и будь готов,
Там — множество архаров и козлов,
Я пригоню их к этому угору,
А ты стреляй, едва услышишь зов!»

Едва он это слово произнес,—
И полетел — с утеса на утес —
Помчался удивительный охотник,
Как будто некий вихрь его понес...

И вот растаял утренний туман.
И вывел сына из кустов кабан —
Остры клыки, они ножам подобны...
Сейчас урок охоты будет дан.

Вдруг расступился медленно тростник,
И пестрошкурый барс в тот миг возник,
Окинул дол кровавыми глазами,
Пошел, рыча, ощеривая клык.

Вдруг скалы задрожали и леса,
Вокруг загрохотали небеса,—
Примчался в тучах беркут с гордым сыном —
Рванулась черной тени полоса.

У всякого живого существа
Детеныш есть, и жажда торжества
Над прочими, и право на добычу,
Желанье силой подтвердить права.

В свидетельницы взять бы я хотел
Долину благодатную Колтер,
Пусть будет поученьем молодежи
Живое описание грозных дел.

Мергена сын — в засаде у реки,
И молодой секач, пригнув клыки,
Пошел, почуяв запах человечесий,
Чтоб разорвать пришельца на куски.

И тут, нарочно или просто так,
Но молодому барсу подал знак
Его отец... От одного удара
Секач свалился наземь и обмяк.

Сын барса важно вышел на бугор.
Увидел мальчик властелина гор
В каких-то двух шагах! И, полон страха,
Не целясь, быстро выстрелил в упор!

Но старый барс, от ярости рыча
И землю взрыв когтями сгоряча,
Мстя за свое дитя, схватил мальчишку
И разорвал от паха до плеча.

Тут прибежал, слышав крик и вой,
Кула, гоня козлов перед собой,
Глядит — и явь страшнее сновиденья...
Над мертвою склонился головой.

Пока убийца ноги не унес,
Охотник наш, не утирая слез,
Прицелился и выстрелил... Промазал!..
Но барс разбился — грудью об утес...

Он прыгнул сам с обрыва в горький час —
Так мертвый сын несчастного потряс...
Был потрясен и горестный охотник:
В тот день он промахнулся в первый раз.

А выжидавший за кустом кабан,
Который видел бой и столько ран,
Пошел на старика неотвратимо,
Тяжелой жаждой мести обуян.

Но тут раздался клекота распев.
Как будто человека пожалев,
Из поднебесья мощный беркут прынул —
На кабана обрушил юный гнев —

В загривок когти цепкие вонзил,
Другую лапой деревце схватил...
Кабан рванулся — кто его удержит? —
И пополам разорван беркут был.

Но через миг настал отмщенья срок,
И старый беркут, сжавшийся в комок,
Убийцу сына подцепил когтями
И вскинул в небо, за собой увлек.

Он поднимался в синий океан,
Рыдало солнце, глухо выл буран...
Разжались когти над скалистым гребнем,
На камни острые упал кабан.

Был старый беркут грозной местью сыт,
Доволен тем, что кровный враг убит,
Но, вспомнив о погибшем юном сыне,
Ударился он грудью о гранит.

Кула-мерген, усталый, сбившись с ног,
Домой добычу еле отволок...
Старик недолго тосковал о сыне,
Но промаха простить себе не мог.

27 ноября 1944
Койсары

272. КУЛУЙПА

В краю, где ручьи не смолкают на миг,
Где в даль лебединый уносится крик,
Средь горной долины есть тихий аил,
Он назван людьми «Серебристый родник».

Два месяца здесь довелось мне прожить,
Но долго я буду их в сердце хранить...
Стройна, черноглаза была Кулуйпа,
А я был Меджнун, обреченный любить.

Казалось, любви не бывало сильней,
Как пьяный бродил я среди диких камней,
И прямо ей тайну не в силах открыть,
Письмо написал я любимой своей:

«Моя Кулуйпа, моей жизни заря,
Ты — счастье мое, грусть и нежность моя!
Дай руку, и в облаке мы шелковистом
В далекие вместе умчимся края...»

Ответ ожидая, я был как во сне,
И он прозвучал, точно гром в тишине:
«Простите, но счастье мое очень близко —
Сегодня любимый вернется ко мне!

Мы с вами друзья, не смотрите сурово,
Всё в доме моем к этой встрече готово.
Я милому верность хранить обещала,
И, чтоб ни случилось, сдержу свое слово!»

Такой вот ответ был мне девушкой дан.
Смешалась душа, пред глазами — туман.
Был суженый милой три года на фронте
И едет домой, излечившись от ран...

То дрожь меня била, то жег меня стыд,
Казалось тогда, что и сам я убит.
Не помню, как к дому ее я добрался,
Приняв равнодушно-скупающий вид.

А дом был украшен, готовы дары,
Весь двор застилала узором ковры,
В смятении были родня и соседи —
Никто ведь про гостя не знал до поры!

Но вот бубенцы зазвенели вдали,
И все увидали в дорожной пыли
Коляску джигитов, поющих, хмельных,
Галопом их кони к аилу несли.

Пока еще цокот копыт не затих,
Подружки невесты в нарядах цветных
Растерянной матери тихо шепнули:
«С войны Кулуйпы возвратился жених!»

Не ведали люди, не ведала мать,
Кого им сегодня придется встречать.
Как молния радость в глазах материнских,
И слезы, которых ничем не унять...

Улыбками сразу толпа расцвела,
А юный джигит звонко крикнул с седла:
«Скажите нам, люди, где дом Кулуйпы?»
— «Да вот он, скачите, скачите сюда!»

И вот наступила для встречи пора.
Возничий коней осадил у двора,
И тут же толпа обступила гостей,
И старый и малый их ждали с утра.

Два рослых джигита в поту и пыли
К коляске с обеих сторон подошли,
И за руки взяв жениха осторожно,
К невесте по древним коврам повели.

Войною кровавой он не был убит,
Но пламя ее никого не щадит.
Его опалило то пламя навечно —
Был слеп подошедший к невесте джигит.

Свой взор подняла на него Кулуйпа,
И разом притихла людская толпа.
В глазах жениха была скорбная ночь,
Цветы их навеки закрыла судьба...

Но участью не был он сломлен своей.
В толпе молчаливо стоящих людей
Он взглядом незрячим невесту нашел
И тихо сказал, обращаясь лишь к ней:

«Я солнцем когда-то казался себе,
Я был как цветок, что тянулся к тебе,
Но слишком, наверно, был ярост тот свет,
Пришло теперь время побыть и во тьме...

Глаза потерял я в смертельном бою,
Пред бездной стоял я на самом краю,
И в час, когда силы меня оставляли,
Я вспомнил про клятву — твою и мою.

Прошел я все схватки, ей верность храня,
Ведь мы не боялись грядущего дня...
Я не был в родительском доме еще,
Ты первой встречаешь такого меня!

Не вижу ни солнца, ни звезд над собой,
Не вижу тебя, всё окутано тьмой...
Ответь же мне честно, как с клятвою быть?
Последнее слово теперь за тобой».

Закончив, седую отбросил он прядь
И молча ответа любимой стал ждать.
Молчали и люди. Бывает порой:
Утешить нельзя, и нельзя сострадать.

Был мокрым от слез у невесты платок,
А в черных зрачках притаился упрек —
В письме, что недавно она получила,
О горе любимого не было строк...

Но скоро исчезли слезинки из глаз,
И речь её точно родник полилась:
«Три года ждала я счастливого дня,
Судьба всё решила, любимый, за нас...

Поверь, что не нужно мне доли иной,
Ты радость вернул мне, ты снова со мной!
Нет в ранах позора, в них доблесть и честь,
Одна лишь война всем страданьям виной.

Змее, что тебя укусила, не жить!
Сильнее, чем прежде, я буду любить.
Не сможет она нас с тобой разлучить,
И каждым днем счастья я буду ей мстить!»

Расправились плечи джигита-бойца,
Бескровная бледность исчезла с лица.
«Спасибо тебе за надежду, за жизнь,
Но мы не спросили ни мать, ни отца...»

Тут все на родню посмотрели опять.
Растерян отец и заплакана мать...
Одна у них дочь, как же можно слепцу
Такую красавицу в жены отдать?!

«Верни, Кулуйпа, в нашу душу покой,
Вы стали другие, и мир стал другой...
Как матери, пусть мне ответит джигит:
На что он годится, что может такой?..»

Морщинка у парня на лбу собралась.
«Хоть мы и другие, не бойтесь за нас.
Ослепший, добро я от зла отличаю,
Где правда, где ложь — разберусь и без глаз!»

Но что материнскому сердцу слова!
Пред ним и любовь не бывает права.
«Отец, не молчи, образумь нашу дочь,
Не даст ведь житья нам людская молва!»

Взглянув на жену, дал старик ей ответ:
«Узнай человека, таков мой совет...
От тех, кто искал на земле справедливость,
Бесстрашные львята рождались на свет!

Джигит! В твоём слове слышна правота.
Любого уменья ценней доброта...
Живите же счастливо, с правдой в согласьи,
Да сбудется ваша любая мечта!»

И кинулись люди — как здесь устоять?! —
Стоявших в дверях молодых обнимать...
Два дня и две ночи гулял весь аил,
Там славно умели и петь, и плясать...

Шло время, и как-то в сумятице дней
Я вспомнил про ту, что не стала моей,
И понял я вдруг, что с тех пор Кулуйпа
Меня так и держит во власти своей.

Я встретил её, попросил извинить.
«Письмо вы моё не смогли б возвратить?»
Она улыбнулась светло и лукаво:
«Письмо это мне, мне его и хранить...»

В краю, где ручьи не смолкают на миг,
Где в даль лебединый уносится крик,
Средь горной долины есть тихий аил,
Он назван людьми «Серебристый родник».

Два месяца здесь довелось мне прожить,
Но долго я буду их в сердце хранить.
Стройна, черноглаза была Кулуйпа,
А я был Меджнун, обреченный любить...

*16 декабря 1944
Койсары*

273. КТО ЭТО?

Землею щедрой наш аил гордится.
Горит червонным золотом пшеница.
На засуху отважно ополчась,
Блестящая вода в арыках мчится.
Лежит на горном склоне наш аил,
Парной молочный дух из юрт струится.

Есть девушка у нас... Красною стана
Сходна с цветком, как цвет благоуханна,
Улыбки не дарила никогда
Джигитам, чьим сердцам была желанна,
И потому, хотя звалась Сонум,
Ее прозвали в шутку Несмеяна.

Есть парень Бактыбек у нас в аиле.
Он никому в пригожестве и силе
Не уступал, но был застенчив, тих,
Двух слов не скажет, сколько б ни просили,
И кличкой Незаметный — Баркалбас —
Его в аиле нашем наградили.

Случилось так (здесь места нет обману):
Влюбился Незаметный в Несмеяну,
С нее очей не сводит и молчит...
И вот ответ: «Я на тебя не гляну!
Предсельсовета получил отказ,
Тебе ж подавно я женой не стану...»

И кажется, не минуло недели,
Как весть пришла: враги в родном пределе!

И волны гнева родины моей,
Как волны Иссык-Куля, загудели.
Сел Баркалбас на верного коня,—
На правый бой джигиты полетели.

С вершин тянуло холодком рассветным,
Колхозницы, прощаясь с Незаметным,
Посмеивались: «Баркалбас, гляди,
Героем возвратишься ты всесветным!»
Но Баркалбас был в думу погружен...
Смеяться так легко над безответным!

О нет, не безответный он, поверьте!
Вы поле боя под Москвой измерьте.
На этом поле должен встретить он
Колонну танков, силу зла и смерти.
Как сказочные витязи, стоят
Деревья, голубой касаясь тверди.

А наши храбрецы, одеты в пламя,
Не зная сна, сражаются с врагами.
Весы свои, что тоньше волоска,
Смерть ставит между немцами и нами,—
Но к родине сыновняя любовь,
Незримая, витает над бойцами.

Врага выматывая и сметая,
Мужала в битвах армия родная.
И гвардия родилась под Москвой,
Надежду в сердце родины вселяя.
В чащобах подмосковных обрела
Бессмертие гвардейская Восьмая.

У брата русского — достойный младший
Любимый брат, кипучий и горячий,
Шлет Киргизстан подарки храбрецам
Один другого краше и богаче.
Оружье шлет на фронт и письма шлет,
Желая в каждом боевой удачи.

Отправила письмо и Несмеяна
На почту полевую, безымянно.

С письмом посылку, а в посылке — мед,
Вино, кишмиш, махорки два стакана
И шелковый платок... Такой платок,
Что бросишь взгляд — и сердце будет пьяно!

Он силу придает, как сорок чарок,
Узор его горит, как пламя жарок:
«Тому, кто всех отважней и сильней,
Я посылаю скромный свой подарок.
Захочешь ты — соединим пути,
И общий путь — как солнце — будет ярок».

Настала ночь. Не удивясь нимало,
Она героя в блиндаже застала.
Смеясь, Панфилов смотрит на платок:
«Как хорошо киргизка написала!
Пришлите Асланбекова ко мне!»
И тот вошел в землянку генерала

И отдал честь, в глаза взглянув открыто,
И руку закаленную джигита
Пожал Панфилов и сказал: «Возьми!
Вчера прогнал ты танки знаменито,
А завтра бей врага еще сильней.
Подарок нежен,— ты воюй сердито...»

Сидит боец, не отрывая взора
От яркого, искусного узора.
Читает задушевные слова,—
И кажется, что выпил он озера
Бессмертия, что вновь на свет рожден,
Что он могуч, отечества опора,
Что может до небес достать рукою,
Что может землю повернуть другою...
Он адрес на конверте перечел,
Строка бежит за ровною строкою:
«Колхоз Кекбель, в аиле Каинды,
Сонум...» Сонум! Прекрасное какое
Девичье имя! Но стой: зовется
И мой колхоз Кекбелем, и, сдается,
Я тоже из аила Каинды!
Но кто эта Сонум? Оно поется,
Как песня, это имя! Кто она? —
Боец не знает, только сердце бьется.

Боец прижал ладонь к горячим векам...
Он был не кем иным, как Бактыбеком,
Тем самым незаметным пареньком,
Что в армии стал знатным человеком,
Кто шел навстречу бурям и врагам,
Снегам навстречу и навстречу рекам,

Кого отвергла та, что не смеялась,
Кому теперь ответить полагалось.
И незнакомке пишет он ответ,
Стихами пишет, поднатужась малость:
«Благодарю за шелковый платок,
Он прислан мне, чтоб легче мне дышалось.

Я буду с ним всегда вступать в беседу.
Я с ним пойду и одержу победу.
До вражьего гнезда я с ним дойду,
А не дойду — я передам соседу,
Товарищу я передам платок, —
Но жди меня, родная: я приеду».

Пришла однажды с поля Несмеяна,
А вместе с ней письмо пришло нежданно,
И подпись: «Асланбеков Бактыбек».
И было то письмо благоуханно,
Хотя пропахло дымом и огнем,
Солдатским хлебом, жаром жизни бранной.

Шептала, вновь и вновь письмо читая:
«„Приеду я, но жди меня, родная...“
Как звучно это имя: „Бактыбек!“
Но кто это? Из нашего ли края?..»
Прошло три года. Двигалась война
На запад, мир и правду возвещая.

Освободителями нас по праву
Звала Европа. Гнали мы ораву
Фашистскую всё дальше на закат.
Освободили Будапешт, Варшаву,
И было нам два жребия дано:
Со славой лечь иль жить, познавши славу.

Лишь храбрый этой участи достоин:
На поле боя умереть как воин.

И, благодарный, чтит родной народ
Могилу, где отважный упокоен.
Как вечность, рядом с ней бежит река,
И берегов напев могуч и строен...

В раненьях Бактыбеку нет отказа.
Щадила смерть его четыре раза.
Он в госпитале провалялся год;
Там время льется медленней рассказа.
«Хочу опять на фронт». — «На фронт нельзя.
Езжай домой, не нарушай приказа».

Летит зима, летит, как лебедь белый.
Домой вернулся воин ослабелый.
Старухи собрались и старики,
Готовят чай и хлеб румяный, спелый
И шепчутся: «Безрукий да хромой».
И шутят все: «Назад вернулся целый!»

Как хороша ты, жизнь в родном аиле!
Фронтовика такой бузой поили,
Что гору повалить она могла б!
Такою вкусной колбасой кормили,
За две недели воин так окреп,
Что собственной дивился новой силе!

Наутро встал он и, отведав плова,
На скакуна уселся вороного:
Он к той, что не смеялась, поскакал.
Простому сердцу не забыть былого,
Оно дрожит и скачет, как скакун:
Как встретятся? Какое скажут слово?

Стучится в дверь единственной рукою
И видит Несмеяну пред собою.
Она с приветом встретила его.
А на почетном месте, за спиною
Держа подушку, некий гость сидел...
«Увы, когда я сердце успокою?»

Кто этот гость? Жених ее, пожалуй.
А ничего не скажешь — статный малый...»
Так Бактыбек подумал про себя.

Сказал: «Не изменилась ты нимало.
Опять жених? Кто он такой, скажи?»
А Несмеяна: «Ты узнай сначала

Мою другую тайну. Дни за днями
Я жду того, кто стал моими снами.
Не видела его я никогда.
Он — мой батыр, он борется с врагами.
Увянет он — я жить не захочу,
Я вырву жизни дерево с корнями!»

А Бактыбек: «Всё так же, Несмеяна,
Ты своевольна, в чванстве постоянна,
По-прежнему не любишь ты меня,
По-прежнему джигитам ты желанна.
Я вечно буду помнить твой отказ,
Не зажила, не скрою, эта рана.

Но всё же оплачу тебе отчасти.
И я узнал, каким бывает счастье.
Верблюдоокою не видел я,
Но с нею одолеем все напасти.
В ней нет и доли грубости твоей,
Она нежна, она — само участие,

Не схожа с несмеющейся, с тобою,
Порой серьезна, весела порою,
И душу звонкий смех ее пьянит.
Кто с ней знаком, тот незнаком с бедою.
Как разыскать мне милую мою?
Отправишься на поиски со мною?»

И Несмеяна: «Баркалбас, как другу
Доверился ты мне, и я услугу
Тебе готова оказать как друг.
Скажи мне, как зовут твою подругу?
Где дом ее? Я вижу: взор твой чист,—
Он устремился к северу иль к югу?»
«В груди моей,— сказал он,— сердцу тесно.
Любимая моя мне неизвестна,
Хотя в аиле нашем дом ее.
Зовут ее Сонум. Платок чудесный
Она на фронт прислала. И вручил
Сам генерал мне тот подарок лестный».

Тут задрожала та, что не смеялась,
Как брага пенная, заволновалась:
«Не лги, не лги! Ты, что ли, тот батыр,
Кому послание предназначалось?
Кому Панфилов сам вручил платок?
Джигит, признайся: прихвастнул ты малость!
Ты хочешь обмануть меня? Напрасно:
Лишь Бактыбека я любить согласна!»
Подумал Бактыбек: «Какая чушь!
В любви мне признается громогласно,
Меня ж ругая!.. Что же, расскажу,
Как было то, что было так прекрасно».

И начал он: «В один денек студень
В расположенье нашей обороны
Прорвались танки. Крикнул командир:
„Огонь по центру вражеской колонны!“
Даем огонь. Как вдруг — глядим: на нас
Четыре танка мчатся испуганно,
С предельной скоростью. Держа гранаты,
Мы в ямах залегли. Один, проклятый,
Приблизился — и тотчас запылал.
За ним — другие два. „Где ни была ты,
О молодость моя! — подумал я
И под четвертым лег, землей прижатый,—
Пусть я умру, но истреблю сначала
Четвертый танк!“ Душа моя пылала,
Но танк в испуге повернул назад.
Фашисты разбежались как попало.
Я на другое утро заслужил
Подарок и спасибо генерала».

И расстегнул боец крючки шинели,
(А на груди награды заблестели),
И вынул из кармана он платок.
Скорее он достичь не мог бы цели,—
Сказала Несмеяна наконец:
«Я вижу, ты батыр на самом деле,
Но все же правду я узнать желаю.
Сонум — подруга мне. Я твердо знаю,
Что с нею в переписке Бактыбек,
Что с честью служит он родному краю,
А ты — ты Баркалбас. Иль подвиг твой
Присвоил Бактыбек? Не понимаю!»

Воскликнул Бактыбек: «Моей желанной
Я расскажу об этой кличке странной.
Меня прозвали в шутку Баркалбас,
Я Бактыбек, клянусь я честью бранной!»
Воскликнула Сонум: «А я Сонум,
Меня прозвали в шутку Несмеяной!»

...Я был на свадьбе. Юность разгулялась,
Кипело мясо, брага разливалась,—
То было в День Победы. Светлый пир
Звенел в горах, и песня раздавалась.
Заметным незаметный стал джигит,
И несмеющаяся засмеялась.

10 января 1945

Койсары

274. КАРАГУЛ

Как кобылицу, потерявшую жеребенка, о горе мое,
Ты ушел, заставив меня горевать, сын мой Карагул.
Как верблюдицу, потерявшую верблюжонка, о горе мое,
Ты ушел, заставив меня рыдать, сын мой Карагул,
О Карагул, о верблюжонок мой...

(Из плача по Карагулу)

Он чуял дичь, едва в кустах чуть-чуть
Пошевелится зверь какой-нибудь.
По следу шел... О ранах и ушибах
В рассказах не спешил упомянуть.

И, никогда не упуская дичь,
Он издавал победный звонкий клич,
А если падал, то молчал об этом,
Спешил добычу новую настичь.

Дивишься, как поет о нем акын,—
И вымыслы подобны былям... Сын
Высоких гор, он был горяч, как ветер,
Любил бродить в родных горах один.

В народе славен зверобой Тумаш,
Навеки край его запомнил наш...
Баранину отведывал нечасто,
А шел за дичью через горный кряж.

Да, высоко паслись его стада,
Не забредут ни вор, ни волк туда...
Тумаш питался мясом кайберенов,
Бараниной пренебрегал всегда.

А если гость к нему приедет, вмиг
Охотник брал ружье, уж так привык,
И уходил... Котел разогрела
Жена, промолвив: «Будет нам кийик!»

И вправду, скоро приходил назад
Хозяин, словно от богатых стад,
Седло завьючив тушами архаров...
Гость уставал от мяса, сном объят.

Был бодр Тумаш, и в восемьдесят пять
Не потеснила старость и на пядь...
И удалось лишь девяти десяткам
Сломить большое тело и сковать.

Ходить по взгорьям стало нелегко...
Он горевал: «Эх, нет шести онко!
Не дотянул... Всего пять с половиной...» —
Согнувшись над очажным огоньком.

А Карагул, наследник диких стад,
Что был душе усладой из услад,—
Еще бездумный, озорной мальчишка,
Похожий на строптивых жеребят.

Отцом был избалован Карагул,
Любимцем был отцовым Карагул.
Тумаш о сыне помнил и ни разу
Не промахнулся, дня не отдохнул.

Охотник жил в аиле Кок-Кудур.
Однажды в юрту из косульих шкур
Ворвался Карагул, почти что плача,
Обижен чем-то, удручен и хмур:

«Счет альчикам моим свела сестра.
Две тысячи... Какая ж тут игра!
Карым с Эсеном закричали «мало!»,
Теперь меня задразнит детвора.

Две тысячи! А почему не три?!
Мне до утра остаток добери!»
Не смея сыну отказать, охотник
Собрался в путь задолго до зари.

И стал в низинах, не жалея пуль,
Десятками уничтожать косуль.
Стрелял в упор,— и гордый тур на склоне
Валился на бок, словно мягкий куль.

Палил до помрачения ума,
Окрасил грудь не одного холма

Невинной кровью жертв и не заметил,
Что стены скал крылом накрыла тьма.

Вдруг слышит: листья палые шуршат...
Пересекая каменистый скат,
Бежит стремглав косуля с косуленком...
В стволе ружья последний был заряд.

Почуяв злобный человечесий взор,
Косуля-мать, судьбе наперекор,
Собой прикрыла сына, но охотник
В детеныша прицелился в упор.

Стреляет... От него спасенья нет.
В крови — козленок. Меркнет белый свет...
Мать убежала в черную пещеру,
Тумаш туда ворвался ей вослед.

Но там светло, как днем... Кричит, строга,
Хозяйка дома, старая карга:
«Злодей Тумаш, убил бы лучше сына!»
Косулю заслонила от врага.

Несмело поздоровался стрелок...
«Садись, будь гостем, видно, ты продрог!»
Ему старуха в чаше из копыта
Айран подносит... «Выпей-ка глоток!»

Подумал он: «Да, больше ты не дашь!»
Глотнул и раз, и два, и три Тумаш,
И много раз, а чаша не пустеет,
Всё полнится — и пьян охотник наш.

Испуганно взвились нетопыри...
Старуха говорит: «Стрелок, смотри
Побереги сыночка Карагула,
Ружья отныне в руки не бери!

Пусть в альчики твой не играет сын,
И шубы пусть не надевает сын
Из шкур кийиков...» Сгинула старуха,
Тумаш, очнувшись, видит: он один.

Капризничает Карагул опять:
«Три тысячи? Хочу не три, а пять!»
Льет слезы сын... Привык всего помногу,
Как и отец, иметь и добывать.

Вот — повод жажду утолить свою...
Тумаш-охотник ринулся к ружью
И поспешил в знакомое ущелье...
Всегда удачлив был он в том краю.

Забыв заклятье, улетел стрелой...
Жена, припомнив о колдунье злой,—
«Ты принесешь беду»,— сказала сыну
И альчики уносит с глаз долой.

Перевалив туманную гряду,
Оглядывая склоны на ходу,
Спешил Тумаш... И, не найдя добычи,
Стал горько проклинать свою беду.

Он прыгал через пропасти провал,
Взбирался на зубцы отвесных скал.
Но — тихо, словно вымерли все звери...
Не видел цели, сколько ни искал.

Рычал, до боли закусив губу,
Как барс, ярился, злился на судьбу,
По жертве так ружье истосковалось,
Что кажется, само начнет стрельбу.

Истосковалось или нет — как быть?
К чему и зоркость и любая прыть?
Чредуется удача с неудачей,
Того, чего уж нет, не раздобыть.

Так не попался ни один кийик...
Со дня рожденья не видал старик
Такой беды... Ружье с размаху — оземь,
На камень сел и горестно поник.

А мальчик неотступно просит мать:
«Позволь, я буду в альчики играть,
Достань их, мама, ну, достань скорее!» —
Ласкается, упрямится опять.

А мать ему: «Мой мальчик, нет и нет!
Сын, данный богом через столько лет,
Нас Кайберен жестоко покарает,
Да сгинут эти альчики, мой свет!»

Он стал ногами топать и шуметь,
И мать взялась в отчаянье за плеть,
Побила сына милого впервые
И закричала: «Так не делай впредь!»

Ни кнут не помогает, ни посул...
Надел косулю шубу Карагул,
Пошел к дороге, вполз в густой
пустырник,
Стер слезы, губы горестно надул.

«Пусть мать меня поищет,— думал он.—
Придет, прося прощенья, на поклон!»
Мы знаем, быстро засыпают дети,
И вскоре веки тронул сладкий сон.

Лишь к ночи горемычный наш стрелок
Опомниться от неудачи смог,
Поплелся неохотно и понуро
К себе домой через широкий лог.

Бредет он, сам с собою говоря...
Вдруг шевельнулись листья купыря.
«Моя добыча!..» На спине косули
Мелькнули пятна, звездами горя.

«Вернуться без кийика? Что за стыд!
Такого срама не снесет джигит.
Давным-давно с ружьем я подружился,
Оно в моих руках не задрожит!»

Он запалил фитиль, нажал курок,
Помчался вслед за пулей через лог...
«Атакебай!» — раздался вопль «косули»...
Убийца закричал в ответ: «Сынок!»

Простер к Тумашу руки Азезил,
Когтями сердце бедное пронзил.
И месяц вдруг померк, земля качнулась...
Охотник сына милого убил.

«Узнай теперь, как дорого дитя!
Охотник, вспомни, я ведь не шутя
Тебя предупреждала... Вот возмездье
За то, что нам ты не давал житья!»

Сказавши так, исчезла Кайберен...
О бранный мир, необоримый тлен!
«О боже, сделай это сновиденьем!» —
Воззвал Тумаш, пытаясь встать с колен.

Но ясен день, всё это — явь, не сон,
Мир потемнел, сдавил со всех сторон...
Верблюдица о милом верблюжонке
Так не грустит, как горько плакал он.

Нет сына, и не стало больше сил...
В отчаянье весь мир заголосил.
О, как жестоко повеленье рока,
Единственного сына он скосил!

Своей беде не веря, день за днем
Старик о сыне горевал своим...
Не расцвести подсеченной чинаре,
Коль смерть побег отметила огнем.

Слепая боль пронзила грудь насквозь.
И в ней глухое горе разрослось.
Ослепла мать, растерзанная горем,
Тут сразу всё пошло и вкривь и вкось.

Так тяжело стало в доме жить пустом,
Скрутило одиночество жгутом,
Тумаш стал желт и поседел от горя,
Пять лет в постели пролежал пластом...

«Да, смерть сильна, недаром говорят!
Сильней меня... Но жизнь сильнее стократ,
Смиришься — тяжесть новую навалит,
Мужайся — превозможешь боль утрат!»

Покинув ложе, взял Тумаш свое
Прославленное белое ружье,
Воскликнул: «Где ты, Кайберен-злодейка?» —
Решил для мести разыскать ее.

Но победил неумолимый рок —
Не стало сил, и отомстить не смог
Старик Тумаш... Но плач о Карагуле
Народ в своих сказаниях сберег.

23 января 1945
Койсары

275. ВОСКРЕСШИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Взвивая вихрем годы, словно сор,
Свистя камчой, топча степной простор,
Кидаясь жизнями людскими всеми,
В болота превращая выси гор,
Будя умы, куда ты скачешь, Время,
Куда несешься ты во весь опор?..

Туманом застилая даль веков
И осушая слезы бедняков,
В грядущее дороги указуя,
Как луч, пробившийся из облаков,
Ты, богатырь, торишь тропу земную,
Твой путь, о Время, разве не таков?..

С тобой в сравненье тих морской прибой,
Молчит в смиренье ураган слепой,
Крылатый конь, что всех быстрее на свете,
Не мерится с тобою быстротой,
И только мы, страны Советской дети,
Мы — повод в повод — мчимся вдаль с тобой!

Мы знаем, Время, ты ведешь всех нас
В долину счастья, праздника для глаз,
Где будут на пол стлать потомки наши
Сорокаслойный блещущий атлас...
Кто вправе жить достойнее и краше,
Чем внуки тех, кто трудится сейчас?!

Так мчись, о Время! Вскачь лети туда,
Где счастья животворная вода
Плеснет на смерть, и раньше или позже
Смерть, зачадив, погаснет навсегда...

Но, оглядываясь, над тем посмейся всё же,
Что приключалось в прежние года.

...В Кара-Киясе первый случай был.
Хорош, богат колхозный тот аил,
В котором чуть не совершились беды...
Ошибка ль, глупость этому виной?..
В тот день великий праздник в честь
Победы
Справлял народ, от радости шальной.

В колхозе вспоминают: Мерезбек,
Тот, что мрачнее тучи был весь век,
Рожденье сына без улыбки встретил,
Вскочив, пустился по колхозу в бег,
«Конец войне!» — кричал, как солнце
светел,
И хохотал — угрюмый человек!

А Саранкул — из всех скупцов скупаец! —
Что для друзей не только там овец,
А мыши пожалел бы половину,—
Услышав, что войне пришел конец,
Зарезал ярочку и крикнул сыну:
— «Зови гостей на бешбармак, малец!»

Джене, что с деверем была на «вы»,
Аке, не подымавший головы
Вчера пред младшею снохой своею,
Сегодня пляшут в зелени листвы,
Смеются, друг пред другом не робея,
Сегодня все добры, дружны, резвы!..

Конец войне!.. Довольно слез и мук!
К нам птица Счастья возвратилась вдруг,
Скакун Добра, в чьей гриве птичьи перья,
Веселым ржаньем оглашает луг.
Примолкла Злоба, вновь пришло Доверье.
К жене вернется муж, а к другу — друг.

Кто получил известье от сынка,
Тот весел, у того душа легка...
«Налей-ка беленькой! Хлебнем все
вместе!..»

Старик подбадривает старика...
А получивший черное известье
Молчит и слезы льет исподтишка...

Освободясь от тягостных оков,
Струится жизнь меж прежних берегов.
Зажглись огни. Пути для всех открыты.
И, словно птицы из чужих краев,
К востоку с запада спешат джигиты,
Слетаются опять под отчий кров.

Слетаются... Пируют день-деньской.
Бурлит кумыс. Буза течет рекой.
Конина в казанах шипит, вскипая.
Предела нет у радости людской!
Под крылышко берет земля родная
Всех тех, кто исходил по ней тоской.

В тот светлый день домой, в родной аил,
И Сукентай Султангазы спешил,
От нетерпенья трепеща: «Опять я
Жену увижу... Всех, кто сердцу мил...»
...Ночь. Никого на станции... Объятъя
Лишь старый Ала-Тоо пред ним раскрыл.

«Никто встречать не вышел... Почему?
Могли бы знать по моему письму,
Что должен я приехать в эту ночьку...
Открытка затерялась?.. Не пойму!..» —
Султангазы подумал... В одиночку
Пошел бедняга к дому своему.

Родной колхоз, по счастью, недалек.
И, перепрыгнув через ручеек,
Суке вдохнул знакомый запах дыма.
Домой, домой со всех он мчится ног...
Отца и мать, лицо жены любимой
Представил он, взбегая на порог.

Пригладил волосы свои джигит...
«Спокойней! — сам себе он говорит.—
Сейчас увидишь всех родных воочью...»
Темно в оконцах... Плотно вход закрыт.

«Конечно, спят... Что делать людям
ночью?..»
Тук-тук... тук-тук — он громко в дверь
стучит.

Тук-тук... «Кто первый выйдет открывать?..
Старик отец?.. Да нет, наверно, мать!..
А может... может, Джаркынгуль, по
счастью?..
Ведь мы с ней жили голубкам под стать,
В любви, и в уваженье, и в согласье...
Проснись, любимая! Довольно спать!»

Стоит Султангазы у двери, ждет...
Вот чиркнул спичкой... Свет зажгут
вот-вот.
Раздастся голос: «Кто там?»
— «Отвори же!..»
Минута тянется, как долгий год...
«Спокойнее!.. Сейчас я всех увижу.
Сейчас проснется кто-нибудь... Придет...»

Но голосов не слышно в тишине.
Ни шороха. Весь дом — в недвижимом сне.
Спят, спят без просыпу... Да что же это?!
Он заглянул в окно. Темно в окне.
Безлунна ночь. На небе ни просвета.
Темно внутри. Темным-темно извне.

К пустой конюшне он направил путь.
У входа сел: передохнуть чуть-чуть.
«Что приключилось? Поразмыслить надо.
Гостят, быть может, у кого-нибудь?..»
...Повеяло предутренней прохладой.
Сидит Суке. Тоска сжимает грудь.

Но вот порозовело над холмом...
Встал Сукентай... Заглядывает в дом:
Не комната, а мрачная могила.
Безлюдно в доме брошенном, пустом...
И стены голы... Сукентай, унылый,
Побрел к Джапару — в домик за прудом.

«Сукел!.. Дружок!» —

Джапар сердечно рад,
Соседи и родные в дом спешат,
В слезах джигита обнимают...—

«Здравствуй!» —

Султангазы целует всех подряд.
Раскинут дастархан... Готовят яства,
Но о семье Султангазы молчат.

Приносят чашу с ключевой водой
И трижды у Суке над головой
Кружат ее, заботясь о джигите...
— «Плюнь!.. Выплесни! Простись теперь

с бедой!..»

Джапар сказал:

«К отцу Суке спешите.
Мол, Сукентай, ваш сын, пришел живой!..»

Услышав это, просиял Суке.
«Отец мой жив, он здесь, недалеко...
Но что же в доме так темно и сыро?..
А Джаркынгиль?..» Он думает в тоске...
Не трогает его веселье пира,
Стакан вина дрожит в его руке...

Лишь под вечер донесся стук копыт.
«Отец приехал!» — закричал джигит.
И обступили все отца джигита.
«Вон он, сынок!.. Как видишь, не убит!..
Живехонький, здоровый — погляди ты!..»
— «Домой, Суке, поскачем!.. Мать грустит».

«Домой? Куда? — спросил Суке отца.—
Наш старый дом — обитель мертвеца.
Святое место стало нехорошим.
Где цветничок?.. Где наши деревца?
Скажи мне, почему наш дом заброшен?
Мне что-то непонятно до конца».

В смущении потупил взор старик,
И словно онемел его язык.
Султангазы спросил тогда Джапара:
«Что там стряслось у родичей моих?..»

— «Прости меня, сынок! — промолвил
старый.—
Прости нас всех, Суке!.. Наш грех
велик».

Джапар сказал:

«Два года — срок не мал! —
Ты о себе вестей не подавал.
Грустил отец, и мать вздыхала тяжко.
По камешкам гадалщик ей гадал...
Но вот в правление пришла бумажка,
Что ты погиб, сраженный наповал.

Мы это скрыли от твоей семьи.
Размножив фотографии твои,
Мы о тебе, Суке, грустили тайно.
Но весть плохая — как ты ни таи! —
Живуча, легконога чрезвычайно...
Всё разузнали родичи твои.

До крови мать лицо разодрала.
Отец твой... Видишь? Борода бела!..
Жена твоя рыдала, убивалась...
Где столько слез горючих набрала?
Бывало, стонет — даже слушать жалость:
«Погас мой свет! Луна моя зашла!»

Но... минул год... Солгать тебе могу ль?
Зима с весной пришли... Отцвел июль...
И стал ты жертвою измены дикой,
Чьи стрелы ранят метче вражьих пуль...
За недотепу из Орто-Арыка
Нежданно вышла замуж Джаркынгуль.

Подавленные горем и стыдом,
Твои родные бросили свой дом,
И вот отныне в Верхнем Беш-Атыре
Живут, грустя о жребии своем.
Что не случается в подлунном мире?!
Теперь, Суке, ты знаешь обо всем...

В трясину горя ты по грудь залез.
В твою жену, видать, вселился бес.
Но ты джигит... И ты могуч душою.

Иди на жизнь с ружьем наперевес,
И — верю! — счастье ты найдешь большое,
Ведь, Сукентай, из мертвых ты воскрес!»

Суке молчал, подавлен и смущен.
И впрямь, из мертвых возродился он,
Здесь по живому справили поминки!
Жена ушла... Беда со всех сторон.
Но он джигит... Неужто в поединке
Не выстоит, эпохой окрылен?!

Эпоха одевается в атлас,
И дороги ей лучшие из нас.
В ее деснице — книга золотая,
Достойные войдут в нее тотчас...
Но о судьбе дальнейшей Сукентая
Чуть ниже расскажу я без прикрас.

...Несется Время, словно конь лихой...
Перехожу к истории другой.
Она — увы! — при мне происходила,
Мне издавна знаком ее герой.
Молчат об этом деле старожилы...
Кому приятно помнить срам такой?!

Пошел на фронт колхозник Джумадил,
Работою прославивший аил,
Колхоза гордость, честь всего района...
Вдруг кто-то брякнул, кто-то подхватил,
Что он убит, хоть нету похоронной...
И стал родным джигита свет немил.

Как по домам разнесся этот слух?..
Мне говорили, что среди старух
Зыйнат сказала, наша звеньевая,
Как будто раненый какой-то вдруг
О Джумадиле помянул, вздыхая:
«Убит иль ранен он... Одно из двух!»

И вот уж всё селенье говорит:
«Погиб в сраженье Джумадил-джигит».
Язык — будь даже от природы вялый,—
Да зубы вытолкнут, и путь открыт...
Дурная весть рванулась, побежала...
Все стали повторять: «Убит», «Убит».

Неверный слух катился, нарастал,
Как снежный ком, что поначалу — мал.
Заговорили все: «В военкомате
Наш председатель с точностью узнал:
Под высоту Энскую, при взятъе,
Джигит наш бедный смертью храбрых

пал».

Мелькают, как мелькали искони,
То ясные, то пасмурные дни,
То лунные, то грозовые ночи...
Светлей кругом становится, взгляни!..
Но плачут, но стенают что есть мочи
В дому у Джумадиловой родни.

Однако слезы лить нет больше сил,
Есть и у горя свой накал, свой пыл,
Притихла матери печаль святая,
Надрывный плач характер изменил.
В дом старики явились, причитая:
«Ты благороден был, о Джумадил!»

А Время завивает пыль столбом.
Свистя камчой, несется напролом,
За детством юность пробегает мимо,
Все, что прошло, туманным стало сном...
Стремится Время вдаль неудержимо,
И бег его не удержишь нипочем.

Земля стяхнула снега пелену,
Сменило лето юную весну...
От Джумадила нет вестей, как прежде,
Подходит осень... «Сына не верну!
Решил старик отец. — Конец надежде». —
И Джумадилову призвал жену.

«Джене!.. Довольно плакать!.. погоди!
Погиб твой муж, но ты не уходи.
У Джумаке хозяйство неплохое.
Останься здесь и дом его блюди.
Зовись, как ты звалась, — моей снохою.
Нет Джумадила. Есть Асанкельди.

Поступим так, как повелел адат:
Пусть старшего заменит младший брат.
Восполнится потеря хоть отчасти,
Как праведные люди говорят.
Асанкельди в джене отыщет счастье,
И да свершится свадебный обряд!»

Глазами верблюжонка, чуть жива,
Глядит на свекра юная вдова,
Слеза повисла на ее реснице.
И горестно и страшно ей сперва:
Всё ж, видимо, придется подчиниться,
Ведь старый свекор в доме — голова.

Но младший брат презрел ее красу.
Как будто зверя встретивши в лесу,
Бежать он бросился, смущаясь, злобясь...
Немного поболтавшись на весу,
В мимоидущий он вскочил автобус,
Нашел спасенье у сестры в Ак-Су.

Прошло два дня. На третий день чуть свет
Приехал дядюшка за ним вослед
И начал улещать его медово:
— «Чего боишься?.. Тут худого нет!
Зачем чудишь, парнишка бестолковый?!»
— «Послушайся!» — сестра дала совет.

И сдался Асаке. В отцовский двор
Пришел как пойманный с поличным вор.
Но, позабыв и немощность и старость,
Дед на него напал:

«Позор! Позор!..»

Асанкельди опять почувал ярость
И вновь бежал — на этот раз в Май-Тор...

Когда б он в море спрятался на дно,
Его бы отыскиали всё равно
И привели к джене — его невесте...
Заставлен стол. Гостей полным-полно.
И бедный парень на почетном месте
Сидит, пирует — так заведено.

Ырчи какой-то в руку взял комуз:
«Хоть страшно начинать, да я не трус!
Конечно, я ырчи не знаменитый,
Пескарь, плотва — с китами не сравнюсь!
И всё ж послушайте меня, джигиты!
Асанкельди, мотай себе на ус!

Пой, веселись, пока живешь, пока
Старуха смерть как будто далека!
Вот чаша!.. Пей до дна за дружбу нашу!
Эй, не гляди на чашу свысока!..»
Асанкельди послушно выпил чашу,
Хоть охмелел он с первого глотка.

Лишь поутру прошел похмелья дым.
Очнулся парень... Кто-то рядом с ним.
Джене, похоже... Он глядит, встревожен.
Он вспомнил всё, глухим стыдом томим.
Бежать?.. Как жеребенок, он стреножен...
И вот лежит — покорен, недвижим...

...Чреда годов спешит, как речка — в падь.
За годом год... Лишь успевай считать.
Сорок четвертый. Следом — сорок пятый,
Родился мальчик. Начал подрастать...
Смеется и бормочет: «Ата, ата...»
И на него не наглядится мать.

Джигиты возвратились к очагам,
Вновь изобилие вернулось к нам.
Подешевело всё на рынке втрое...
Однажды, в час, когда смолкает гам,
Асанкельди сидел вдвоем с женою.
Вдруг дверь открылась... Слышится:
«Салам!»

Асанкельди стал белым точно мел.
Дрожал и слова вымолвить не смел,
Увидев пред собою Джумадила.
Жена, прокляв жестокий свой удел,
На место опустилась и застыла...
В молчанье Джумадил на них глядел.

«Вернулся Джумаке!» — пронесся слух.
Дом полон старцев, юношей, старух...
И Джумадил, не высказав досады,
Всех обнимает, ест и пьет за двух,
Ведет себя, как будто всё — как надо.
Ну, просто старший брат вернулся вдруг!

Односельчане всё же смущены.
«Не знает, что ли, о судьбе жены?!» —
Соседи тихо говорят друг другу.
«Похоже, мы сказать ему должны!..» —
Чуть слышный шепот побежал по кругу.
Лишь старцы сановиты и важны.

«Благодарю за то, что вы пришли.
Скучали мы, бойцы, от вас вдали!» —
Промолвил Джумадил. Он был спокоен,
И о спасении родной земли
Стал с жаром говорить отважный воин,
И закричали все вокруг:
«Бали!»

А Джумаке продолжил речь: «Народ —
Опора нашей армии, оплот.
В тылу он оказался крепче стали...
Кто возвратился к милым, счастлив тот...
Но я... Как видно, здесь меня не ждали!
Для самых близких страшен мой приход.

Асанкельди!.. Известно стало мне,
Что ты женился на моей жене
И тем обычай поддержал негодный,
Давно забытый в нашей стороне.
Пятно на лике родины свободной
Лежит отныне по твоей вине.

Мне стыдно на тебя глядеть, мой брат!
Ты откатился на сто лет назад.
Ты запятнал великую эпоху.
Пред нею ты глубоко виноват.
А я — пускай мне тяжело, мне плохо! —
С бедою совладаю... Я солдат.

Но ты... Но ты, что оскорбила век,
Признав, что женщина не человек!
Ну что ж, тебя судьба постигла злая...
Я знаю, что вина лежит на всех,
Но вас двоих я видеть не желаю.
Прощайте! Ухожу от вас навек!
Вы Времени нарушили устав!..»

И Джумадил, шинель свою достав,
Рванулся к двери. Крупными шагами
Идет, высоко голову подняв.
Одни молчат, пощелкав языками,
Другие одобряют: «Что ж! Он прав...»

Кто пошустрей, тот бросился за ним:
«Прости!.. Не помешали тем двоим,
Ослушаться старейшин не посмели!
Вот ты вернулся — жив и невредим,
А мы замешаны в недобром деле!
Не сокрушайся!.. Мы себя виним!..»

«Мне — сокрушаться?! Как велит страна,
Долг война я оплатил сполна,
Я честно выполнил наказ народа.
Но передайте тем двоим: жена,
Что верность не хранила хоть два года,
Вовек не будет никому верна!»

Эпоха наша — это век чудес.
Ее шелка спускаются с небес.
В ее деснице книга непростая,
Сверкает золотом ее обрез...
И Джумадил спокоен, повторяя:
«Я буду жить... Из мертвых я воскрес!»

Нет в мире ничего страшней стыда.
Сжигает душу тайная беда,
Чьи стрелы ранят метче вражьей пули,
Не смыть их ядовитого следа.
Асанкельди бежал... На Иссык-Куле
Он поселился — верно, навсегда.

Несется Время, мчится Время вскачь.
Вот — случай третий:

жил Қалдан-силач.

Он был (спросите у друзей Калдана!)
И в картах и в труде равно горяч...
Уйдя на фронт, он точно в воду канул:
Ни слуху и ни духу — плачь не плачь!

А у Калдановой жены язык
Без пищи оставаться не привык,
А пища у него — вранье да сплетни,
Пойдет болтать — друзей поссорит вмиг.
Для тетушки Мактым тот день последний,
В котором ни раздоров, ни интриг.

Приснился ей однажды ночью сон,
Как будто муж ее врагом сражен,
Покрыта черным знаменем гробница...
Лежит ее Калдан в краю чужом,
А воины — что только не приснится! —
Зовут ее достойнейшей из жен.

Наутро, только солнце поднялось,
Всё в доме у болтуны вкривь и вкось.
Швырнула детям жалкие объедки,
На чадах собственных срывая злость,
И ну вопить!..

На крик бегут соседки:
«Что, Макентай, такое?! Что стряслось?..»

Маке, водицы выпей! не рыдай!..» —
Но всё никак не умолкает хай,
Несутся вопли по всему айлу.
«Да что же приключилось?..»

Макентай,
Как ни была вздорна, сообразила,
Что, кажется,хватила через край.

«Сказать им правду?.. Высмеют меня!»
Язык, что жить не может без вранья,
Вдруг сам заговорил:

«Пришла бумага:
Калдан погиб!»
Заплакала родня,
А с ней и Макентай: «Убит бедняга!» —
Вопит, сама себя в душе браня.

Что делать!.. Слово произнесено!..
«Живого мужа хоронить грешно!» —
У Макентай в уме мелькает это,
А слезы льются, льются всё равно...
Вдруг прискакал гонец из сельсовета:
«Маке, письмо от мужа... Вот оно!»

В густой толпе собравшихся людей
Немедля отыскался грамотей:
«Салам, супруга! Здравствуй, дорогая!..» —
Читает он.— «Калдан твой жив, ей-ей!..
Играет в карты... Пишет: „Высылаю
Семь тысяч выигранных мной рублей...“»

Мактым вскричала: «Подписи не верь!..
Недавно был живой... А что теперь?..
Семь тысяч шлет?.. Откуда?.. Из могилы?!
Деньгами нам не окупить потерь!..
И ну опять вопить что было силы...
«Салам!» — Калдан с улыбкой входит
в дверь.

Отвоевался муж. Пришел домой.
А дома — причитанья, крики, вой...
Кто это умер?..
Налицо все дети...
Жена о стенку бьется головой...
«Кого хоронят?.. Бабушка, ответьте!» —
Спросил Калдан у бабушки кривой.

Подслеповатой бабушка была.
Придурковатой смолоду слыла.
«Беда, сынок! — Обманывать не стану!
Калдан погиб... Такие-то дела!..
Маке вопит по мужу, по Калдану...
Совсем себя, голубка, извела!»

«Кого?.. Меня хоронят?! Узнаю
Жену длинноязычную свою!
Взялась опять за старые проказы?!
Ну, хватит слез! Сажай за стол семью!
Зови гостей!..»

Маке примолкла сразу.
Печь, парить-жарить принялась вовсю!

Эпоха жемчугами убрана.
Одета в бархат и атлас она.
В ее деснице — книга золотая,
Там вписаны достойных имена...
Смеется Калдаке, напившись чаю:
«Из мертвых я воскрес... Гляди, жена!»

...А Время мчится вскачь, летит вперед...
Разумней стал колхозный наш народ.
Вернулись победители-герои...
Теперь правдивый наш рассказ пойдет
О том, как горе одолели трое,
Воскресшие из мертвых в добрый год.

Султангазы глядит на жизнь светло,
Он, всем превратностям судьбы назло,
Решил освоить дело комбайнера,
И у него от сердца отлегло.
Письмо, где он писал: «Приеду скоро»,
К нему же в руки наконец пришло,

Недели две валандавшись в пути...
Есть от чего беде произойти! —
Джигит, вздохнув, заметил почтальону:
«На почте, видно, точность не в чести!
Пора бы вам менять свои законы!» —
Письмо порвал он... Прощлое, прости!..

Была учеба для Суке легка.
Донесся слух до нас из Токмака:
«Султангазы, он комбайнер толковый.
Смекалка есть, рука точна, крепка...
Мечтают нынче девушки и вдовы:
„Эх, если б мне такого муженька!..“»

И Джумадил — вы помните его? —
С достоинством несет свое вдовство.
Горды колхозники его работой,
У парня — выдержка и удалство.
За каждый труд берется он с охотой
И проявляет ум и мастерство.

Кто на полях сраженья закален,
Тот и на поле в мирный день силен,
Он обладает опытом богатым.

Наш Джумаке народом оценен.
На днях услышал я, что депутатом
Киргизского Совета избран он.

Душа его спокойна и светла,
И славно ладятся его дела.
Мечтают с ним идти по жизни рядом
Все лучшие красавицы села,
Прельщают статью, косами, нарядом,
И, может быть, одна ему мила...

Ну, а Калдан?.. При деле и Калдан!
Здесь, на джайлоо, отличный он чабан.
Он пьет кумыс, не забывая чая.
Живет в достатке, весел и румян,
Попреками жене не докучая:
«Что делать, если нрав такой ей дан?!»

...Взвивая вихрем годы, словно сор,
Свистя камчой, топча степной простор,
Кидаясь жизнями людскими всеми,
В болота превращая выси гор,
Будя умы, куда ты скачешь, Время?
Куда несешься ты во весь опор?!

30 ноября 1945
Койсары

276. ДЖЕНИШБЕК

Иссык-Куль то притихнет, то грянет волной,
То взволнует меня, то обдаст тишиной,
Сколько в жизни своей ни имел я друзей,
Всё же друга прямой не нашел под луной.

Иссык-Куль то замрет, то ударит волной
И обрушит на берег огонь молодой.
Сколько в жизни своей ни имел я друзей,
Всё же друга верней не нашел под луной.

Иссык-Куль, споря с мощью родимой земли,
Ходит взад и вперед и вблизи и вдали.
Мечет пламень седой, сизый дым, голубой,
Полыхает прибой, словно воду зажгли.

В эти щедрые дни мирно зажил народ,
Кто-то сына женил, кто-то дочь выдает...
Сыновья возвращаются в день долгожданный.
Долгожданный спешит по волнам пароход.

Ибо каждого ждут, слезы льют столько лет,
И у каждого есть брат, невеста, сосед.
И того, кто когда-то был здесь незаметен,
Вспоминают и хвалят, когда его нет.

Все пришли на причал, ждут своих. Все подряд.
Люди разных народов стоят, стар и млад...
Человек! Незамеченным ходишь по свету,
А когда тебя нет, все вздыхают, грустят...

Пароход, как порывистый конь огневой,
Словно вкопанный встал, развернувшись кормой.
И зывают: «Байке», «Абаке!» — те, что сходят,
А другие в слезах: «Жеребенок ты мой!»

Ах, как мирные дни благодатно легки!
Как просторы родимой земли широки!
Так сейчас неизбывным добром обернулся
Груз вчерашнего горя, вчерашней тоски!

Кто на тряской арбе, кто в седле, кто пешком —
Все спешат. Путь на родину с детства знаком.
По горам разливаются радости реки,
Отчий дом издалёка зовет огоньком.

И толпой, словно перекочевка идет,
Скачут наши джигиты, ликует народ.
Но, увы, как ни полнится жизнь, всё чего-то
Неизбежно кому-нибудь недостает!

Все ушли по домам, и пустеет причал.
Вот остался на нем лишь один аксакал.
Как тулпар, что на скачках споткнулся о камень,
По дороге побрел, одинок и устал.

Кто же этот старик опечаленный?.. Знай,
Это был не дождавшийся сына Минбай.
День-деньской он стоит и всё смотрит на запад:
Время сыну вернуться в отеческий край.

Для побед был рожден сын его Дженишбек,
Да и сам он удачливый был человек,
В честь когда-то одержанной в жизни победы
Дженишбеком желанного сына нарек.

Вновь ни с чем возвращается... И не один —
Много дней так прошло... Не воротится сын...
Но как сильно течение надежды подспудной,
Что стремится наружу из самых глубин!

Мать приходит сюда, от Минбая тайком,
Пиалу наполняет хмельным молоком
И, кумыс подавая вернувшимся, шепчет:
«Что ж мой сын запоздал?» В горле — горестный
ком...

И тайком, незаметно, в глубокую ночь
Иногда к пароходу приходит их дочь,
Но лишь волны шумят, глухо плещут, бушуют
И, ответа не дав, гонят яростно прочь...

Жизнь взяла за минувшее счастье сполна,
По Минбаю ударила крепко она.
Сына нет... И на вымершей пристани пусто.
Лишь ленивая шлепнулась мягко волна.

О судьба, ты наследника-сына дала,
Ты пылала огнем, но сгорела дотла.
Отчего ты с дороги вернулась в селенье,
Без наездника к дому пришла, без седла?

О судьба, ты семью, дом и счастье дала,—
Всё дала, чтоб он жил, милосердна была,
Почему возвратилась домой из полета?
Оттого, что в дороге сломала крыла?

И задумался он, пораженный судьбой...
Сорванцом, окруженным ребячьей гурьбой,
Сына вспомнил... «Судьба, эх, судьба! Для чего ты
Даришь то, что похищено будет тобой?!»

Встал, схватился за повод, уселся в седло,
Снова сына припомнил, вздохнул тяжело,
И, усталую бурую лошадь стегая,
Он неспешно поехал в родное село.

Но вернуться домой на бессонный ночлег
Не отважился сразу... И лошади бег
По другой, по окольной дороге направил —
Прямо к дому, где жил его друг Курманбек.

Ровно семьдесят лет Курманбеку-ака,
А жене — шестьдесят, но старуха крепка;
Если руку пожмет молодому джигиту —
Захрустит, заболит у джигита рука...

В дом вошел и приветствие громко сказал,
И навстречу Минбаю хозяин привстал!
Чай попили... И, гостя желая утешить,
К аксакалу суровый воззвал аксакал:

«Эй, Минбай, оказался ты робок и слаб,
Каждый день ты грустишь, постыдился хотя б!
Хватит в землю глядеть! Плакать вечно негоже:
„О единственный мой!“ Это дело для баб.

Да, тебя храбрецы не возьмут в свой отряд.
Настоящий джигит испытанию рад,
Рано сядет в седло, рано в битву умчится,
В край, где кони храпят и знамена шумят.

Испытав свои силы, вернется джигит,
Не вернется — отчизна заплачет навзрыд;
Но со временем сильная встанет чинара
На могиле, где воин отважный зарыл.

Знаешь сам, сыновей наших павших не счесть,
У меня самого их уехало шесть,
Только двое вернулись, все в шрамах и ранах,
Слез не лью, хоть уже не надеюсь на весть...

Я не жалуясь, радость моя велика:
Жизни ветхая ветвь не засохла пока,
Пусть восьмой мне пошел от рожденья десятков,
Сын родился вчера у меня, старика.

Если нужен стране, и его пусть возьмет,
Пусть он в битву идет, защищает народ.
Пусть сражается, пусть, как бывало от века,
Мысль о сыне родителям спать не дает!»

Кончил... К люльке подходит Минбай и глядит:
Там лежит белолицый ребенок, джигит...
«Курмаке, назовите его Дженишбеком!» —
Он воскликнул и вдруг стал моложе на вид.

Птица жизни, спустясь, не попала в беду...
Значит, семьдесят лет — все в пути, на ходу...
Значит, снова рожден Дженишбек в День Победы,
В день девятого мая, светлейший в году!..

Поздний вечер. И снова Минбай — на коне,
Держит к озеру путь, не домой, не к родне...
Глуби зыблются, плещут упрямые волны,
Так чего же он ищет в глухой глубине?..

Дженишбек, сын единственный, храбрый джигит,
Мать с отцом почитавший, в могилу зарыл!
Где-то там, под Варшавой, он сном беспробудным
Спит в могиле безвестной, давно уже спит.

Никогда не окликнет отца: «Абаке!»
Не приникнет в слезах к материнской руке,
Никогда, и не жди, не сойдет с парохода,
По скрипучим мосткам не слетит налегке...

Дженишбек, о победе мечтая, упал
По дороге к победе, свой взял перевал.
«Ты отцу передай, что убит я в сраженье»,—
Вьюге он прошептал, погоняющей вал.

И волнуются волны, волнуя отца,
И недаром играют отливом свинца,
И упрямы валы, и надежда упряма...
Вновь приходит отец... И всё вновь, без конца...

Брось, отец, не гляди в чашу вспененных вод,
И не мучайся так, знай, что сын твой придет!
Вечно будет твой сын Дженишбек, улыбаясь,
В День Победы сюда приходите, что ни год.

Иссык-Куль, споря с мощью родимой земли,
Ходит взад и вперед и вблизи и вдали.
Мечет пламень седой, сизый дым, голубой,
Полыхает прибой, словно воду зажгли.

*13 декабря 1945
Койсары*

277. МИРЗА И САТКЫН

Уроженец Алая — Мирза-джигит.
Его слава повсюду в степях гремит.

Носишь шапку ты из куницы, Мирза.
Скакун твой стремительней птицы, Мирза.

В Наукатском краю Саткын рождена,
Красотою с луной поспорит она.

Ты подобна цветку тюльпана, Саткын.
Многим юношам ты желанна, Саткын.

Эту пери взять в жены Мирза решил.
В Наукат с караваном он поспешил.

На рассвете сквозь синий густой туман
Увидала Саткын в степи караван.

И, тревогой неясною смущена,
Песней встречает джигита она.

«Конь твой мчался стрелою сюда, джигит,
На коне золотая узда, джигит.

Нелегко добираться сюда, джигит.
Серебром отливают узда, джигит.

Видом схож ты с соколом белым, джигит.
Нет преграды батырам смелым, джигит.

Твои очи сверкают огнем, джигит.
Злато с губ твоих льется дождем, джигит.

Ты не ведаешь страха в бою, джигит.
Воспеваю я доблесть твою, джигит,

Но порой бесполезна борьба, джигит.
Беспощадно-жестока судьба, джигит.

Ты напрасно приехал сюда, джигит.
Здесь тебе угрожает беда, джигит.

Здесь ты лютою смертью умрешь, джигит.
На тебя точат недруги нож, джигит.

Прокляни, если хочешь, меня, джигит,
Но назад поверни ты коня, джигит».

В песне слышны тревога, волнение, страх.
Смолкла Саткын. Печаль у нее в глазах.

Не страшился Мирза неведомых бед.
Вот что девушке он промолвил в ответ:

«В Наукат мчался конь мой стрелой, Саткын.
Я приехал сюда за тобой, Саткын.

Мчался птицей скакун мой лихой, Саткын.
Я уеду отсюда с тобой, Саткын.

Ты пугать меня сказками брось, Саткын.
Не бывать нам счастливыми врозь, Саткын.

Я тебя всей душой полюбил, Саткын.
Неужели тебе я не мил, Саткын?

Понапрасну со мной не шути, Саткын.
Нам одною дорогой идти, Саткын.

Без присмотра оставил я дом, Саткын.
Чтоб вернуться с тобою вдвоем, Саткын.

Я на пастбище бросил стада, Саткын.
За невестой приехал сюда, Саткын.

Ты совсем ведь не знаешь меня, Саткын.
Почему прогоняешь меня, Саткын?

На коне моем блещет узда, Саткын.
Ты, по-моему, слишком горда, Саткын.

Седло мое сшито на славу, Саткын.
Не обидел тебя я, право, Саткын.

Семь Архаров блестят в небесах, Саткын.
Я не знаю, что значит страх, Саткын.

Бродит бурый олень за холмом, Саткын.
Я проникнуть сумею в твой дом, Саткын.

Все грехи на себя я возьму, Саткын.
Ночью к ложу приду твоему, Саткын.

На себя все страдания беру, Саткын.
Мы уедем с тобой поутру, Саткын».

Волненья, любви и тревоги полна,
Так отвечала джигиту она:

«В Акбашате кочует мой род, Мирза.
Трус умрет, и отважный умрет, Мирза.

Юрта белая — наше жилье, Мирза.
Не спеши ты увидеть ее, Мирза.

Сплю всегда я у правой стены, Мирза.
Долги ночи теперь и темны, Мирза.

Постель моя — мех горноста́я, Мирза.
Тьма оденет степи густая, Мирза.

Лисий мех — мое одеяло, Мирза.
Берегись стрелы и кинжала, Мирза».

Усеяли звезды ночной небосвод.
Туман серебристый над степью встает.

Блещут звезды во тьме, как волчьи глаза.
На коне подъезжает к юрте Мирза.

Окутала дали тяжелая мгла.
Горным соколом прынул Мирза с седла.

Сердце Мирзы трепещет: Саткын близка.
Войлок юрты приподнял джигит слегка.

И, любовью неистовой одержим,
Прошептал он чуть слышно: «Саткын, бежим».

Отвечала Саткын: «Уходи скорей.
Поцелуй и спасайся среди степей.

Здесь тебе угрожают, Мирза, враги».
 За спиной Мирзы прозвучали шаги.

Засверкал в полумраке кривой кинжал.
 И джигит на траву, не вскрикнув, упал.

Недруг с телом Мирзы поехал в Кокджон.
 Без молитвы был там Мирза погребен.

Кто зарезал Мирзу ночью порой?
 Аджибек то бездетный, коршун степной.

Кто в сердце джигиту всадил свой кинжал?
 То старик Аджибек, трусливый шакал.

Заплатил за Саткын он калым большой,
 Собираясь ее увезти с собой.

Не действовал старый шакал наугад,
 Он знал, что приехал Мирза в Наукат.

Подстерег он Мирзу во мраке ночном
 И пронзил ему сердце кривым ножом.

Несутся недели одна за другой.
 Нет Мирзы. Не вернулся джигит домой.

Травы блекнут, склоняются до земли.
 А Мирзу его родичи не нашли.

Приезжали они в Наукат не раз
 И ни с чем уезжали назад не раз.

Искали напрасно джигита они.
 Всё короче меж тем становились дни.

Надвигалась зима, морозом дыша.
 Сохли стебли зеленые камыша.

Измученный горькой тоскою вконец,
 На поиски сына поехал отец.

Пятьдесят джигитов привел он с собой,
 К юрте белой подъехал старец седой.

Вышла Саткын из юрты, худа, бледна.
Аксакалу, плача, сказала она:

«Я ему говорила: «Спасайся, друг,
Лютых недругов остерегайся, друг».

Внять молениям моим не хотел он, друг,
Был безмерно отважен и смел он, друг.

Войлок поднял он дерзкой рукою, друг.
«Убегай,— я шепнула с тоскою,— друг».

Раздались тут шаги в отдаленье, друг.
Нож сверкнул в темноте на мгновенье, друг.

И упал он на землю без стога, друг.
Увезли его в степи Кокджона, друг».

Джигиты в Кокджон поскакали толпой
И Мирзу отыскиали в земле сырой.

И юн и красив был по-прежнему он.
Погруженным казался он в сладкий сон.

Тленье, не шадящее ничего,
Побоялось коснуться лица его.

Любимого тотчас узнала Саткын.
Птицей раненой застонала Саткын.

«Видно, скучно ему одному, народ.
Навсегда ухожу я к нему, народ».

Опустилась мертвой на землю она,
Незримым пожаром любви сожжена.

Повернулись джигиты к кыбле лицом.
И похоронили влюбленных потом.

Пролетает стрелою за годом год.
Всё проходит. Одна любовь не пройдет.

Две березки в Кокджоне шумят листвою,
Не желтея ни осенью, ни зимой.

Журчат под березами два родника.
Тем, кто жаждет, вода их, как мед, сладка.

А меж белых берез круглый год растет
Покрытый колючками черный осот.

Черен этот осот зимой и весной.
Аджибек то бездетный, коршун степной.

Чернеет смолою среди тростников
Вонючая лужа меж двух родников.

Аджибек вероломный, подлый шакал
После смерти зловонною лужей стал.

В двух березах, в ручьях светлей бирюзы
Воплотилась любовь Саткын и Мирзы.

В свежих листьях, в воде светлей бирюзы
Воплотилась слава Саткын и Мирзы.

На березы садится сокол порой.
Тигр приходит к ручьям в темноте ночной.

Отдыхают орлы средь густой листвы.
У ручьев засыпают барсы и львы.

Джигиты проносятся мимо верхом
И вновь о Мирзе вспоминают лихом.

Здесь песни поет седовласый акын
О чистой любви Мирзы и Саткын.

И в праздник здесь шумно и людно всегда.
Юноши приходят на праздник сюда.

Звенит в родниках веселее вода,
Девушки приходят на праздник сюда.

Тогда, покидая свой мрачный приют,
Мирза и Саткын из могилы встают.

С народом они веселятся тогда,
Пока поутру не померкнет звезда.

Две березы и воды двух родников
Говорят о любви, что сильней веков.

24 декабря 1945

Койсары

**278. СТОДВАДЦАТИЛЕТНЯЯ ЯБЛОНЯ
И СТОДЕСЯТИЛЕТНИЙ ШАВКАТ ГИРЕЙ**

Десятый месяц — месяц урожая,
Приходит он, корзины нагружая,
Но, вот беда, приносит холода,
Пургой кружа, бураном угрожая...

Давно природа распростилась с летом,
В пустом саду, прозрачном и раздетом,
В ненастный день сошлись два старичка —
Разговорилась яблоня с Шавкетом.

Сто двадцать ей. Сто десять лет Гирею,
Весь долгий век он прожил рядом с нею.
Трудился он, несла плоды она,
А тут взмолилась: «Помоги, хирею!

Последний год скриплю я еле-еле,
Боюсь, что мне не протянуть недели,
Не держат корни мой иссохший ствол,
Поникли ветви, листья облетели».

Старик в ответ: «Скажи ты мне на милость,
Что это вдруг с тобою, друг, случилось?
Смотри — спилю и в печке истоплю.
Хозяин — я. Ты б лучше подчинилась».

А яблоня ему: «Стара я стала.
Скала и та б стоять сто лет устала.
Скажу я на прощанье пару слов,
А там решай. И так жила немало.

Сто десять лет уже плодоношу я,
И ничего в награду не прошу я.
Но ты спасибо даже не сказал
За весь мой труд, за жизнь мою большую.

А где твои теперь былые силы?
Как думаешь избегнуть ты могилы?
В сто десять лет кому ты нужен, дед,
Ведь молодости старики не милы.

Тебе поддержкой мог бы стать сыночек,
Но не взрастил ты ни сынов, ни дочек.
Ровесники твои давно в земле,
Так помирай, старик, без проволочек.

Не можешь толком сделать ничего ты,
Не выполнишь и легонькой работы,—
Чего ж срамиться? Лучше помирай.
Всем на селе с тобой одни заботы.

Ведь знаешь сам, что смерть неумолима.
Когда цвела, была и я любима,
За что ж теперь меня ты оскорбил?
Мой век прошел, и ты проходишь мимо?

Когда б ты умер, я б зазеленела.
И, если б рядом закопали тело,
Я б соками твоими ожила,
Листвою ветви я бы вновь одела.

Садовник отвечает ей: «Ну что же.
Ругаешься? Ругаться нам негоже.
Но я не обижаюсь на тебя.
Обиделся бы, будь я помоложе.

Ты говоришь, что после ста мы — дети.
Что бесполезны мы на этом свете.
Э-э-э, глупая! Обоим нам за сто,—
К чему ведешь ты разговоры эти.

Когда бы сердце устали не знало,
Когда бы в жилах кровь не остывала,
Мы б согласились тысячу прожить,
И то б еще нам показалось мало.

Пускай я стар, зато я видел много.
Пускай длинна была моя дорога,
Зато я знаю радость и беду,
И жизнь моя не протекла убого.

Ты спрашиваешь, что со мной такое,
Что до сих пор я не ищу покоя?
Но разве я со старостью смирюсь?
Пусть смерть придет, а я ее — клюкою.

Ты говоришь — я ни на что не годен,
Что был всю жизнь я, как пустырь, бесплоден.
Ну что ж! Умру, так некому жалеть.
Пускай бесплоден, да зато свободен.

Спросила ты — зачем дразню судьбу я,
И почему так долго не в гробу я.
Один живой — ценней ста мертвецов.
Пусть смерть умрет. Еще пожить хочу я.

Мы в этот мир приходим только в гости.
А настоящий дом наш на погосте.
Ну что б судьбе местами поменять
Тот свет и этот, разыгравши в кости!

Ты говоришь, что стала б чуть не садом,
Когда б меня похоронили рядом.
Так знай, что я вершу твою судьбу —
Хочу казнь, хочу дарю нарядом».

Тут, рассердившись, взял большой топор он
И яблоньку тотчас срубил под корень.
Она упала. Треск пошел в саду,
Да где-то в вышине закаркал ворон.

Буран завыл, с Хан-Тенгри снега тучи
В долину понеслись дождем колючим.
Старик решил согреться у костра,
И вот уже пылают жарко сучья.

Как хорошо у яблоньки горячей.
А что за сны! Не видывал он слаще.
Пускай буран свирепствует вокруг.
Пускай ревет. Его не слышит спящий.

И кажется, что наступило лето,
Что яблонька густой листвою одета...

Под утро, возле свежего пенька,
Нашел прохожий бедного Шавкета.

Могилу рыть сошлись со всей округи.
Все поминали об ушедшем друге.
Похоронили там же, где нашли,
Под завыванье бесконечной вьюги.

Год пролетел, за ним другой и третий,
И вновь весна, и солнце ярче светит...
Но что это? Там, где Шавкет зарыт,
У яблоньки густой играют дети.

Судьбу спросил я: «Сколько лет живу я,
Не видывал такого наяву я.
Как назовешь ты это?» И в ответ
Услышал: «Жизнью это назову я».

28 декабря 1945
Койсары

279. ТОПОЛЬ ЭШИМКАНА

Мой друг, эпохе нашей величавой
Лишь тот, кто честен, петь достоин славу,—
Ей не нужны слова лукавого лжеца,
Чье сердце источает зла отраву.

Ведь верность долгу — красота эпохи,
А честность — главная черта эпохи,
Свет истины исходит от ее лица,
Лжи не приемлет прямота эпохи.

Ее богатство в чистоте душевной,
И справедливость — клад ее бесценный,—
Вот те сокровища, что всех других ценней:
И золота земли, и звезд Вселенной.

Быть может, друг, его ты видел тоже —
Тот тополь, на другие непохожий.
Сказание о нем поведать я хочу,
Пусть славу дерева оно умножит.

Об Эшимкане речь пойдет сначала.
За жизнь свою он повидал немало:
Вставали на пути высокие хребты,
Подстерегали путника обвалы.

Не избалованный судьбой суровой,
Он отдал сердце в дар эпохе новой,—
Заботы и дела колхозного села
С тех пор всей жизни сделались основой.

Что было, то прошло и пережито,
И сердце для любви теперь открыто,
Колхозу преданный, несет он в закрома
Дары земли, что им в труде добыты.

Не знал он школы — жизнь его учила,
Из класса в класс нужда переводила.
Теперь он отдает колхозу своему
Все знания, и навыки, и силы.

И, радуясь весенним ярким всходам,
Он словно молодеет с каждым годом.
Уж пятый год подряд ударник Эшимкан —
Труд Эшимкана оценен народом.

Не пять — он десять лет подряд ударник.
Немало получил наград ударник.
Не только здесь, в селе — и в городе о нем
Все с уважением говорят: ударник!

К нему удача потекла рекою,
Судьба вдруг перестала быть скупой —
Она, как будто за невзгоды прошлых лет,
Расплачивалась щедрою рукою.

Десяток коз всего лишь за два года
Дал сотни полторы голов приплода.
Его козлят щадили стужа, и дожди,
И гололедица, и непогода.

Упомянуть еще о телке надо,
О той, что дал ему колхоз в награду, —
По сорок литров в день давая молока,
Корова стала украшеньем стада.

Судьбы его счастливое течение
Сулило всем мечтам осуществленье.
Услышал Эшимкан: «Ты первенца отец», —
Вернувшись как-то за полночь в селенье.

Соседи, что прослышали про это,
Счастливица поздравляли до рассвета.
На коновязь взглянул под утро Эшимкан:
Стал столб стволом — не счесть зеленых веток.

Столб за ночь в стройный тополь превратился.
Был мертвым — стал живым. Листвой покрылся.
Раскинул крону. Корни в глубь земли пустил.
Народ села лишь ахал да дивился.

Быть может, друг, его ты видел тоже —
Тот тополь, на другие непохожий.
Он назван «Тополь Эшимкана» — так зовет
Его и местный житель, и прохожий.

Любому дереву любой породы
Цвести в свой срок велит закон природы.
И зеленеть в свой срок, и сбрасывать листву,
Страдая от жары и непогоды.

Но этот тополь вечно зеленеет,
Его листва не жухнет, не желтеет,
Ведь Эшимкана благородная душа
Хранит его в жару и в стужу греет.

Деревьев шум не первый год я слышу,
А это дерево поет — я слышу.
«Вот дерево добра прекрасное, как жизнь!» —
Так говорит о нем народ, я слышу.

Под ним прохладно при любой погоде.
Еще о нем молва идет в народе,
Не знаю, верно ли, но люди говорят:
В его тени любая хворь проходит.

Свернет к нему крестьянин утомленный,
Присядет зноем полдня опаленный,
И сразу силы возвращаются к нему,
Как будто влил их в жилы друг зеленый.

Столетние — не невидаль в округе,
И не слышать давно уж про недуги.
Приходят к тополю частенько старики,
Спокойно посудачить на досуге.

Влюбленных здесь излюбленное место.
И если «да» сказала здесь невеста,
То обязательно счастливым будет брак —
Вот это мне доподлинно известно.

...Шли годы. Дерево уже, пожалуй,
До облаков вершиной доставало.
Им любовался и гордился Эшимкан.
И счастье дом его не покидало.

Рос сын — надежда, продолжение рода.
Ему уже исполнилось три года.
В тот день в честь мальчика отец устроил той,
Созвав на праздник множество народа.

Спустя неделю это и случилось:
Нежданная беда к нему явилась.
Что с тополем? Глазам не верил Эшимкан:
Вся крона будто ржавчиной покрылась.

Поблекшая листва шумела глухо.
Та песня, что ласкала раньше ухо,
Теперь звучала, как печальный тихий стон,
Невыносимо тягостный для слуха.

Всю ночь он проворочался в надежде,
Что завтра снова будет всё, как прежде,
Что утром тополь вновь предстанет перед ним
В своей зеленой праздничной одежде.

Стоял июнь. Вокруг всё зеленело.
Земля наряды яркие надела.
И лишь на тополе поникшая листва
День ото дня всё блекла и желтела.

И вспомнил Эшимкан обычай старый,
И, лучшую овцу своей отары
Зарезав, он созвал своих односельчан:
«Кто знает, в чем причина страшной кары?»

Стояли молча жители селенья,
Не находя несчастью объясненья.
Виной, быть может, чья-то черная душа?
Неведомое чье-то преступленье?

И каждый из крестьян себя проверил,
И меркою добра и зла измерил
Свои дела, и каждый клятву дал, что он
Ни в малом, ни в большом не слицемерил.

Скажи нам, тополь, не скрывай причины,
Скажи, чьи злые силы здесь повинны?
Внезапно с кроны кровь на землю полилась.
Ствол задрожал от комля до вершины.

И холодом пахнуло вдруг при этом,
И жутко стало людям от ответа,
Что тополь дал им, и шептали старики:
«Всё неспроста — зловещая примета!»

И следующий день был днем печали,
Из памяти уйдет тот день едва ли:
Узнали мы, что вероломные враги
В тот день на нашу родину напали.

Народ страны поднялся для отпора.
Далекий гром заставил вздрогнуть горы,
Джигиты поспешили к пунктам призывным,
Не тротя много времени на сборы.

В своем порыве были мы едины:
Отныне место каждого мужчины
На поле боя — мы должны плечом к плечу
Встать на пути несущей смерть лавины.

На запад уходили эшелоны.
Давали матери, отцы и жены
Наказ солдатам, провожая в дальний путь,
Отдать все силы делу обороны.

И там, где шло великое сраженье,
Бурлила жизнь, как будто в наводненье,
В дни таянья снегов, стремительный поток,—
И опустели горные селенья.

Дом Эшимкан покинул на рассвете,
Объехал всю округу и не встретил
Ни одного мужчины — все ушли на фронт,—
Лишь старики, да женщины, да дети.

На сборном пункте строгие порядки,
Но, чтобы стать бойцом великой схватки,
Он убедил врачей, что сорок пять ему,
Сам будучи уж на седьмом десятке.

Жене, взглянув на тополь свой печальный,
Он так сказал перед дорогой дальней:
«Мой тополь береги и поливай его
Лишь родниковую водой хрустальной».

Шла битва. Опаленное войною,
Кровавым было небо над страной,
И всё ползли колонны танков, сея смерть,
Руины оставляя за спиною.

Был страшен тополь, до земли склоненный,
Сухие сучья издавали стоны.
В те дни на землю с тяжким стуком падал град
С полузасохшей тополиной кроны.

Решающее слово остается
Всегда за тем, кто за свободу бьется,—
Народ, все силы и всё мужество собрав,
Нанес удар, по знаку полководца.

Враг дрогнул. Перешли мы в наступленье.
Мужая от сражения к сраженью,
Народ-герой громил и гнал врага —
Настали дни расплаты, дни отмщенья.

Не покоренный вражьей силой черной,
Покрылся тополь наш листвою зеленой.
Не кровь, не град — на землю падали цветы,
Как знак побед, с его ожившей кроны.

В селе уже фронтовиков встречали,
С фронтов принесших раны и медали.
И в эти дни угроза вдруг нависла вновь
Над тополем, как мы потом узнали.

Не думайте, что новая угроза
От суховея или от мороза,—
Решили тополь Эшимкана погубить
Два местных лодыря — позор колхоза.

Скрывать их имена есть смысл едва ли.
Так вот, Калмат и Шоорук их звали.
Двух трудодней не наберется на счету —
Их в поле-то ни разу не видали.

Они все стонут: «Старость одолела».
А вот в чужой загон залезть умело
Да под покровом темноты украсть овцу
Для них, скажу я вам, пустое дело.

Когда же в воровстве их уличали,
Они клялись, божились, причитали:
«Знать ничего не знаем. Всё пустой навет.
Твоей овцы в глаза мы не видали».

Был, помнится, добротный дом когда-то
У одного из лодырей — Калмата.
Дом все ветшал, и вот в один прекрасный день
Пришлось просить приюта у собрата.

С тех пор и жили вместе два лентяя,
Хозяйства не ведя, забот не зная.
Известно ведь, что так все лодыри живут,
Себя семьею не обременяя.

Не мудрено, что балки обломились,
Раз с крыши снег они сгребать ленились.
Калмат и Шоорук однажды среди зимы
Вдруг под открытым небом очутились.

«Ага, Шоке! Мы в скверном положении, —
Сказал Калмат, — но вижу я спасенье:
Нам нужен тополь Эшимкана позарез.
Вновь будет крыша — просто загляденье».

«Ха-ха, — смеется Шоорук, — прекрасно.
Что тополь наш, мне совершенно ясно.
Раз Эшимкана нет — жену мы проведем.
Не будем времени терять напрасно!»

Хоть просто на словах — не тут-то было.
Жена наказа мужа не забыла:
Она в два счета прогнала их со двора,
Еще и тумачами наградила.

И в ту же ночь, конечно, эти двое
Пришли с пилой, задумав дело злое.
Сломалась с первым разом надвое пила.
Наш тополь крепок — не возьмешь пилою!

Калмат сказал: «Давай-ка топорами!»
Он ухватил топор двумя руками,
Ударил — да и растянулся на земле,
От удивленья хлопая глазами.

Нет, не под силу злу с добром тягаться!
Несолоно хлебавши убираться
Придется, видно, им. Что делать? В стылый дом
Уныло побрели два тунеядца.

Меж тем наш тополь расцветал всё краше,
Ведь приближался День Победы нашей.
Мы шли, громя врага, и даже песни птиц
Звучали, словно праздничные марши.

Май грянул над страной — День Победы!
Покончено с войною — День Победы!
Всеобщий праздник. Суюнчи предподнесли
Земле Чолпон с Луною в День Победы.

Всё многолюдней делались селенья.
Мы с нетерпеньем ждали возвращенья
Всех тех, кому вернуться было суждено,
Скорбя о тех, кто пал в огне сраженья.

Где Эшимкан? Нет в сумке почтальной
Ни писем от него, ни похоронной.
Так слушайте: на фронт он так и не попал —
Уж слишком возраст все-таки преклонный.

Он всю войну провел под Ленинградом.
В порту, что был с передним краем рядом,
Грузил боеприпасы. Смерть несли врагам
Внесенные им на корабль снаряды.

В порту его все знали и любили.
Пришла победа. Мы врага разбили.
Пора домой. Ему сказали: «В добрый путь!»
На родину с почетом проводили.

И вот он тополь свой увидел снова.
Сын вырос — не узнать. Жена здорова.
Какое это счастье оказаться вновь
В кругу семьи у очага родного!

Пусть отдыхает, мы ж вернемся с вами
К рассказу о лентях. Дни за днями
Калмат и Шоорук бродили по селу
Из дома в дом незваными гостями.

Повсюду люди празднуют победу.
Решай: к какому завернуть соседу?

Ни в чем не упрекнут: «Будь гостем, пей и ешь!»
А что еще-то нужно дармоеду?!

Однажды мимо дома Эшимкана
Они тащились и решили спьяна,
Обиду вспомнив, отомстить его жене.
Да как?! Подлей не выдумать обмана!

«Мы не сказали ей худого слова,—
Так стал один подзуживать другого.—
Как нас с тобой она посмела выгнать вон?!
Из-за нее мы до сих пор без крова!

Мы скажем ей: „Твой муж погиб!“, и сами
Зальемся мы горючими слезами».
— «Раз муж погиб, она нам тополь свой отдаст,
И будем мы и с крышей и с дровами».

Пошли, с трудом передвигая ноги,
Свернули к дому пьяницы с дороги
(Им уподобиться не дай бог никому!)
И вдруг заголосили на пороге.

«О, Эшимкан! Эшим наш незабвенный!
Погиб наш досточтимый, несравненный! —
Они кричали, не жалея пьяных слез.—
Теперь засохнет тополь твой бесценный».

А Эшимкан пил чай, вдруг — что такое?
Жена сказала: «Знаешь, эти двое
Пустились на обман, чтоб тополь твой срубить.
В селе нет никому от них покоя».

К ним вышел Эшимкан. Что с ними было!
От страха дух у них перехватило.
Под тополь в гнев отволок их Эшимкан,—
И вас бы эта подлость возмутила!

И, благо под рукой была веревка,
Он привязал к стволу обоих ловко:
«Хотели тополь вы заполучить, так вот:
Вам предстоит под тополем ночевка!»

«И поделом им»,— все вокруг сказали.
Когда же их под утро отвязали,—
Никто не знает, что в ту ночь произошло,—
Но только мы их просто не узнали.

Все говорят, что тополь их исправил,
Окольные пути забыть заставил.
Как знать? Но ни Калмат, ни Шоорук с тех пор —
Никто из них ни разу не слукавил.

Покинуло их души зло, представьте.
Всю лень их как рукой сняло, представьте.
Живут в достатке, получая трудодни.
Их стало уважать село, представьте.

Так стали два пропойцы непутевых,
Еще вчера на подлости готовых,
Прекрасными людьми. Приятно побывать
У них в гостях, в домах просторных новых.

А тополь наш растет всё выше, выше.
Раскидистая крона, словно крыша,
Прохожего зовет присесть и отдохнуть.
Едва ли кто в горах о нем не слышал.

Здесь старики ведут о прошлом речи,
Приходит молодежь сюда под вечер.
Я знаю, что опять, как было до войны,
Влюбленные здесь назначают встречи.

Еще упорно говорят в селенье,
Что он больным приносит облегченье,
Что будто боль от ран, полученных в боях,
Проходит под его густою сенью.

Быть может, друг, его ты видел тоже,
Тот тополь, на другие непохожий.
Он, не старея, будет вечно зеленеть,
И новые о нем легенды сложат.

Из уст в уста передаваться будет
Рассказ об этом небывалом чуде,
О том, как в тополь превратился мертвый столб
На удивленье и на радость людям.

Не облетает лист с него зимою,
И осенью он зелен, как весною,
В любое время года радует людей
Своей вечнозеленою листвою.

7 января 1946
Койсары

ПРИМЕЧАНИЯ

Алыкул Осмонов издал на родном языке восемь книг стихов: «Песни рассвета» (1935), «Звездная молодость» (1937), «Чолпон-стан» (1937), «Любовь» (1945), «Моя земля — земля песен» (1947), «Новые стихи» (1947), «Для детей» (1947), «Новые стихи» (1949). Собрание стихов Осмонова впервые издано после его смерти, в 1954 году — «Избранные стихотворения и поэмы», вступительная статья Ш. Уметалиева. В 1958 году увидел свет сборник «Отечество», куда вошли неопубликованные стихотворения. Все издания на родном языке выходили во Фрунзе.

По инициативе сектора советской литературы Института языка и литературы АН Киргизской ССР было подготовлено и издано Собрание сочинений Алыкула Осмонова в 3-х томах (Фрунзе, 1964—1967). В него вошли стихотворения, поэмы, стихотворения для детей, стихотворные переложения легенд, анекдотов, пьесы, переводы, статьи и дневниковые записи, заметки по истории, фольклору, этнографии киргизского народа, легенды, собранные поэтом. Вступительную статью к трехтомнику написал Т. Сыдыкбеков. В 1984—1987 годах вышло второе Собрание сочинений Осмонова в 3-х томах. По объему оно вдвое меньше первого, в нем отсутствуют прозаические тексты; в 1-м томе опущены стихотворения начальной поры (1932—1939), стихотворения для детей, стихотворные переложения легенд, анекдотов. Вступительную статью к новому трехтомнику написал критик К. Бобулов. Первое Собрание сочинений легло в основу настоящего издания, в нем повторена его композиция, по его текстам сверены новые переводы.

Первой книгой стихов Осмонова на русском языке стал «Мой дом» с предисловием С. Липкина, под редакцией С. Обрадовича (М., 1950). Стихи переведены видными русскими поэтами, крупными мастерами поэтического перевода: А. Глобой, Е. Долматовским, В. Звягинцевой, С. Липкиным, Н. Манухиной, С. Обрадовичем, М. Петровых, В. Потаповой, И. Сельвинским, Н. Чуковским. В последующие годы круг переводчиков Осмонова расширился. В 1954 году «Мой дом» был переиздан во Фрунзе, в книгу добавлены переводы фрунзенских поэтов, переводчиков Е. Орловской, С. Фиксина и жившего в то время во Фрунзе Кайсына Кулиева, вместе с Фиксиным составившего книгу и написавшего вступительную статью. В дальнейшем стихи Осмонова переводили В. Богачев, С. Ботвинник, М. Ватагин, А. Вознесенский, С. Виленский, А. Владимирова, И. Волобуева, Н. Глазков, Д. Голубков, Е. Долматовский, В. Звягинцева, М. Еремин, О. Ивинская, К. Кулиев, Б. Лейтин, В. Леонович, С. Липкин, В. Львов, В. Мартынов, В. Микушевич, Ю. Нейман, С. Обрадович, М. Синельников, М. Петровых, Н. Стефанович, Т. Стрешнева, В. Цыбин, В. Шаповалов.

Настоящий однотомник — наиболее полное из русских изданий Осмонова. В него отобраны лучшие переводы из всех книг поэта на русском языке: «Мой дом» (М., 1950), «Мой дом» (Фрунзе, 1954), «Избранное» (М., 1955), «Избранное» (М., 1958), «Избранное» (М., 1975), «Отчий край» (Фрунзе, 1987). Кроме того, более тридцати стихотворений для этого издания переведены впервые и более тридцати — заново.

Том состоит из двух разделов: 1. Стихотворения, 2. Поэмы и легенды. Раздел «Стихотворения» делится на три подраздела:

1932—1939 (начальный период творчества), 1940—1949 (период становления и творческой зрелости), Стихотворения для детей. Внутри разделов произведения расположены в хронологическом порядке.

Во вступительной статье дан анализ творчества поэта, определено его место в родной литературе, обозначены этапы его жизненного и творческого пути. Далее следуют автобиографические заметки Алыкула Осмонова «Мой творческий путь», где поэт перечислил свои основные опубликованные произведения. В кратких примечаниях даются сведения историко-литературного, фольклорного, географического, этнографического характера. Там же приводится оригинальное название произведения, если в переводе оно изменено. В Словаре содержатся имена мифических, сказочных, легендарных персонажей, географические названия и не переведенные киргизские слова. При этом не поясняются имена и термины, сведения о которых имеются в «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1984), а также слова, охваченные «Словарем русского языка» С. И. Ожегова.

МОЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Автобиографические заметки написаны по просьбе руководства Союза писателей Киргизии в 1947 году в Чолпон-Ате. Это единственная автобиография поэта. Опубликовано в 1965 году в Собр. соч., т. 2. На русском языке публикуется впервые.

Газета «Сабаттуу бол» («Будь грамотным») — республиканская пионерская газета, с 1933 года «Кыргызстан пионери» («Пионер Киргизстана»). *Журнал «Атака»* («Чабуул») — первый в Киргизии литературно-художественный журнал, ныне «Ала-Тоо», орган Союза писателей и Министерства культуры Киргизии. *Джусуп Турусбеков* (1910—1943) — киргизский поэт, драматург, участник Великой Отечественной войны, погиб в боях на Калининском направлении. *Аалы Токомбаев* (1904—1988) — народный поэт Киргизии (1945), академик АН Киргизской ССР (1954), Герой Социалистического Труда (1974). *Газета «Ленинчил жаш»* («Ленинская молодежь») — республиканская комсомольская газета, орган ЦК ЛКСМ Киргизии. *Айдай Джигиталиева* — любимая девушка поэта, светлый образ которой он хранил в сердце до конца своих дней, ей посвящено много взволнованных строк.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1940—1949

16. Посвящено памяти единственной дочери Джипар, которая умерла в двухнедельном возрасте.

18. *Этот киргизский конь, подаренный мной аргамак.* Имеется в виду перевод поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре», сделанный Осмоновым. *Нестан, Таризл, Автандил, Тинатин, Асмаат, Фатьма, Фридон* — герои поэмы.

23. *И, сверх того, они умеют ждать, Как женщина, воспетая Гомером!* Имеется в виду Пенелопа, много лет ждавшая Одиссея.

31. *За то, что немка одна — Шиллер имя ее — Над памятью Пушкина зло смеялась в черные дни.* В дни немецкой оккупации в Свя-тых Горах был «музей» Пушкина, где директором была женщина по фамилии Шиллер.

36. *С Шекспиром я сегодня говорю?!* В это время поэт переводил «Отелло» Шекспира.

42. *Скрябин* Константин Иванович (1878—1972) — академик АН СССР, АМН, ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда, один из организаторов и первый Председатель Президиума Киргизского филиала АН СССР (1943—1952), почетный академик АН Киргизской ССР (1954).

50. Перевод ст-ния «Каламга» («Перу»).

56. *Джоомарт* Боконбаев (1910—1944) — киргизский поэт, дра-матург, погиб в автокатастрофе. *Джусуп* Турусбеков — см. примеч. к автобиографии «Мой творческий путь». *Мукай* Элебаев (1905—1944) — киргизский поэт, прозаик, участник I съезда Союза писателей СССР, участник героической обороны Ленинграда.

59. «*Айчурек*» — первая киргизская национальная опера, авторы — композиторы В. Власов, А. Малдыбаев, В. Фере. Либретто Дж. Боконбаева, Дж. Турусбекова, К. Маликова по мотивам эпоса «Семетей».

64. Перевод ст-ния «Аккан суу» («Текучая вода»).

69. *К (еримджанова) Б (уби)* Дыйканбаевна (р. 1920), литерату-ровед, критик, ныне член-корреспондент АН Киргизской ССР.

90. Перевод ст-ния «Качса бакыт» («Убегающее счастье»).

91. Перевод ст-ния «Суйем десен» («Если говорю: люблю»).

101. Перевод ст-ния «Молдокулдун уйу» («Дом Молдокула»).

104. Перевод ст-ния «Бригадирдин кыялы» («Мечта бригади-ра»).

107. *Кайназара невестка* — Кайназарова Зууракан (1902—1982), прославленная свекловичница, дважды Герой Социалистиче-ского Труда.

108. *Груня Савельевна* — воспитательница интерната в Токмаке, где Алыкул Осмонов жил с 1925 по 1929 год. Груню Савельевну он любил до конца жизни.

118. Перевод ст-ния «Саман тартуу» («Перевоз соломы»).

126. Перевод ст-ния «Рахмандын илими» («Наука Рахмана»).

163. *Смотрю: нет пятнадцати гор (<...> Смотрю: вместо гор на просторе Синь Орто-Токойского моря.* Речь идет о строительстве Орто-Токойского водохранилища в Кочкорском районе Нарынской области. Летом оно обеспечивает водой Чуйскую долину. Возведение плотины начато в 1941 году, закончено в 1961-м.

171. Перевод стихов «Жетим козу» («Ягненок-сирота»).

197. Перевод стихов «Эмгегин» («Твой труд»).

218. Перевод стихов «Жумушчу» («Рабочий»).

221. *Пржевальский* Николай Михайлович (1839—1888) — выдающийся русский путешественник, географ, исследователь Центральной Азии, умер в г. Караколе (ныне Пржевальск), похоронен, по его завещанию, на берегу Иссык-Куля. Над его могилой поставлен гранитный памятник, увенчанный бронзовым изображением орла с оливковой ветвью в клюве.

227. Перевод стихов «Келип кеткен мейманга» («Приехавшему гостю»). *П(асынков) Л(ев) Павлович* (1886—1956) — писатель, переводчик литератур народов СССР.

247. *Ты не заметил дерзости моей.* В 1937 году Осмонов написал стихотворение, посвященное Пушкину, которое назвал «Ты и я».

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

В 1947 году Осмонов издал небольшую книжку стихов «Для детей», куда вошли «Стихи о насекомых», «Песня о дожде», «Темин», «Скворец», «Журавли и дети», «Песня о самолете», «Лиса и гуси», «Скороговорка». Книжка имела успех. Стихи Осмонова для детей переиздаются почти каждый год.

ПОЭМЫ И ЛЕГЕНДЫ

А. Осмонов написал 16 поэм и легенд, большая часть из них переведена на русский язык. По мотивам киргизского фольклора написаны легенды: «Толубай» (1944), «Борьба характеров» (1944), «Карагул» (1945), «Ак Мээр» (1945), «Мирза и Саткын» (1945).

270. Перевод поэмы «Толубай сынчы» («Толубай — знаток скакунов»). Поэма имеет два варианта, первый написан в 1937 году.

273. *И гвардия родилась под Москвой.* Речь идет о 316-й стрелковой дивизии (с 18 ноября 1941 года — 8-я гвардейская), которой командовал генерал-майор Панфилов Иван Васильевич (1893—1941). Дивизия была сформирована в г. Фрунзе, она состояла из воинов Казахстана и Киргизии.

274. Поэма написана по мотивам народного кошока (плача) «Карагул ботом» («Карагул, верблюжонок мой»).

275. *Приносят чашу с ключевой водой И трижды у Суке над головой Кружат ее.* По обычаю, если мужчина живым и здоровым возвращался с поля боя или из дальних странствий, мать или другая старая женщина встречает его и кружит у него над головой чашу, полную воды.

277. Перевод поэмы «Мырза уул» («Удалец Мирза»). Поэма написана на основе одноименного народного дастана, популярного на Юге Киргизии.

СЛОВАРЬ

- Аба, абаке* — дядя; почтительное обращение к старшему.
Адат — обычай; неписанный закон, обычное право у мусульман.
Азезил — злой дух, демон.
Аил — селение; группа юрт кочующих вместе скотоводов.
Айран — кислое молоко, слегка разбавленное водой.
Айт-айт — букв.: говори, говори.
Айчурек — жена Семетей (см.).
Ак-Суу — см. Беловодск.
Акбашат — букв.: Белый родник; местность в Южной Киргизии.
Аке — старший брат; почтительное обращение к старшему.
Ала-Тоо — букв.: Пестрые горы; киргизское название Тянь-Шаня.
Ала-Тоо для киргизов синоним родины.
Алай — высокогорный район в Южной Киргизии, где расположены обширные пастбища.
Алишер — букв.: Лев Али; по мусульманской мифологии, ближайший сподвижник пророка Мухаммеда, его зять; был известен как «царь мужей». В эпосе народов Средней Азии — победитель чудовищ, драконов.
Алмалуу — букв.: изобилующий яблоками — название колхоза.
Алпкаракуш — огромная сказочная птица.
Альке — ласкательная форма имени Алькул. Так обращались к поэту земляки.
Альчики — бабки, косточки овцы или горной козы; детская игра в эти косточки.
Апа — мать.
Аршан — целебный источник; теплый ключ.
Арпа — местность на Тянь-Шане.
Архар — горный баран. Семь Архаров — созвездие Большая Медведица.
Арча — древовидный можжевельник.
Ат — лошадь.
Ат-Баши — местность на Тянь-Шане.
Ата — отец.
Атакебай — ласкательное от ата, отец.
Байга — скачки; состязание в беге, в скачках.
Байке — старший брат; почтительное обращение к старшему.
Бали — правильно! здорово! (выражение одобрения).
Балыкчи (Рыбачье, ныне Иссык-Куль) — город на западной оконечности озера Иссык-Куль.
Баркалбас — тихоня, незаметный.
Башкарма — председатель колхоза.
Беловодск — город в Северной Киргизии, в 40 километрах от Фрунзе.
Бешбармак — национальное блюдо, вареная баранина с лапшой.
Боз-бала — зеленый паренек, совсем молодой.
Бозо — буза, хмельной напиток домашнего приготовления.
Боорсок — печенье, кусочки теста, жаренные в жиру или в масле.
Буудан — скакун; выносливая быстроногая лошадь.

Дастан — поэма; героическое сказание, эпопея.
Дастархан — скатерть; стол с яствами.
Дехканин — земледелец, крестьянин.
Джайлоо — летнее высокогорное пастбище.
Джал — здесь: подгривный жир лошади.
Джалгыз Орюк — букв.: Одинокий Урюк; село на берегу Иссык-Куля.
Джене — жена старшего брата.
Дженишбек — мужское имя от «джениш» («победа»)
Джеты-Огуз — местность; река в Киргизии.
Джут — массовый падеж скота от бескормица.
Дувалчи — мастер, возводящий дувалы (глиняные заборы), стены домов.

Иссык-Куль — одно из крупнейших в мире высокогорных озер, расположено на Тянь-Шане.

Каинды — село, родина Алыкула Осмонова (его родной аил Каптал-Арык входит в состав Каинды).

Кайберен — общее название диких жвачных животных; имя их мифического покровителя.

Камча — плеть, кнут.

Каракол — старое название города Пржевальска.

Каттама — сдобные слоеные лепешки, жаренные в масле.

Кийик — все раздельнокопытные дикие животные кроме свиньи; дичь.

Келин — молодка, невестка.

Койсары — курортное место на южном берегу Иссык-Куля, где отдыхал и работал поэт.

Кок-Ала — конь Чубака, богатыря, соратника Манаса (см.).

Кокджон — букв.: Зеленый холм; местность на юге Киргизии.

Комуз — трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

Кошок — плач, причитание; вид народной поэзии.

Кульбес — несмеяна.

Кунгей — солнечная сторона горы, хребта, южный склон; Кунгей Алатау — горный хребет, ограничивающий с севера котловину озера Иссык-Куль.

Курменту — село на берегу Иссык-Куля.

Курут — отжатый высушенный творог в форме шариков.

Кыбла — сторона Мекки (сторона, к которой мусульмане обращаются лицом во время молитвы, во время сна).

Кыштак — селение.

Маданият — культура.

Манас — богатырь, главный герой одноименной народной эпопеи.

Манасчи — сказитель эпоса «Манас».

Мерген — охотник, меткий стрелок.

Мираб — человек, распределяющий воду в арыках.

Нарын — крупнейшая река в Киргизии; город на этой реке.

Наукат — долина на юге Киргизии.

Онко — каждая тысяча убитых кийиков (см.).

Рахмат — спасибо.

Рыбачье (Балыкчи, ныне Иссык-Куль) — город на западной оконечности Иссык-Куля.

Салам — здравствуй, привет.

Санташ — перевал на Тянь-Шане к востоку от Иссык-Куля. С Санташа в Иссык-Кульскую котловину часто дует ветер, который тоже зовут санташ.

Сель — бурный разрушительный грязевой поток, возникающий в горах после сильных ливней или от весеннего таяния снегов.

Семетей — богатырь, сын Манаса (см.), главный герой эпоса «Семетей», второй части эпической трилогии.

Сузьма — отцеженное кислое молоко.

Суюнчи — подарок за радостную весть.

Тандыр — печь, в которой пекут лепешки.

Тежин — группа животных, молотящих зерно на току.

Той — пир, праздник.

Токмак — город в Северной Киргизии в 60 километрах от Фрунзе.

Толубай — легендарный знаток скакунов.

Тулпар — сказочный крылатый конь; неутомимый конь.

Улукман — киргизское прозвище Абу Али Ибн-Сины (Авиценны, 980—1037), великого врача и философа средневекового Востока. Имя его почитаемо в народе.

Чапан — стеганый халат, верхняя мужская одежда.

Чильде — самое холодное время года.

Чолпон — планета Венера.

Чолпон-Ата — курортное место на северном берегу Иссык-Куля.

Чу — одна из главных рек Киргизии.

Чучук — конская колбаса, национальное блюдо, деликатес.

Ширдакбек — герой одноименной эпической поэмы; у Ширдакбека был знаменитый иноходец Бозджорго, не имевший соперников.

Ырчи — народный певец.

Эт — мясо.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. А. Осмонов. Фотография. 1937 г.

2—3. *Между с. 160 и 161*. А. Осмонов. Портрет. Масло. 1938.

На обороте. А. Осмонов с партийным работником А. Казанбековым и поэтом С. Шимеевым. 1947 г.

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Судьба и подвиг поэта. Вступительная статья Камбаралы Бобулова	5
Мой творческий путь. Алыкул Осмонов	32

СТИХОТВОРЕНИЯ

1932—1939

1. Лучи Победы. Перевод И. Фонякова	39
2. Вперед, товарищи! Перевод И. Фонякова	39
* 3. «Правда». Перевод И. Фонякова	41
** 4. Чапаев. Перевод В. Шаповалова	41
5. Моему карандашу. Перевод И. Фонякова	42
6. Спустя четыре года. Перевод Т. Стрешневой	42
* 7. Перед сном. Перевод И. Фонякова	44
* 8. «Весна приходит к нам, друзья!..» Перевод И. Фонякова	46
* 9. «Пришедшая к нам из далеких времен...» Перевод И. Фонякова	46
10. Разговор. Перевод И. Фонякова	47
* 11. Мечта о всеобщем мире. Перевод И. Фонякова	50

1940—1949

** 12. «Я одолел рубеж: мне стало двадцать пять...» Перевод М. Ватагина	51
** 13. «Твой конь — скакун лихой, и рысь его легка...» Пере- вод М. Ватагина	51
** 14. Мы. Перевод М. Ватагина	52
** 15. «Радуя наши сердца, высится новый дом...» Перевод М. Ватагина	52
* 16. Дитя. Перевод И. Фонякова	52
17. Моя звезда. Перевод И. Волобуевой	53
18. Шота Руставели. Перевод М. Синельникова	54
19. Журавли. Перевод И. Волобуевой	55
20. Высокогорные пастбища. Перевод В. Звягинцевой	56
** 21. Река Тюп. Перевод И. Фонякова	57
22. Тридцатилетие. Перевод М. Петровых	58
* 23. Сенокос. Перевод И. Фонякова	59
* 24. Вольная песня. Перевод И. Фонякова	60
** 25. Чего я стыжусь. Перевод М. Ватагина	61
26. Любовь и я. Перевод В. Богачева	61
27. Жизнь («Жизнь, говорят, упрямая...») Перевод В. Бо- гачева	62
28. Луне. Перевод И. Фонякова	63
29. Не смейся надо мной. Перевод Н. Стефановича	64
30. Одинокий урюк. Перевод М. Синельникова	65
31. Черная бабочка. Перевод М. Синельникова	65
32. Что стало с весной? Перевод И. Волобуевой	66
** 33. Природа и музыка. Перевод Б. Голубева	67
* 34. Покрышкину. Перевод Е. Рейна	68
35. Букентай. Перевод В. Потаповой	69

¹ Звездочкой помечены стихотворения, переведенные на русский язык впервые, двумя звездочками помечены стихотворения, переведенные специально для данного сборника.

36.	Ответ на письмо. Перевод М. Ватагина	70
37.	Песня труда. Перевод В. Богачева	70
38.	Мой завет. Перевод В. Шаповалова	71
39.	Гитара. Перевод С. Липкина	72
40.	Я видел полет лебедей. Перевод С. Липкина	73
41.	Музыка («Веселая, печальная...») Перевод Р. Сефа	73
* 42.	Академику Скрябину. Перевод С. Ботвинника	74
** 43.	Россия. Перевод Е. Рейна	74
44.	Разлюбил тебя. Перевод М. Синельникова	74
* 45.	Юность. Перевод М. Синельникова	75
* 46.	Иссык-Куль. Перевод Ал. Ал. Щербакова	75
47.	Поэт («Иной поэт пленяет нас, тревожа...») Перевод Н. Стефановича	76
48.	Большой поэт. Перевод В. Мартынова	77
49.	Человек. Перевод В. Леоновича	77
50.	Поэзия. Перевод В. Звягинцевой	79
* 51.	Дружеское слово. Перевод Ал. Ал. Щербакова	80
* 52.	Красавице. Перевод Н. Стефановича	81
* 53.	Современнику. Перевод Ал. Ал. Щербакова	82
* 54.	Человеку. Перевод Ал. Ал. Щербакова	82
55.	Салют. Перевод В. Шаповалова	83
56.	Застольная песня. Перевод М. Синельникова	84
57.	«Я пришел, а тебя, ненаглядная, нет...» Перевод В. Звя- гинцевой	85
58.	Моей джене. Перевод Н. Пустынникова	86
59.	От Балыкчи до Фрунзе. Перевод В. Леоновича	87
60.	Боз-бала. Перевод А. Вознесенского	87
61.	Колыбельная. Перевод А. Глобы	89
62.	Мельница. Перевод В. Звягинцевой	89
63.	Полевой объездчик. Перевод В. Мартынова	90
* 64.	Родничок. Перевод Ал. Ал. Щербакова	92
65.	Поливщик. Перевод И. Сельвинского	93
66.	Доярка. Перевод В. Звягинцевой	93
67.	Башкарма. Перевод В. Потаповой	94
68.	Не забывай. Перевод С. Липкина	95
* 69.	Терпи, друг, терпи. Перевод Ал. Ал. Щербакова	95
** 70.	Калмыцкий чай. Перевод М. Ватагина	96
** 71.	Лукавец. Перевод Ал. Ал. Щербакова	96
72.	Той, которая копает свеклу. Перевод Е. Долматовского	97
73.	Не поменяюсь с пятилетним. Перевод Н. Пустынникова	98
* 74.	В колхозе «Коммунизм». Перевод И. Фоянкова	99
** 75.	Память обо мне. Перевод Б. Голубева	100
76.	Жизнь («Кто умер, тот ушел навек, и мой таков удел...») Перевод Т. Стрешневой	100
77.	Вы не умерли. Перевод М. Синельникова	101
78.	Не говори. Перевод В. Богачева	101
79.	Когда я далеко. Перевод В. Леоновича	102
80.	Твоя поэма. Перевод М. Синельникова	102
* 81.	Киргизское море. Перевод Ал. Ал. Щербакова	103
82.	Пусть мир успокоится. Перевод В. Богачева	103
* 83.	Русскому народу. Перевод Ал. Ал. Щербакова	104
84.	Иссык-Куль и Нева. Перевод К. Кулиева	104
85.	Девушка в шелковом платье. Перевод М. Петровых	105
86.	Я бросил твое письмо в озеро. Перевод В. Стефановича	105
** 87.	Время проводили вместе. Перевод М. Ватагина	106

88.	Полюбил тебя. <i>Перевод М. Синельникова</i>	106
** 89.	Застенчивой молодой женщине. <i>Перевод М. Ватагина</i>	107
90.	Счастье. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	107
91.	«Если хочешь любить, то меня полюби...» <i>Перевод И. Волобуевой</i>	108
** 92.	Не прожил жизни я... <i>Перевод М. Ватагина</i>	108
93.	Город Фрунзе. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	109
94.	31 декабря 1945. <i>Перевод И. Волобуевой</i>	111
95.	Половодье. <i>Перевод В. Потаповой</i>	112
96.	Справедливое слово. <i>Перевод М. Синельникова</i>	113
** 97.	Судьба. <i>Перевод И. Фоякова</i>	113
98.	Ракия. <i>Перевод И. Фоякова</i>	113
99.	Киргизстан. <i>Перевод И. Фоякова</i>	114
100.	Колхозный сад. <i>Перевод С. Липкина</i>	114
101.	Молдокул. <i>Перевод М. Петровых</i>	115
102.	Не волны, а лебеди... <i>Перевод И. Волобуевой</i>	115
103.	Желание. <i>Перевод Е. Орловской</i>	115
104.	Бригадир Бегималы. <i>Перевод В. Потаповой</i>	116
* 105.	Завет отцу. <i>Перевод М. Синельникова</i>	117
106.	Моему озеру. <i>Перевод О. Ивинской</i>	117
* 107.	Восхищение. <i>Перевод И. Фоякова</i>	118
108.	Груне Савельевне. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	118
109.	Женщине. <i>Перевод М. Синельникова</i>	119
110.	Очистка зерна. <i>Перевод Е. Долматовского</i>	119
111.	Ответ на твое слово «целую». <i>Перевод А. Вознесенского</i>	120
112.	Четыре времени года на Иссык-Куле. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	120
113.	Поэт («Народ поэта истинного чтит...») <i>Перевод Ю. Нейман</i>	122
114.	Что плохо? <i>Перевод В. Мартынова</i>	122
115.	Что значит — земля? <i>Перевод И. Волобуевой</i>	122
* 116.	О странностях любви. <i>Перевод И. Фоякова</i>	123
* 117.	Мой умный конь не слушает меня. <i>Перевод И. Фоякова</i>	123
118.	«Чище золота солома...» <i>Перевод М. Петровых</i>	124
** 119.	Железной дороге Быстровка — Рыбачье. <i>Перевод М. Ватагина</i>	124
120.	Атбашинская птичка. <i>Перевод В. Львова</i>	125
121.	Бешбармак. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	125
122.	Атбаша. <i>Перевод В. Потаповой</i>	126
** 123.	Озеро волнуется и утихает. <i>Перевод М. Ватагина</i>	126
** 124.	Не обижайся, друг. <i>Перевод М. Ватагина</i>	127
125.	Родному айлу. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	127
126.	Секрет Рахмана. <i>Перевод В. Богачева</i>	128
127.	Дойка кобылиц. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	128
128.	Комуз. <i>Перевод И. Волобуевой</i>	129
129.	Гроза. <i>Перевод В. Потаповой</i>	129
130.	Я уехал, когда созрела черешня. <i>Перевод В. Богачева</i>	130
131.	«Больших вершин искал — и малых не достиг...» <i>Перевод М. Ватагина</i>	130
132.	Учение беркута. <i>Перевод С. Липкина</i>	131
* 133.	Русской девушке. <i>Перевод И. Фоякова</i>	132
134.	«Ни лютый тигр меня не испугает...» <i>Перевод С. Фиксина</i>	132
** 135.	«От молодости отказаться смогу...» <i>Перевод М. Ватагина</i>	132

136.	Овца. Перевод С. Липкина	133
137.	Киргизские горы. Перевод В. Потаповой	133
138.	Что такое воровство? Перевод Е. Долматовского	134
139.	Логово барса. Перевод С. Липкина	135
140.	Материнская сила. Перевод М. Синельникова	135
141.	«Сверкая, лежит Иссык-Куль родной...» Перевод Р. Сефа	136
142.	Жена башкармы. Перевод В. Звягинцевой	136
143.	Школа в горах. Перевод И. Волобуевой	137
144.	Белый речет красавицы Айчурек. Перевод Н. Пустынникова	137
145.	Дни. Перевод К. Кулиева	138
146.	Мой зять. Перевод Е. Долматовского	138
147.	Мать-героиня. Перевод М. Ронкина	139
148.	Нарын. Перевод К. Кулиева	140
149.	Джамия. Перевод С. Обрадовича	140
150.	Слово моей тетушки. Перевод В. Потаповой	141
151.	Мария. Перевод А. Глобы	142
* 152.	Скирдование. Перевод М. Синельникова	142
153.	Сбор яблок. Перевод В. Звягинцевой	143
* 154.	Расплод овец. Перевод М. Синельникова	143
155.	Виноград. Перевод В. Звягинцевой	144
156.	Сбор дынь. Перевод Р. Сефа	145
157.	Проводы («Будь здоров, Дженишбай! Нет завидней судьбы...») Перевод А. Вознесенского	145
158.	Верблюжонок. Перевод В. Звягинцевой	146
* 159.	К моей жизни. Перевод И. Фоякова	146
* 160.	Моя отчизна. Перевод С. Ботвинника	147
** 161.	Озеро вечером. Перевод М. Ватагина	148
162.	Белая береза. Перевод О. Ивинской	148
163.	Я потерял горы. Перевод В. Звягинцевой	149
164.	Ведро воды. Перевод Н. Чуковского	149
165.	Песня летчиков. Перевод И. Фоякова	150
166.	Проводы («Куда собрался молодой джигит?...») Перевод В. Леоновича	150
167.	Домик на пригорке. Перевод В. Леоновича	151
168.	Моим часам. Перевод И. Волобуевой	151
* 169.	Песня джене. Перевод И. Фоякова	152
* 170.	Я пришел к озеру. Перевод С. Ботвинника	152
171.	Бедный ягненок. Перевод С. Фиксина	153
172.	Зимний буран. Перевод М. Синельникова	153
173.	Весенняя пахота. Перевод В. Звягинцевой	154
* 174.	Чолпон-Ата. Перевод С. Ботвинника	154
175.	Когда я увидел Москву. Перевод Е. Долматовского	155
* 176.	Язык коровы. Перевод С. Ботвинника	155
** 177.	Моей весне. Перевод М. Ватагина	157
178.	Будь гостем. Перевод С. Обрадовича	157
* 179.	Осторожней, джигиты! Перевод С. Ботвинника	158
180.	А что, если... Перевод И. Волобуевой	159
181.	Я киргизский поэт. Перевод С. Липкина	160
182.	Мои глаза остры. Перевод М. Синельникова	161
183.	Я — корабль. Перевод М. Синельникова	161
184.	Мне понравилось. Перевод М. Синельникова	162
** 185.	Если лучший стих создам. Перевод С. Ботвинника	163
186.	Есть следы такие... Перевод Н. Чуковского	163

187.	Родной язык. Перевод В. Потаповой	164
188.	Радуюсь. Перевод Н. Глазкова	164
189.	В Праге. Перевод С. Липкина	165
190.	Еще раз о женщине. Перевод С. Фиксина	165
** 191.	Есть у жизни голос... Перевод М. Ватагина	166
192.	Ночи во Фрунзе. Перевод М. Синельникова	166
193.	Ошибка. Перевод Е. Орловской	166
194.	Красный обоз. Перевод И. Сельвинского	167
195.	Песня о хлебе. Перевод В. Звягинцевой	168
196.	Родина. Перевод Н. Чуковского	169
197.	Курманбай. Перевод К. Кулиева	169
198.	Камнеомы. Перевод С. Обрадовича	170
199.	Мой дом. Перевод М. Синельникова	171
200.	Иссык-Куль. Перевод Н. Чуковского	172
201.	Казакбай. Перевод М. Синельникова	172
** 202.	Выпал снег. Перевод М. Ватагина	173
203.	Осень. Перевод А. Глобы	174
204.	«Я путник; с детства я дорогою влеком...» Перевод С. Обрадовича	175
205.	Здоровье. Перевод В. Потаповой	175
206.	Музыка («Нет мне отрады в струе родника...») Перевод Ю. Нейман	177
207.	О себе. Перевод М. Синельникова	177
** 208.	«Не знаю, что друзья в душе таят...» Перевод М. Вата- гина	178
209.	Вода идет. Перевод И. Сельвинского	179
210.	«Ночью крепко заснул, встал легко на заре...» Перевод М. Синельникова	180
** 211.	Выращивающий дыни. Перевод И. Фонякова	180
212.	Помидоры. Перевод Е. Орловской	181
213.	Вино. Перевод М. Синельникова	182
214.	Солнцу. Перевод И. Волобуевой	182
215.	Наша свекла. Перевод Н. Глазкова	183
216.	Братишке, который учится в ФЗУ. Перевод Н. Чуков- ского	184
217.	Маляр. Перевод С. Обрадовича	184
218.	Труд и песня. Перевод С. Обрадовича	185
219.	Дувалчи. Перевод Н. Чуковского	185
220.	Завод. Перевод С. Липкина	186
221.	Пржевальскому. Перевод Н. Чуковского	187
222.	Плотники. Перевод Н. Чуковского	187
* 223.	Слово кузнеца. Перевод С. Ботвинника	188
224.	Карабек. Перевод Н. Чуковского	189
225.	Сторожиха Турсун. Перевод В. Звягинцевой	189
226.	Учитель. Перевод М. Петровых	190
227.	Русскому гостю. Перевод С. Липкина	191
228.	Тоска. Перевод И. Волобуевой	191
229.	Арычная вода. Перевод А. Вознесенского	192
** 230.	Я родился. Перевод М. Ватагина	193
231.	Конь Васенька. Перевод В. Леоновича	193
232.	Время полива. Перевод В. Звягинцевой	194
233.	«Если бы ушел я в дальние края...» Перевод В. Звягин- цевой	194
** 234.	«Я этим летом, как всегда, в айле...» Перевод М. Вата- гина	194

235.	Радость. <i>Перевод М. Петровых</i>	195
236.	Кетмень. <i>Перевод В. Потаповой</i>	195
237.	«Пусть двинется селъ, половодьем грозя...» <i>Перевод М. Синельникова</i>	196
238.	Дождь прошел. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	196
** 239.	Детство. <i>Перевод М. Ватагина</i>	197
240.	Русский народ. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	198
** 241.	Звездный город. <i>Перевод Б. Голубева</i>	199
242.	Ночной совет. <i>Перевод Н. Пустынникова</i>	199
* 243.	В тоске. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	200
* 244.	Отец Дженишкаиа. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	201
* 245.	Прощание. <i>Перевод Н. Кононова</i>	202
246.	Москва. <i>Перевод В. Потаповой</i>	202
247.	Пушкину. <i>Перевод Н. Глазкова</i>	203
248.	Колхозникам. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	204

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

249—255.	Стихи о насекомых. <i>Перевод М. Петровых</i>	
1.	Муха	205
2.	Комар	205
3.	Стрекоза	205
4.	Муравей	206
5.	Пчела	206
6.	Овод	206
7.	Кузнечик	207
256.	Песня о дожде. <i>Перевод А. Глобы</i>	207
257.	Темин. <i>Перевод И. Волобуевой</i>	208
258.	Скворец. <i>Перевод С. Липкина</i>	210
259.	Журавли и дети. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	210
260.	Нургуль. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	211
261.	Эмильбек и отметки. <i>Перевод Н. Глазкова</i>	211
262.	Жеребенок резвый. <i>Перевод М. Петровых</i>	212
263.	Враг книги. <i>Перевод Р. Сефа</i>	213
264.	Двухметровый Эсенкул. <i>Перевод С. Виленского</i>	214
265.	Перепелка. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	215
266.	Посадим сад. <i>Перевод В. Потаповой</i>	216
267.	Первое сентября. <i>Перевод М. Петровых</i>	217
268.	Люби книгу. <i>Перевод М. Петровых</i>	217
269.	Птицы улетели. <i>Перевод М. Петровых</i>	218

ПОЭМЫ И ЛЕГЕНДЫ

270.	Толубай. <i>Перевод Н. Чуковского</i>	221
271.	Борьба характеров. <i>Перевод М. Синельникова</i>	226
** 272.	Кулуйпа. <i>Перевод Б. Голубева</i>	229
273.	Кто это? <i>Перевод С. Липкина</i>	234
274.	Карагул. <i>Перевод М. Синельникова</i>	242
275.	Воскресшие из мертвых. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	248
276.	Дженишбек. <i>Перевод М. Синельникова</i>	264
277.	Мирза и Саткын. <i>Перевод В. Микушевича</i>	269
278.	Стодвадцатилетняя яблоня и столдесятилетний Шавкет Гирей. <i>Перевод Р. Сефа</i>	275
279.	Тополь Эшимкана. <i>Перевод М. Еремина</i>	279
	Примечания	289
	Словарь	295
	К иллюстрациям	297

Осмонов А.

О 75 Стихотворения и поэмы: Пер. с кирг./Вступ. ст., сост. и прим. К. Бобулова.— Л.: Сов. писатель, 1990.— 304 с., 2 л. илл., 1 л. портр.— (Б-ка поэта, Большая серия).

ISBN 5-265-00989-2

Творчество киргизского советского поэта А. Осмонова (1915—1950) впервые представлено в Большой серии «Библиотеки поэта» отдельным изданием. В книгу включены лучшие произведения Осмонова в переводах советских поэтов С. Ботвинника, М. Ватагина, В. Звягинцевой, К. Кулиева, В. Леоновича, С. Липкина, С. Обрадовича, М. Петровых, И. Сельвинского, М. Синельникова, И. Фоякова, В. Шаповалова и др.

О 4702300200—041
083(02)—90 **КБ—1—37—89**

ББК 84.Ки 7

Алыкул Осмонов

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Художник В. В. Еремин

Худож. редактор Б. А. Комаров

Техн. редактор Е. Ф. Шараева

Корректоры Е. Д. Шнитникова, Т. Л. Кувшинская

ИБ 7745

Сдано в набор 1.08.89. Подписано к печати 09.02.90. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага кн. для мас. изд. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 16,18. Уч.-изд. л. 14,34. Тираж 10 000 экз. Заказ № 217. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

1750

1750